Book: Меч Гидеона

Престон Дуглас, Чайлд Линкольн

Меч Гидеона

Гидеон Кру – 1

Эту книгу мы посвящаем нашему замечательному литературному агенту Эрику Симонофф

ЧАСТЬ I

МЕЛВИН КРУ

ГЛАВА 1

Август 1988 г.

Ничто за двенадцать лет жизни не подготовило Гидеона Кру к этому дню. Теперь все — каждая пустяковая деталь, каждый банальный жест, каждый звук и запах — смерзлось в ледяную глыбу, превратилось в неизменную данность, предназначенную для вдумчивого изучения.

Мать везла его домой с тренировки по теннису в их многоместном «плимуте». День был жаркий, за тридцать градусов. В такую погоду одежда пристает к телу, а солнечные лучи становятся похожи на липучку для мух. Гидеон направил себе в лицо обдуватели на приборной панели и наслаждался потоками холодного воздуха.

Они ехали по шоссе номер двадцать семь, как вдруг у длинной бетонной стены, опоясывающей Арлингтонское мемориальное кладбище, машину перехватили двое полицейских на мотоциклах: один материализовался впереди, другой пристроился сзади, оба с включенными сиренами и вращающимися красными мигалками. Тот, что ехал впереди, указал рукой в черной перчатке на съезд с магистрали, где принудил мать Гидеона затормозить. Никакого томительного разбирательства, как при рутинной остановке, не последовало: полицейские соскочили с мотоциклов и подбежали к машине.

— Следуйте за нами, — велел один, наклонившись к окну. — Немедленно!

— В чем, собственно, дело? — поинтересовалась мать Гидеона.

— Вопрос национальной безопасности. Не отставайте: мы поедем быстро, будем расчищать вам дорогу.

— Не понимаю...

Но полицейские уже бросились к своим мотоциклам.

Под завывание сирен они провели автомобиль вниз по эстакаде к Джордж-Мейсон-драйв, распугивая других водителей. По пути к ним присоединялись все новые мотоциклы и патрульные машины, даже «скорая помощь».

Кортеж с ревом несся по запруженным улицам. Гидеон не знал, восторгаться ему или пугаться. После поворота на Арлингтонский бульвар он догадался, куда они едут: в Арлингтон-Холл, в Командование разведки и безопасности армии (КРБ) США, где работал его отец.

Въезд в комплекс перегораживали полицейские заграждения, но для кортежа их мигом раздвинули. Промчавшись по Церемониальной аллее, они остановились перед очередными заграждениями, где скопились пожарные и полицейские машины, бронеавтомобили группы специального назначения. Гидеон уже видел за деревьями корпус, где работал отец: внушительные белые колонны и кирпичный фасад в окружении изумрудных лужаек и ухоженных дубов. Когда-то там был институт благородных девиц, и на вид с тех пор мало что поменялось. Между лужайкой и корпусом было расчищено от машин широкое пространство. За кочкой залегли двое снайперов.

Мать повернулась к сыну и приказала сильно напугавшим его тоном:

— Сиди в машине и ни в коем случае не вылезай! — Еще страшнее тона было ее серое застывшее лицо.

Она вышла из машины, и ее мигом увела рассекшая толпу фаланга полицейских.

Она забыла заглушить мотор, в салоне работал кондиционер. Гидеон чуть опустил стекло, и в машину ворвался вой сирен, бормотание раций, крики. Мимо пробежали двое в синем. Полицейский неподалеку что-то рявкнул, со всех сторон зазвучали новые, еще более визгливые сирены.

Кислый, искаженный электронным мегафоном голос произнес:

— Выходи с поднятыми руками!

Толпа разом затихла.

— Ты окружен. У тебя нет выхода. Отпусти заложника и немедленно выходи!

Тишина. Гидеон огляделся. Внимание толпы было приковано к дверям корпуса с колоннами, перед которыми залегли снайперы. Там, видимо, и разворачивалось действо.

— Здесь твоя жена. Она хочет с тобой поговорить.

Эфирные помехи на всю округу, потом тысячекратно усиленный всхлип, при других обстоятельствах вызвавший бы смех.

— МЕЛВИН? — Снова оглушительное хлюпанье. — МЕЛВИН!

Гидеон замер. «Это же голос моей мамы!..» — пронеслось у него в голове.

По бессмысленности происходящее соревновалось с дурным сном. Этого не может быть! Гидеон машинально взялся за ручку, распахнул дверцу и вышел в удушающий зной.

— Мелвин! — Всхлип. — Прошу тебя, выходи. Обещаю, тебе не причинят вреда. Умоляю, отпусти этого человека!

Голос хриплый, чужой — но обмануться невозможно: голос принадлежал матери.

Гидеон стал продвигаться среди бесчисленных людей в полицейской и военной форме. Никто не обращал на него внимания. Он достиг внешнего ограждения, положил руку на грубую деревянную перекладину, выкрашенную в голубой цвет. Как он ни всматривался в здание впереди, никакого движения разглядеть было невозможно. Здание плыло в жарком мареве и выглядело мертвым. Дубовые листья безжизненно повисли, безоблачное небо казалось плоским и бледным почти до белизны.

— Мелвин, если ты его отпустишь, они тебя выслушают.

Снова безмолвное ожидание. Потом какая-то возня в дверях. Незнакомый Гидеону мужчина в костюме вышел, пошатываясь, растерянно огляделся и, мелко перебирая толстыми ногами, засеменил к ограждению. К нему ринулись четверо полицейских в шлемах, с революверами наготове, и заставили спрятаться за грузовиком.

Гидеон нырнул под ограждение и заспешил в направлении полицейских, людей с рациями, военных. Его по-прежнему не замечали, всем было не до него: все взоры были прикованы к дверям между колоннами.

Наконец оттуда донесся негромкий голос:

— Требую расследования!

Голос отца! Гидеон замер как вкопанный, с отчаянно бьющимся сердцем.

— Расследование! Двадцать шесть трупов!

Какая-то невнятица, разносимая вокруг усилителем, потом гулкий мужской голос:

— Доктор Кру, ваше обращение будет передано по назначению. Но сейчас вы должны выйти с поднятыми руками. Вы понимаете? Сейчас ваше дело — сдаться.

— Вы меня не слушаете, — ответил дрожащий голос. Похоже, отец был напуган, как ребенок. — Погибли люди, и никто пальцем не пошевелил! Мне нужно ваше обещание.

— Обещаю!

Гидеон уже подкрался к внутреннему ограждению и видел приоткрытую дверь.

«Это сон, ночной кошмар, я вот-вот проснусь...»

Ему было нехорошо от жары, во рту чувствовался противный медный привкус. Кошмар — и одновременно самая настоящая реальность!

Потом дверь широко распахнулась, и в черном прямоугольнике проема Гидеон увидел отца, совсем крохотного по сравнению с внушительным зданием. Отец шагнул вперед с задранными вверх, ладонями вперед, руками. Прямые волосы падали ему на лоб, галстук был свернут набок, синий костюм сильно помялся.

— ХВАТИТ! — приказал голос. — СТОЯТЬ!

Мелвин Кру остановился, моргая на безжалостном солнце.

Раздались выстрелы, почти очередь, и отца Гидеона отбросило обратно в темный дверной проем.

С истошным криком «ПАПА!» Гидеон перемахнул через барьер и побежал по раскаленному асфальту стоянки.

— ПАПА!!!

За спиной у него кричали:

— Откуда ребенок?! Не стрелять!!!

Но он уже несся по лужайке к входу. Ему наперерез бежали взрослые.

— Господи! Остановите его!

Он поскользнулся на траве, шлепнулся, вскочил с выпачканными ладонями и коленками. Он видел только подошвы отцовских башмаков, торчащих из темного проема носками к небу, — вытертые подошвы, одна даже с дырой. Это был, конечно, сон.

Прежде чем Гидеона сбили с ног и прижали к земле, он успел увидеть, как дважды дернулись отцовские ноги.

— Папа! — крикнул он с полным травы ртом, пытаясь снова встать, хотя ему на плечи и на спину навалился своей тяжестью, казалось, весь мир. Но он видел, как отец шевелил ногами. Значит, он жив, он встанет, и все снова будет хорошо...

ГЛАВА 2

Октябрь 1996 г.

Гидеон Кру прилетел из Калифорнии дешевым ночным рейсом. Прежде чем подняться в небо, самолет два часа простоял на взлетной полосе аэропорта Лос-Анджелеса. Из аэропорта Аллена Даллеса он приехал в Вашингтон на автобусе, потом доехал на метро до конечной станции, там сел в такси. Неожиданный перелет нанес удар по его финансам. Он и так с опасной скоростью тратил наличность, не имея возможности откладывать деньги, а ведь последняя работа принесла ему больше обычного, потому что товар было нелегко продать.

Он ждал звонка, но, дождавшись, понял, что это ложная тревога, очередной приступ истерики или пьяная мольба о внимании. Правда, врач в больнице сразил его откровенностью. «У нее отказывает печень, а анамнез исключает трансплантацию. Так что вы, возможно, посещаете ее в последний раз».

Она лежала в палате реанимации: обесцвеченные волосы рассыпаны по подушке, лицо лихорадочно пылает. На веках остались следы от жалкой попытки воспользоваться тенями — все равно что покрасить ставни в доме с привидениями... В носовом катетере булькало и хрипело.

В палате царили полумрак и тишина, которую только подчеркивало тихое попискивание приборов. Его вдруг ударило тугой волной жалости и вины. Вместо того чтобы заботиться о ней, он был поглощен собственной жизнью. Но любая его попытка что-то предпринять только усугубляла ее тягу к бутылке, и все заканчивалось скандалом. Такое завершение ее жизни было вопиющей несправедливостью — да, именно несправедливостью!

Он взял ее руку, хотел что-нибудь сказать, но ничего не смог придумать. Наконец выдавил неубедительное «Как ты, мам?» и возненавидел себя за дурацкий вопрос.

Вместо ответа он получил невыносимый взгляд ее глаз с белками цвета перезревшего банана. Ее костлявая дрожащая рука слабо стиснула его руку. Наконец она с трудом произнесла:

— Вот и все…

— Пожалуйста, мам, не говори так.

Она обреченно махнула рукой:

— Ты разговаривал с врачом и все знаешь. У меня цирроз вместе с целым букетом побочных недугов, не говоря о застойной сердечной недостаточности и эмфиземе от многолетнего курения. Я развалина и сама в этом виновата.

У Гидеона не нашлось ответа. Мать права. Она всегда все выкладывала начистоту. Непонятно, как такая сильная женщина оказалась уязвимой к вульгарной химии. Хотя что тут непонятного: легкое привыкание было характерной чертой ее личности, он наблюдал нечто похожее и за собой.

— Истина тебя освободит, — сказала она, — хотя сначала сделает несчастным.

Этот ее излюбленный афоризм всегда предшествовал тяжелым откровениям.

— Настало время открыть тебе правду. — Она набрала в загубленные легкие воздух. — Учти, она тебе очень не понравится.

Он переждал ее хрип — старания отдышаться.

— Речь о твоем отце. — Она скосила желтые глаза на дверь. — Встань и закрой.

Гидеон, борясь со страхом, тихо затворил дверь и опять уселся у ее изголовья. Она стиснула ему ладонь и прошептала:

— Голубцы…

— Прости, не понял?

— Голубцы. Такие русские капустные рулеты с мясным фаршем. — Она судорожно ловила ртом воздух. — Советское кодовое название операции — «Рулет». За одну ночь стали безжизненными «рулетами», исчезли целых двадцать шесть агентов глубокого внедрения.

— Зачем ты мне об этом рассказываешь?

— «Молотилка». — Она закрыла глаза и быстро задышала. Казалось, приняв решение, она торопилась все выложить. — Еще одно важное

слово. Так назывался проект, над которым твой отец работал в КРБ. Новый стандарт кодирования, высочайшая степень секретности.

— Ты уверена, что об этом надо говорить? — спросил Гидеон.

— Твоему отцу не полагалось выбалтывать это мне. Но он не сдержался. — Она не открывала глаз, ее тело выглядело безжизненным, погружающимся в больничную койку, как в пучину.

— «Молотилку» требовалось проверить. Испытать. Для этого наняли твоего отца. Мы переехали в Вашингтон.

Гидеон кивнул. Для семиклассника было не очень радостно перебираться из калифорнийского Клермонта в федеральный округ Колумбия.

— В 1987 году КРБ передало «Молотилку» Агентству национальной безопасности для завершающего испытания. Ее приняли и внедрили.

— Никогда об этом не слышал.

— Ну так слышишь теперь. — Она болезненно глотнула. — У русских ушли на расшифровку считанные месяцы. 5 июля 1987 года, на следующий день после Дня независимости, они наделали «рулетов» из всех этих американских шпионов.

Пауза, долгий вздох. Приборы не прекращали свой тихий писк под шипение кислорода, им аккомпанировала невнятным шумом своей жизнедеятельности вся больница.

Гидеон не выпускал руку матери, не зная, что сказать.

— В провале обвинили твоего отца...

— Мам! — Он сжал ей руку. — Все это давно в прошлом.

Она покачала головой.

— Они изуродовали ему жизнь. Поэтому он и натворил дел — захватил заложника.

— Какое это теперь имеет значение? Я давным-давно смирился с тем, что папа совершил ошибку.

Мать резко глянула на него.

— Никакой ошибки. Его просто сделали козлом отпущения. — Она не произнесла, а выплюнула эти слова, как гадость, которую невозможно больше терпеть во рту.

— Как это?

— Перед операцией «Голубцы» твой отец написал докладную записку. Он предупреждал, что «Молотилка» теоретически уязвима, что потенциально в ней есть лазейка. Но него не обратили внимания, но он оказался прав. Двадцать шесть трупов!

Она шумно дышала и судорожно комкала скрюченными пальцами простыню.

— «Молотилка» была засекречена, они могли говорить все, что им заблагорассудится. Спорить с ними было некому. А твой отец был человеком со стороны, профессором, штатским. Да еще лечился в свое время от депрессии — какое удобство!

Слушая мать, Гидеон чувствовал, что превращается в ледышку.

— Так ты говоришь, что он не был виноват?

— Абсолютно! Но они уничтожили все улики и повесили вину за свой провал под кодовым названием «Голубцы» на него. Поэтому он захватил заложника. И поэтому его застрелили, хотя он вышел с поднятыми руками, — чтобы молчал. Хладнокровное убийство!

Гидеон вдруг почувствовал себя как в невесомости. При всем ужасе услышанного у него словно свалилась тяжесть с плеч. Его отец, чье имя публично поносили с тех пор, как сыну исполнилось двенадцать лет, оказывается, вовсе не был неуравновешенным, депрессивным математиком-неудачником. Весь туман в голове, все насмешки и шепот за спиной теперь можно забыть. Одновременно он уже начал осознавать всю чудовищность преступления, совершенного против его отца. Он помнил тот день, словно это было вчера, помнил обещания, которым отец поверил, чтобы выйти на солнечный свет — и быть изрешеченным пулями.

— Кто же?.. — начал было он.

— Генерал-лейтенант Чэмбли Такер, заместитель начальника КРБ и руководитель проекта «Молотилка». Это он сделал твоего отца козлом отпущения, чтобы самому не оказаться виноватым. Это он был тогда в Арлингтон-Холл, он отдал приказ стрелять. Запомни это имя: Чэмбли Такер.

Мать умолкла и растянулась, вся в поту от напряжения, ловя ртом воздух, как после марафона.

— Спасибо, что рассказала, — произнес он ровным голосом.

— Это еще не все. — Снова дыхание запыхавшейся бегуньи. График пульса на настенном мониторе приобрел угрожающий вид.

— Хватит, тебе надо отдохнуть.

— Нет! — Непонятно откуда у нее взялись силы, чтобы повысить голос. — У меня будет время для отдыха… потом.

Гидеон снова напрягся.

— Что было дальше, ты знаешь. Тебе тоже досталось: постоянные переезды, бедность. Мужчины… У меня все валилось из рук. В тот день закончилась и моя жизнь. С тех пор у меня внутри все мертво. Я была отвратительной матерью. А ты… тебе было так больно!

— Не волнуйся, я выжил.

— Правда?

— Конечно. — Утверждать это было для него мучением.

Ее дыхание стало замедляться, рука ослабла. Заметив, что мать засыпает, он выпустил ее ладонь и положил поверх простыни. Но когда наклонился, чтобы поцеловать, она вдруг схватила его за воротник, как клещами, притянула к себе, впилась глазами ему в глаза и сказала с маниакальным напором:

— Сравняй счет!

— Что?!

— Сделай с Такером то же самое, что он сделал с твоим отцом. Уничтожь его! И пусть он умрет, зная, за что принимает смерть и от чьей руки.

— Господи, ты что, мам? — Гидеон оглянулся в страхе. — Сама не знаешь, что говоришь.

— Не спеши. — Она перешла не шепот. — Закончи колледж, магистратуру. Учись, наблюдай, жди. Ты что-нибудь придумаешь.

Ее рука упала, она снова закрыла глаза. Казалось, из нее вышел с последним выдохом весь воздух. Собственно, так оно и было: она впала в кому и через два дня умерла.

Такими были ее последние слова, непрестанно звучащие теперь у него в голове: «Ты что-нибудь придумаешь».

ГЛАВА 3

Наши дни

Гидеон Кру вышел из сосновой рощи на широкое поле, на краю которого примостилась хижина. В одной руке алюминиевый футляр с удочкой, на плече брезентовая сумка с сырой травой и двумя пойманными на муху

форелями. В этот чудесный майский день солнышко ласкало ему затылок. Он мерил длинными ногами луг, распугивая пчел и бабочек.

Хижина была сложена из тесанных вручную бревен с замазанными глиной щелями, накрыта ржавой крышей, имела два окошка и дверь. Стиль нарушали солнечные панели и антенна-«тарелка» на крыше.

Вдали зеленел склон хребта, под которым синело водохранилище Пьедра-Ламбре, вершины южного Колорадо превращали горизонт в необъятную пасть с оскалом синих клыков. Гидеон работал на «Холме» — в Национальной лаборатории Лос-Аламоса — и ночевал в убогой казенной квартире в доме на углу улиц Тринити и Оппенгеймера. Зато выходные проводил в этой хижине в горах Хемес. Здесь протекала его настоящая жизнь.

Он распахнул дверь хижины и вошел в кухонный закуток. Снял с плеча сумку, достал очищенную от чешуи форель, вымыл рыбины и насухо их вытер. Сняв с базы свой айпод, он, немного поразмыслив, нашел и запустил джаз в исполнении Телониуса Монка. В колонках застучали ударные «Зеленых дымоходов».

Гидеон смешал в миске лимонный сок, соль, оливковое масло и свежемолотый перец, смазал этим маринадом форель. Остальные ингредиенты «форели по-провансальски» — лук, помидоры, чеснок, вермут, муку, орегано и тимьян — мысленно отверг. Он обходился одной плотной трапезой в день, зато высочайшего качества, собственного приготовления. То, как он готовил еду, а потом медленно ее поглощал, было сродни практике дзэн. Если он чувствовал голод в течение дня, то довольствовался печеньем «Твинкс», чипсами «Доритос» и кофе — все на бегу.

Он вымыл руки, прошел в жилой отсек, поставил алюминиевый футляр с удочкой в старую стойку для зонтиков в углу. Плюхнувшись на старый кожаный диван, устроил ноги на подлокотник и зажмурился от удовольствия. В большом каменном камине трещал огонь, разожженный скорее для уюта, чем для тепла, послеполуденное солнце освещало лосиные рога над камином. На полу лежала медвежья шкура, на стенах висели доски для нард и шахмат. Книг было так много, на тумбочке и на столиках, на полу, в книжном шкафу в дальнем углу, что больше нельзя было бы втиснуть ни одной.

Помимо кухонного, в доме имелся еще один закуток, скрытый одеялом, играющим роль занавески. Гидеон долго лежал без движения. Он не проверял систему с прошлой недели, и сейчас ему было неохота за это браться: он устал и предвкушал ужин. Но обязанность уже давно превратилась в привычку, поэтому он заставил себя встать и, откинув одной рукой длинные черные волосы со лба, другой потянулся к одеялу, из-за которого доносился слабый гул.

Он нехотя отодвинул одеяло, и из темной ниши пахнуло проводами под напряжением и нагретой пластмассой. Деревянный стол — рабочее место компьютерщика, системные блоки, мониторы, перемигивающиеся светодиоды. Компьютеров было целых четыре, разных марок и размеров, все «серых» производителей и не меньше пяти лет от роду. Здесь же находился сервер «Апач», три Linux- клиента. Для задач Гидеона не требовалось особенного компьютерного быстродействия, зато были необходимы тщательность и надежность. Единственным новым и относительно дорогим прибором здесь был мощный широкополосный спутниковый маршрутизатор.

Некоторую человечность придавал рабочему месту маленький карандашный набросок на стене: Уинстон Хомер, скалы на побережье штата Мэн. Только он и остался от прежней профессии Гидеона: продать рисунок у него не поднялась рука.

Усевшись в видавшее виды офисное кресло на восьми колесиках, он забросил ноги на стол, положил на колени клавиатуру и забарабанил по клавишам. Появился экран с результатами поиска и с донесением-упреком, что он отсутствовал шесть дней.

Изучать найденное пришлось недолго: вот оно, то, что искал!

Гидеон вытаращил глаза. Много лет он совершенствовал свою поисковую машину. Со времени последнего положительного ответа, в конце концов заведшего его в тупик, минул год.

Он сел прямо, сердце колотилось как бешеное. Пальцы забегали по клавишам с удесятеренной скоростью. Находка была бесценной. Еще бы — строка в содержимом Архива национальной безопасности в университете Джорджа Вашингтона. Сам архивный материал оставался засекреченным, но доступным оказалось оглавление — спасибо обширной программе рассекречивания документов «холодной войны» во исполнение указа президента номер 12958!

Он смотрел на имя и фамилию своего отца: Л. Мелвин Кру. Подписанный отцом все еще секретный архивный документ назывался «Рецензия на дискретно-логарифмический стандарт шифрования EVP-4 „Молотилка“: теоретическая стратегия несанкционированной расшифровки через лазейку торсионных точек эллиптической кривой в характеристике „фи“».

— Матерь Божья! — пробормотал Гидеон, поедая глазами монитор. — Именно то, что я искал!

Годами он старался не унывать, и то, что теперь обнаружил, превзошло все его ожидания. Настоящая золотая жила!

Он не мог поверить в удачу: неужели это та самая отцовская докладная записка с критикой «Молотилки», которую генерал Такер будто бы уничтожил?

Установить, так ли это, можно только одним способом.

ГЛАВА 4

В полночь Гидеон Кру, сутулясь, шел по улице в бейсболке козырьком назад, спрятав руки в карманы. На нем была пропотевшая рубаха, грязный плащ нараспашку, штаны мешком, сползшие чуть ли не до колен. Оставалось радоваться везению: в милом вашингтонском пригороде Брукленд в этот день как раз вывозили мусор.

Он свернул на Кирни-стрит и миновал нужный ему дом — облупившееся бунгало с некошеной лужайкой, окруженное белым когда-то заборчиком. И конечно, неизбежный перегруженный мусорный бак, распространяющий чудовищный запах гнилых креветок. Остановившись у бака, Гидеон огляделся, потом глубоко запустил в него руку. Пальцы нащупали подобие картофеля фри. Он извлек свой улов, убедился, что осязание его не обмануло, и бросил картофель обратно в бак.

Из живой изгороди вылез тощий одноглазый кот.

— Проголодался, братец?

Кот мяукнул басом и потерся о его штанину, задрав хвост. Гидеон предложил ему жареной картошки. Кот подозрительно понюхал угощение, мигом его слопал и размяукался громче прежнего. Дав ему еще горсть, Гидеон вздохнул:

— Больше нет, приятель. И хорошо: ты хоть представляешь, как тебе вредны трансгенные жирные кислоты?

Кот вряд ли это представлял, потому что принялся жадно есть.

Гидеон продолжил раскопки в мусорном баке и на сей раз наткнулся на пачку бумаги. Быстро просмотрел найденное и убедился, что это домашняя работа младшего школьника по арифметике. «На твердую пятерку, — довольно подумал он. — Зачем такое выбрасывать? Лучше бы взяли в рамочку и повесили на стену».

Дальнейшие поиски увенчались куриной ножкой, отложенной для одноглазого кота. Гидеон пообвык и уже мог рыться в отбросах обеими руками, забираясь все глубже, не брезгуя мерзостью и гнильем, сортируя не глядя продукты бытового полураспада. Наконец-то еще бумаги! Он извлек их на поверхность и возликовал. Нашел то, что надо — счета! В частности, верхняя половинка телефонного счета.

Джекпот!

— Эй, ты! — раздался окрик.

Гидеон оторвался от мусорного бака. В него целился указательным пальцем сам хозяин дома, низенький худой афроамериканец Ламойн Хопкинс.

— Убирайся отсюда! — грозно воскликнул Хопкинс.

Без спешки, радуясь неожиданной возможности поговорить с одной из своих мишеней, Гидеон засунул бумажки в карман.

— Уже и пожрать нельзя! — Он продемонстрировал куриную ножку.

— Жри в другом месте! — взвизгнул Хопкинс. — Здесь приличный квартал. А это мой мусорный бак.

— Да ладно тебе, уймись.

Хопкинс достал телефон.

— Видал? Я вызываю копов.

— Что я такого сделал?

— Алло! Здесь посягательство на частную собственность! — театрально заговорил обиженный мусоровладелец. — Ковыряются в моем баке! Кирни-стрит Норт-Ист, дом 1517…

— Прошу прощения, — пробормотал Гидеон и побрел прочь, забрав с собой куриную ножку.

— Немедленно высылайте патрульную машину! Он пытается скрыться!

Гидеон метнул куриную ножку в направлении кота, лениво свернул за угол и прибавил шагу. Тщательно вытерев руки бейсболкой, он выбросил ее, вывернул наизнанку свой плащ от Армии спасения и оказался в синем плаще без единого пятнышка. Осталось подтянуть штаны, заправить рубашку, причесать волосы. Когда он подходил к своей арендованной машине, оставленной за несколько кварталов, мимо пронеслась патрульная машина. Полицейские скользнули по нему взглядом и ничуть им не заинтересовались. Он сел в автомобиль и завел мотор, радуясь удаче. Он не только унес с собой то, за чем приходил, но и познакомился с самим Ламойном Хопкинсом, даже имел с ним очаровательную беседу.

Это могло оказаться весьма кстати.

Утром Гидеон, засев в номере мотеля, приступил к обзвону номеров из телефонного счета Хопкинса. Успех принес пятый по счету номер.

— Молл «Сердце Виргинии», техподдержка, — раздалось в трубке. — Кенни Роман слушает.

Техподдержка? Гидеон включил цифровой диктофон, заранее подсоединенный к телефонной линии.

— Мистер Роман?

— Я слушаю.

— Меня зовут Эрик, «Сатерленд финанс компани».

— Чем я могу вам помочь?

— Речь о рассрочке на приобретенный вами «додж-дакота» 2007 года.

— Какая «дакота»?

— У вас просрочка в три месяца, сэр, и боюсь, «Сатерленд финанс»...

— Вы о чем? Нет у меня никакой «дакоты»!

— Мистер Роман, я понимаю, сейчас нелегкие времена, но если мы не получим положенную сумму...

— Слушай, парень, вынь затычки из ушей! Ты не туда попал. У меня и пикапа-то нет, так что можешь убираться куда подальше!

Гидеон трижды прослушал запись на диктофоне.

— Вы о чем? Нет у меня никакой «дакоты»! — вслух передразнил он Романа. — Слушай, парень, вынь затычки из ушей. Ты не туда попал. У меня и пикапа-то нет...

Гидеон раз за разом повторял эти нехитрые фразы, меняя их последовательность, пока не решил, что освоил интонацию, тональность и ритм. Он снова взялся за телефон. На сей раз набрал номер отдела информационных технологий в Форт-Бельвуаре.

— Информационные технологии, слушаю вас, — ответила трубка голосом Ламойна Хопкинса.

— Ламойн? — шепотом начал Гидеон. — Это Кенни.

— Что за дела, Кенни? — Хопкинс сразу проявил подозрительность. — Почему ты шепчешь?

— Жутко простудился. И потом, я должен сообщить тебе кое-что важное.

— Важное? Что именно?

— Ламойн, у тебя проблема.

— У меня? Какая еще проблема?

Гидеон заглянул в свои записи.

— Мне звонил некий Роджер Уинтерс.

— Уинтерс? Тебе звонил Уинтерс?

— Он самый. Говорит, есть проблема. Спрашивал, сколько раз ты звонил мне с работы.

— О Господи!

— Представь себе. Он хотел выяснить, звонил ли ты мне по своему офисному компьютеру через скайп.

— Это было бы грубым нарушением правил безопасности. Я себе такого не позволяю.

— А он говорит, что позволяешь.

Гидеон слышал, как тяжело дышит Ламойн.

— Это неправда!

— Я ему так и сказал. Слушай, Ламойн, началась проверка соблюдения правил безопасности. Кажется, у них на тебя зуб.

— Что же мне делать? — взмолился Хопкинс. — Я совершенно чист. Пойми, я бы не смог позвонить отсюда по скайпу, даже если бы очень захотел.

— Почему?

— Брандмауэр не даст.

— Брандмауэр всегда можно обойти.

— Ты шутишь? Мы же засекречены!

— Способ всегда найдется.

— Брось, Кенни. Я знаю, что такого способа нет. Я все-таки занимаюсь информационными технологиями, как и ты. Во всей сети есть всего один выходной порт, пропускающий только зашифрованные пакеты паролей с определенных узлов, а они все безопасные. Сами пакеты потом идут только на определенные внешние интернет-протоколы. Все секретные документы в этом архиве оцифрованы, у них настоящая паранойя насчет электронной безопасности. Так что звонить по скайпу не могу, хоть тресни! Электронную почту и ту не могу отправлять.

Гидеон покашлял, пошмыгал носом — все-таки простуда.

— У тебя есть номер порта?

— Есть, но нет доступа к еженедельным паролям.

— А у твоего босса Уинтерса доступ есть?

— Нет. Пароль знает только руководящая троица: директор, его заместитель, начальник службы безопасности. Зная пароль, можно отправлять отсюда электронную почту, а тут и до отправки секретных документов недалеко!

— Разве не у вас в отделе генерируют пароли?

— Ты с ума сошел? Пароли доставляют в запечатанных конвертах. Их несут в руках мимо всех электронных систем, а сначала пишут от руки на бумажке, чтоб она сгорела!

— Проблема в номере порта, — определил Гидеон. — Его записывают?

— Держат в сейфе. Но многие его знают.

Гидеон издал стон.

— Похоже, тебя подставляют. Наверное, кто-то наверху спалился и ищет, на кого переложить вину. На Ламойна, на кого же еще? Отличная идея!

— В жизни не поверю!

— Тем не менее такое происходит сплошь и рядом. Отдуваться всегда приходится мелкой сошке. Ты бы подумал о самозащите, дружок.

— Как?

Гидеон выдержал паузу, потом проговорил:

— Есть у меня одна мыслишка, вроде бы неплохая. Какой там, говоришь, номер порта?

— Шесть-один-пять-один. Какое это имеет значение?

— Я кое-что проверю и перезвоню тебе домой сегодня вечером. Пока что никому ничего не рассказывай, сиди и не высовывайся, работай себе и помалкивай. Не перезванивай мне — они наверняка отслеживают твои звонки. Поговорим, когда вернешься домой.

— Невероятно! Слушай, Кенни, я твой должник, честное слово!

Гидеон для порядка покашлял.

— Зачем еще нужны друзья?

ГЛАВА 5

Повесив трубку, Гидеон принялся спешно переодеваться. Раздвинул дверцы шкафа, водрузил на кровать чемодан. Оттуда извлек модную рубашечку «Тернбул энд Эйсер». Голубой костюмчик «Томас Махон» был сшит на заказ. Застегнув брючный ремень, он повязал галстук «Спитфилд Флауэр» (и откуда англичане берут такие фамилии?), туго заколол его булавкой, надел пиджак. Затем — немного геля для волос на ладони, чтобы привести в порядок непослушные волосы. Последний штрих — искусственная седина на висках: сразу пять лишних лет к возрасту.

Он залюбовался собой в зеркале. Три тысячи двести долларов стоило новое облачение — рубашка, костюм, туфли, ремень, галстук и прическа. Еще две тысячи девятьсот — переезд, мотель, автомобиль с водителем. За все это он платил по четырем только что заведенным для этих целей кредитным карточкам — без малейшего намерения гасить расходы.

Добро пожаловать в Америку!

Автомобиль, черный «линкольн-навигатор», уже ждал его перед мотелем. Он сел на заднее сиденье и дал водителю карточку с адресом. Нежась на мягкой телячьей коже, Гидеон репетировал мимику, собирался с духом и старался не думать об устрашающем ценнике — трехстах долларах в час. Задуманная им афера стоила гораздо дороже. Если поймают, то...

Пробок не было, так что уже через полчаса лимузин затормозил перед Форт-Бельвуаром — зданием, где размещалась Дирекция информационного управления КРБ, уродливым порождением 1960-х годов, окруженным лжеакациями и стоянками.

Где-то внутри сидел Ламойн Хопкинс, наверняка весь потный от страха. Где-то в недрах этого учреждения хранилась секретная докладная записка, составленная отцом Гидеона.

— Остановитесь перед входом и ждите меня, — распорядился Гидеон, слыша, как дает петуха от волнения. Он глотнул, чтобы снять напряжение с мышц шеи.

— Извините, сэр, там написано: не парковаться.

Он откашлялся и проговорил тихо и уверенно:

— Если спросят, скажите, что конгрессмен Уилчизек приехал на встречу с генералом Мурхэдом. Будут настаивать — не упирайтесь, а просто покружите по кварталу. Я выйду не позже чем через десять минут.

— Конечно, сэр.

Гидеон вылез из машины, вошел в здание. Прямо перед ним находилась стойка информации и регистрации посетителей. В просторном вестибюле толпились военные и важные штатские, все стремительно появлялись и исчезали.

«Боже, как я ненавижу Вашингтон!»

Гидеон с холодной улыбкой подошел к администратору: тщательно уложенные голубые волосы, вся из себя аккуратненькая, явная поклонница строгого соблюдения процедуры, всерьез относящаяся к своим обязанностям. То, что надо! Люди, выполняющие правила, — самые предсказуемые.

Он улыбнулся и, возвышаясь над ней на несколько дюймов, произнес с улыбкой:

— Конгрессмен Уилчизек, к заместителю начальника КРБ генералу Томасу Мурхэду. На четыре, — он посмотрел на часы, — нет, на три минуты раньше назначенного времени.

Девушка распрямилась, как пружина.

— Конечно, конгрессмен, сейчас. — Она сняла трубку, нажала кнопку, что-то сказала и посмотрела на Гидеона: — Прошу прощения, конгрессмен, вы не можете продиктовать свою фамилию по буквам?

Он подчинился с раздраженным вздохом, давая понять, что ей полагается знать наизусть, как пишется его фамилия. Он очень старался выглядеть человеком уверенным и презирающим тех, кто не способен узнать такую важную персону.

Она поджала губы и снова взяла трубку. После коротких переговоров выдала:

— Конгрессмен, мне ужасно жаль, но генерал сегодня отсутствует, а у его секретаря нет записи о вашей встрече. Вы уверены?.. — От сурового взгляда Гидеона она осеклась.

— Уверен ли я? — Он приподнял бровь.

Она так поджала губы, что они исчезли, голубые волосы уже тряслись от усилия не сорваться с головы.

Он посмотрел на часы, снова на нее.

— Миссис?..

— Уилсон.

Он вынул из кармана листок и подал ей.

— Удостоверьтесь сами.

Это была состряпанная им самим распечатка электронного письма якобы от секретаря генерала с подтверждением встречи — Гидеон заранее выяснил, что генерала не будет на месте. Прочтя письмо, она вернула его «конгрессмену».

— Мне очень жаль, но его, кажется, нет. Я могу еще раз позвонить его секретарю...

Гидеон сверлил ее неистовым взглядом.

— Я бы предпочел поговорить с секретарем сам.

Она, поколебавшись, сняла трубку и отдала ему, сначала набрав номер.

— Простите, миссис Уилсон, но дело секретное. Вы не возражаете?..

Она на глазах то заливалась темной краской, то розовела. Молча встав, девушка отошла в сторону. Он приложил трубку к уху. Загородив собой аппарат, нажал «отбой» и мгновенно набрал другой номер — секретаря самого директора, генерала Шортхауса.

«Пароль знает только руководящая троица: директор, его заместитель, начальник службы безопасности...»

— Приемная директора, — раздался в трубке голос секретаря.

Он заговорил тихо и быстро, подражая голосу человека, конфликтовавшего с ним у мусорного бака:

— Говорит Ламойн Хопкинс, информационные технологии. Нам звонил генерал. Срочно, брешь в системе защиты.

— Секунду.

— Да? — раздался голос генерала Шортхауса. — В чем дело? Я вам не звонил.

— Простите, генерал. — Гидеон по-прежнему изображал Хопкинса, но теперь говорил тихим елейным голосом. — У вас, наверное, выдался неважный денек.

— Я вас не понимаю, Хопкинс.

— Ваша система отказала, сэр, а поддержка не включается.

— Все функционирует как обычно.

— Генерал, у нас тревога, вся ваша сеть отключилась. Нарушена система безопасности. Вы знаете, что это значит.

— Абсурд! Мой компьютер включен и прекрасно работает. Кстати, почему вы звоните из вестибюля?

— В том-то и проблема, генерал. Телефонная матрица соединилась с компьютерной сетью, отсюда неверные данные. Прошу вас выйти из системы и снова войти, я прослежу за процедурой.

Гидеон покосился на дежурную, стоящую к нему в профиль и добросовестно старавшуюся не подслушивать. В трубке раздался звук нажимаемых клавиш.

— Готово.

— Забавно, никаких сигналов с вашего адреса. Попробуйте еще раз.

Снова нажатия клавиш.

— Опять ничего, генерал. Похоже, пострадал ваш идентификатор. Плохо дело, теперь понадобится отчет, расследование. Все равно выяснится, что барахлила именно ваша система, генерал. Мне очень жаль.

— Не будем торопиться, Хопкинс. Уверен, мы можем все исправить.

— Что ж... Попытка не пытка. Но для этого потребуется перезагрузка и открытие вашего аккаунта отсюда. Мне понадобится ваш идентификатор и пароль.

Пауза.

— Не уверен, что мне можно их вам называть.

— Возможно, вы не осведомлены, что при перезагрузке сети пароль меняется автоматически, поэтому вы можете свободно совершить внутреннюю передачу пароля службе информационных технологий. Понятно, что это вас беспокоит. Альтернатива — мое обращение в Службу национальной безопасности об аннулировании пароля. Мне ужасно жаль, но...

— Ладно, Хопкинс, эта часть правил была мне неизвестна.

Он назвал пароль и идентификатор Гидеону, тот записал то и другое. Через несколько секунд лже-Хопкинс произнес с огромным облегчением в голосе:

— Уф! После перезагрузки все встало на места. Тревога отменяется, безопасность не нарушена. Работайте спокойно.

— Прекрасно!

Гидеон нажал на рычаг и повернулся к дежурной:

— Прошу прощения за беспокойство. Мы все выяснили.

Он быстро покинул здание и зашагал к лимузину.

Уже через полчаса он был у себя в мотеле. Лежа на кровати, работал на ноутбуке, соединенном с только что взломанным незащищенным компьютером в недрах Администрации общих служб, АОС. Он избрал своей мишенью именно это правительственное учреждение, занимающееся поставками, оборудованием и тому подобным, потому что знал: это не составит большого труда, при этом на АОС тоже распространялись правительственные протоколы безопасности.

Как объяснил — сам того, конечно, не желая — Хопкинс, архив КРБ мог отправлять документы только на предварительно разрешенные IP-адреса, и, увы, большинство из них были засекречены, кроме одного — Архива национальной безопасности в университете Джорджа Вашингтона. Этот частный архив, крупнейший в мире, не считая Библиотеки Конгресса США, состоял из огромного количества правительственных документов, включая практически все, что подлежало обязательному рассекречиванию в рамках правительственной программы рассекречивания во исполнение нескольких законов. В этот архив ежедневно вливались новые реки информации.

Через компьютер АОС Гидеон направил автоматический запрос в архив КРБ в университете Джорджа Вашингтона, порт 6151, о передаче некоего секретного документа в формате pdf. Благодаря паролю генерала Шортхауса этот документ оказался в одной дневной папке вместе с рассекреченными документами «холодной войны», поступившей в Архив национальной безопасности. Файл благополучно миновал брандмауэр единственного разрешенного порта, изучившего и одобрившего пароль, и очутился в базе данных университета Джорджа Вашингтона вместе с миллионами других документов.

Гидеон успешно осуществил несанкционированное рассекречивание секретного документа и спрятал его в огромном информационном массиве, покидающем безопасный правительственный периметр. Теперь оставалось извлечь документ и дать ему ход.

Следующим утром, часов в одиннадцать, слегка помятый, но определенно обаятельный приглашенный профессор Ирвин Бошам в твидовом пиджаке, вельветовых брюках, совершенно не идущих к твиду, пыльных башмаках и вязаном галстуке (все это добро от Армии спасения, общая цена тридцать два доллара) вошел в Библиотеку Гелмана в университете Джорджа Вашингтона и заказал целую гору документов. Его персона еще отсутствовала в системе, а свой временный

читательский билет он потерял, но сострадательная сотрудница пожалела рассеянного беднягу и предоставила ему доступ. Уже через полчаса Бошам покинул здание библиотеки с тонким конвертом под мышкой.

У себя в мотеле Гидеон Кру дрожащими от нетерпения руками разложил бумаги на кровати. Наступил момент истины — истины, которая могла даровать ему свободу, а могла сделать еще несчастнее.

ГЛАВА 6

«Рецензия на дискретно-логарифмический стандарт шифрования EVP-4 „Молотилка“: теоретическая стратегия несанкционированной расшифровки через лазейку торсионных точек эллиптической кривой в характеристике „фи“».

Гидеон Кру изучал математику в колледже и потом в Массачусетсском технологическом институте, но отцовская рецензия все равно оказалась выше его понимания. Тем не менее ему хватило познаний, чтобы понять: он держит в руках неопровержимую улику. Это была докладная записка отца с отзывом на систему шифрования под кодовым названием «Молотилка». Мать говорила, что записку уничтожили, но она, оказывается, сохранилась. Скорее всего негодяй, несший ответственность за неудачную систему, решил, что просто взять и уничтожить документ будет трудно, и предпочел поместить его в архив, уверенный, что он никогда не будет рассекречен. В конце концов, какой американский генерал времен Берлинской стены поверил бы, что «холодной войне» рано или поздно придет конец?

Гидеон с сильно бьющимся сердцем дочитал отцовское заключение. Несмотря на сухой научный язык изложения, это была реальная «бомба»! Он еще раз прочел последний абзац.

«В заключение автор высказывает мнение, что предлагаемый стандарт шифрования EVP-4 „Молотилка“, основанный на теории дискретных логарифмов, является ошибочным. Автор продемонстрировал наличие потенциального класса алгоритмов, основанных на теории эллиптических функций, определяемых поверх сложных чисел, которые могут решить ряд дискретных логарифмических функций в расчетных параметрах реального времени. Хотя автор еще не смог идентифицировать конкретные алгоритмы, он показал, что такая возможность существует.

Таким образом, предложенный стандарт „Молотилка“ является уязвимым. При его использовании, по мнению автора, учитывая высокое качество советской математической науки, коды на основании этого стандарта могут быть относительно быстро взломаны.

Автор настоятельно рекомендует не внедрять стандарт шифрования EVP-4 „Молотилка“ в его нынешнем виде».

Это означало, что отца намеренно подставили, а потом убили. Гидеон Кру уже знал все о человеке, который это сделал: отставной генерал-лейтенант Чэмбли С. Такер, ныне исполнительный директор «Такер энд ассошиэйтс», одной из ведущих лоббистских компаний оборонной промышленности на Кей-стрит. Компания представляла интересы многих ведущих оборонных подрядчиков, и Такер был для нее драгоценной находкой. На его экстравагантные привычки там закрывали глаза.

Сам по себе документ ничего не значил, ведь подделать можно все, что угодно, точно так же, как и объявить подделкой. Документ был не конечной, а исходной точкой. С его помощью Гидеон собирался преподнести Чэмбли С. Такеру небольшой сюрприз.

На том самом компьютере, с которого он раньше совершил хищение из баз данных Администрации общих служб, Гидеон удалил с документа водяные знаки секретности и в таком виде разослал его на десяток крупных баз данных по всему миру. Исключив таким образом опасность его стираниями отправил с собственного компьютера письмо на электронный адрес самого Такера, приложив к нему документ.

«Генерал Такер,

я знаю, что вы сделали. Знаю зачем. Знаю как.

В понедельник я рассылаю прикрепленный файл корреспондентам „Пост“, „Таймс“, Ассошиэйтед Пресс, кабельным каналам новостей с разъяснением.

Хороших выходных,

Гидеон Кру».

ГЛАВА 7

Чэмбли С. Такер восседал за огромным письменным столом в оббитом дубовыми панелями кабинете в своем доме в Маклине, штат Виргиния, задумчиво поднимая и опуская, как гирю, четырехфунтовое пресс-папье из муранского стекла. Для своих семидесяти лет он был очень подтянут и гордился этим.

Переложив импровизированный гимнастический снаряд в другую руку, он сделал с ним несколько упражнений. Его прервал стук в дверь.

— Войдите. — Он аккуратно водрузил пресс-папье на стол.

В кабинет вошел Чарлз Дайкович. Даже в штатской одежде выправка и телосложение выдавали закоренелого вояку. «Ежик» на голове, бычья шея, прямая, как шомпол, осанка, голубые глаза со стальным отливом. Подстриженные седые усики были единственной уступкой жизни на «гражданке».

— Доброе утро, генерал, — отчеканил он.

— Доброе утро, Чарли. Присядь, выпей кофе.

— Благодарю вас. — Чарли опустился в кресло.

Такер указал на серебряный поднос на столике сбоку от стола: кофейник, сахарница, сливки, чашки. Дайкович послушно налил себе кофе.

— Значит, так... — Генерал многозначительно помолчал. — Ты работаешь в «Такер энд ассошиэйтс» уже лет десять?

— Так точно, сэр.

— Но мы с тобой знакомы гораздо дольше.

— Да, сэр.

— У нас собственная история. Помнишь операцию «Вспышка ярости», вторжение на Гренаду? Потому я тебя и позвал: доверие, выкованное на поле боя, превосходит любой другой вид доверия в этом свихнутом мире. Тем, кто не был бок о бок в бою, неведом истинный смысл слов «доверие» и «верность».

— Святая правда, сэр.

— Я пригласил тебя в свой дом именно потому, что полностью тебе доверяю. — Он помолчал. — Позволь, я кое-что расскажу. У этой истории есть мораль, но лучше, если ты сам ее для себя сформулируешь. Я не могу вдаваться в подробности. Ты поймешь почему.

Чарлз Дайкович кивнул.

— Слыхал про Джона Уолкера Линда? — Генерал пристально посмотрел на Дайковича.

— «Американский Талибан»? — сразу отозвался тот.

— Совершенно верно. А про Адама Гадана?

— Это не тот, что вступил в Аль-Каиду и снимает видео для бен Ладена?

— Совершенно верно. Ко мне попала сверхсекретная информация о третьем американце, перешедшем в ислам. Но этот, третий, гораздо опаснее. — Такер опять помолчал. — Его отец работал на КРБ, когда там

служил я. Отец оказался изменником, он шпионил на Советы. Это, кстати, тоже строго секретная информация. То, что произошло потом, ты сам, наверное, помнишь: он взял заложника в старой штаб-квартире. Его уложили наши снайперы. Сын видел гибель отца.

— Припоминаю.

— Но тебе неизвестно — это огромный секрет! — что на нем была вина за провал двадцати шести наших агентов. Всех их сцапали в один день и замучили в советском ГУЛАГе.

Дайкович сидел перед пустым кофейным столиком и помалкивал.

— Таковы исходные данные. — Генерал чуть слышно вздохнул. — Можешь представить, каково это — вырасти в таком окружении... В общем, парень, наподобие Линда и Гадана, стал мусульманином. Только он не наделал глупостей: никаких учебных лагерей в Афганистане. Он учился в Массачусетсском технологическом институте, а теперь работает в Лос-Аламосе. Его имя Гидеон Кру.

— Как он умудрился пройти проверку?

— При помощи высокопоставленных друзей. Пока что он не совершал ошибок. Он молодец, очень убедителен, сама искренность. Через него Аль-Каида надеется завладеть Бомбой.

Дайкович поерзал в кресле.

— Почему его не арестовывают? Можно было бы по крайней мере запретить ему доступ к секретам.

Такер подался вперед.

— Ты действительно так наивен, Чарли?

— Надеюсь, что нет, сэр.

— Что, по-твоему, вообще творится в этой стране? Во время «холодной войны» здесь кишели русские, а теперь повсюду джихадисты. Американские джихадисты.

— Понимаю...

— Имея протекцию в самых высоких сферах, этот парень пользуется неприкосновенностью. Ничем конкретным я, конечно, не располагаю: эти сведения попали ко мне случайно, но я не из тех, кто бросает родину на произвол судьбы. Представляешь, что устроит Аль-Каида, если у нее появится атомная бомба?

— Это даже трудно себе представить.

— Чарли, я хорошо тебя знаю. Ты был лучшим в отряде особого назначения, который подчинялся мне. У тебя несравненные навыки. Вопрос стоит так: ты сильно любишь родину?

Дайкович словно раздался в плечах от прилива гордости.

— Этот вопрос мне задавать излишне, сэр.

— Знаю. Потому и решил, что с тобой — больше ни с кем! — можно говорить начистоту. Мне остается сказать одно: порой человеку приходится брать осуществление своего патриотического долга в собственные руки.

Дайкович промолчал. О его волнении свидетельствовал только румянец на обветренном лице.

— Судя по последним сведениям, он сейчас в Вашингтоне, остановился в мотеле «Ла Луна» в Додж-парк. Мы полагаем, что он намерен вступить в контакт с одним из джихадистов. Скорее всего он готовится к передаче документов.

Дайкович внимательно слушал.

— Не знаю, как долго он здесь пробудет и куда отправится потом. При себе у него, конечно, компьютер, представляющий такую же опасность, как и он сам. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Понимаю полностью. Я благодарен вам за то, что вы предоставляете мне такую редкую возможность.

— Спасибо, Чарли. Сердечное спасибо! — Генерал стиснул руку Чарли, потом, демонстрируя прилив чувств, притянул его к себе и дружески обнял.

Когда Дайкович уходил, Такер даже заметил у него в глазах слезы.

ГЛАВА 8

Дорога, обогнув хребет Стормтауэр, вывела к отельному комплексу «Манахок» — собственно отелю, виллам и полю для гольфа у подножия горы. Над всем этим громоздились отроги горного массива Блу-Ридж.

Дайкович убрал ногу с педали газа и притормозил у ворот комплекса.

— У меня забронирован номер, — объяснил он.

Кру оставил этот адрес в мотеле: «На случай если меня будут искать», как он объяснил дежурному. Теперь он находился в этом удаленном месте, наверняка утыканном камерами наблюдения. Такер не ошибся: либо у Кру намечалась важная встреча, либо он приготовил ловушку.

Второе выглядело вероятнее. Но если ловушка, то для кого? А главное, зачем?

Дайкович подъехал к главному входу и дал служащему пять долларов, пообещав вернуться через пять минут.

— Так и есть, — сказала женщина за конторкой портье в ответ на его вопрос. — Гидеон Кру заехал сегодня утром. — Она пощелкала по клавишам. — Кстати, для вас записка. Он собрался взобраться на вершину Стормтауэр.

— Для меня?..

— Тут сказано, что его будет спрашивать мужчина, которому следует объяснить, где его искать.

— Понятно.

— Он поднимается на гору по Лесопильной тропе. К шести рассчитывает вернуться.

— А сколько времени занимает этот подъем?

— Часа два. Спуск столько же. — Она оглядела Дайковича с ног до головы и с улыбкой добавила: — У вас, вероятно, ушло бы меньше времени.

Дайкович посмотрел на часы. Два пополудни.

— Он, наверное, только что ушел.

— Действительно, сообщение оставлено двадцать минут назад.

— У вас есть карта горы?

— Конечно.

На карте все было изображено с предельной ясностью, на ней красовались все тропы. Дайкович забрал карту в машину. Лесопильная тропа начиналась неподалеку. Судя по карте, она отчаянно петляла по склону, забираясь на самую вершину.

Кру вполне мог оставить такие подробные инструкции для того, чтобы его без труда нашел связной. Хотя нет, этот вариант приходилось исключить: невозможно представить шпиона-растяпу, пренебрегающего азами безопасности. Значит, ловушка. Не специально для него, Дайковича, а для любого, кто вздумает преследовать Кру. Если так, то Кру прячется на горе в засаде близ Лесопильной тропы, чтобы выяснить, кому он понадобился.

Дайкович изучил карту. Существовал кратчайший путь на вершину — по просеке под горнолыжным подъемником на противоположном склоне.

За полем для гольфа обнаружилась автостоянка для лыжников. Дайкович вылез из машины и достал из багажника футляр с револьвером. Снова устроился в авто, открыл футляр и извлек «кольт-1911». Осталось пристроить на плече кобуру, положить в нее заряженный револьвер, надеть штормовку. На ремне повис кинжал, еще один кинжал, поменьше, занял позицию за голенищем, в карман брюк легла маленькая «беретта». В небольшой рюкзак он положил патроны, бинокль и две бутылки с водой.

Его по-прежнему притягивала карта. Если Кру притаился в засаде, для этого имелось два подходящих местечка там, где Лесопильная тропа вилась по голым скалам. Чем больше Дайкович сверлил глазами карту, тем больше убеждался, что засада ждет его именно там.

ГЛАВА 9

Дайкович стал быстро подниматься по просеке, над которой висели тросы подъемника. До вершины оставалось с полмили, склон был невероятно крутой, но он находился в прекрасной физической форме и надеялся справиться с подъемом за десять минут. От вершины горы он двинется вниз по Лесопильной тропе, незаметно доберется до вершины другой горы, найденной по карте, — идеального места для наблюдения за участком с голыми скалами. Оттуда наверняка засечет Гидеона и сам устроит ему ловушку.

Через пять минут, преодолев уже половину склона, он увидел запертую на лето сторожку с закрытыми ставнями. Когда он шел мимо нее, прозвучал оглушительный выстрел, за ним последовал удар ему в спину, от которого он распластался на склоне и на мгновение лишился чувств.

Он попытался достать револьвер, превозмогая боль в спине и ловя ртом воздух, но тяжелый ботинок наступил ему на шею, к затылку прикоснулось горячее дуло.

— Руки в стороны, пожалуйста.

Дайкович замер, лихорадочно размышляя, насколько это возможно при такой адской боли. Потом послушно раскинул руки.

— Для начала была резиновая пуля, — произнес голос, — потом будет настоящая.

Дуло по-прежнему елозило по затылку Дайковича, пока невидимый недруг — наверняка это сам Кру — забирал у него оба револьвера и снимал с пояса кинжал. Ножа за голенищем он, правда, не нашел.

— Перевернись, но чтоб я видел твои руки.

Дайкович со стоном завозился в пыли. Перевернувшись на спину, он увидел высокого сухопарого человека лет тридцати или чуть старше, с прямыми черными волосами, длинноносого, с пристальным взглядом голубых глаз. В руках он уверенно сжимал «ремингтон» двенадцатого калибра.

— Денек что надо для прогулки, верно, сержант? Я Гидеон Кру.

Дайкович молча сверлил его взглядом.

— Не удивляйся, я много о тебе знаю, Дайкович. Что тебе наплел Такер, чтобы на меня натравить?

Дайкович помалкивал, но в голове у него происходила напряженная работа. Его унизили, опрокинув на землю. Но надежда еще была — у него оставался нож. Пусть этот Кру моложе его на полтора десятка лет, слишком он тощ, с таким умелый боец справится одной левой.

Кру поощрительно улыбнулся:

— Вообще-то я и сам могу догадаться, какую лапшу тебе навешал на уши славный генерал.

Дайкович не удостоил его ответом.

— Это должно было быть что-то внушительное, чтобы тебе захотелось меня прикончить. Ты ведь не из тех, кто стреляет человеку в спину. Держу пари, он сказал, что я предатель. Наверное, наболтал что-нибудь про Аль-Каиду, это же сейчас самое актуальное. Дескать, я изменяю своей стране, пользуясь тем, что работаю в Лос-Аламосе. Это все равно что разом нажать на все твои кнопки — где они там у тебя...

Дайковичу оставалось только безмолвно недоумевать, откуда Кру все известно.

— Еще он должен был рассказать тебе о моем изменнике-папаше, из-за которого якобы погибла целая куча наших парней... — Невесело усмехнулся. — Не удивлюсь, если он сказал, что предательство — наша семейная традиция.

У Дайковича мало-помалу прояснялось в голове. Что бы ни молол этот тип, достаточно достать из сапога нож — и он покойник, даже если успеет произвести выстрел.

— Можно мне сесть? — спросил Дайкович.

— Давай, только, чур, не дергаться.

Сержант сел. Боли почти не было, но со сломанными ребрами всегда так: сначала о них забываешь, а потом боль возвращается с удвоенной силой. Ему было очень стыдно, что такой неумеха умудрился свалить его резиновой пулей.

— У меня к тебе вопрос, — снова заговорил Кру. — С чего ты взял, что старик Такер тебе не наврал?

Дайкович не ответил. Он только сейчас заметил, что на безымянном пальце правой руки у Кру недостает фаланги.

— Я не сомневался, что Такер пошлет кого-нибудь за мной охотиться, потому что не допустит, чтобы о нем писали на первых страницах газет. Я знал, что он не доверит такое важное дело абы кому, а выберет надежного человека, служившего под его командованием. Я изучил список его сотрудников и прикинул, что скорее всего выбор падет на тебя. Ты ведь командовал морскими пехотинцами при высадке на Гренаду, брал там под охрану американское медицинское училище. Тогда ты все сделал отлично, ни один учащийся не пострадал.

Дайкович по-прежнему сидел на камнях с невозмутимой физиономией, дожидаясь удобной возможности для контрудара.

— В общем, ты в состоянии сам разобраться, с кем имеешь дело… Если да, то я готов поделиться с тобой кое-какими фактами, идущими вразрез с версией генерала Такера.

Сержант помалкивал. Он не из тех, кто сотрудничает с подонками!

— Заряженная пушка здесь, у меня, так что тебе, хочешь не хочешь, придется послушать. Любишь сказки, сержант? Будет тебе сказочка — из тех, после которых обычно расстаются со счастливой доверчивостью. Жил-был в августе 1988 года пацан двенадцати лет…

Дайкович был вынужден слушать. Он знал, что его водят за нос, но все равно мотал услышанное на ус, потому что хороший солдат умеет ценить информацию, даже ложную.

Рассказ занял всего пять минут. Хороший, мастерский рассказ! Люди такого пошиба — всегда потрясающие врали.

Закончив, Кру достал из кармана конверт, бросил на землю и пододвинул ногой к пленнику.

— Это докладная записка, составленная моим отцом для Такера. Из-за нее его убили.

Дайкович не собирался брать в руки конверт. Некоторое время он и Кру просто смотрели друг на друга: один снизу вверх, другой сверху вниз.

— Что ж… — проговорил наконец Кру, качая головой. — Наверное, наивно надеяться, что такой старый солдат, как ты, поверит, что вышестоящий офицер — лгун, трус и убийца. — Он немного поразмыслил. — Знаешь, передай-ка Такеру пару слов от меня.

Дайкович по-прежнему молча стискивал челюсти.

— Скажи ему, что я намерен его уничтожить, как он уничтожил моего отца. Я сделаю это чисто и не торопясь, с удовольствием. Я уже передал отцовскую докладную записку прессе. Обязательно начнется расследование. Выяснится, что документ подлинный. Правда мало-помалу выплывет наружу, и Такеру не поздоровится. Даже если продажны все до одного, у него такая работа, что видимость честности имеет цену золота. Его бизнесу настанет конец. Бедняга Такер! Ты в курсе, сколько он нахапал, и все в кредит? Особняк «Макменшн», вернее, настоящий дворец, большая доля от гольф-клуба «Поконос», квартира в Нью-Йорке, яхта на приколе в Джерси… — Кру грустно покачал головой. — Знаешь, как он назвал свою яхту? «Вспышка ярости»! Забавно, правда? Такер — тщеславный болван. «Поконос», дворец, Джерси… У него неважный вкус, тебе не кажется? Конечно, подружка в Верхнем Ист-Сайде была шагом в правильном направлении, но эта пташка все время голодна, только и делает, что разевает клюв. Он не экономит денежки, как следовало бы примерному мальчику. Но банкротство будет только началом, ведь расследование обязательно докажет, что все, о чем я тебе рассказал, — чистая правда. Он подставил моего отца, вина за гибель тех двадцати шести агентов лежит на нем. Ему светит тюрьма.

Дайкович видел, как пристально на него смотрит Кру, но по-прежнему отказывался отвечать. Он чувствовал, что его нежелание разговаривать действует предателю на нервы.

— Дай-ка, я задам тебе еще один вопрос, — сказал Кру.

Дайкович ждал. Он нюхом чуял, что приближается решающий момент.

— Ты вообще-то видел Такера под огнем? Что ты знаешь о нем как о солдате? Готов спорить, он ступил на берег Гренады только после полной зачистки острова.

Дайкович не мог не вспомнить свое разочарование тем, что Такер и вправду высадился на остров последним. Что ж, на то он и генерал, командир, армия есть армия.

— Черт с тобой! — Кру сделал шаг назад. — Напрасно я ждал от тебя способности пораскинуть мозгами. Ты слышал, что тебе надо передать Такеру, вот и передай.

— Можно встать?

— Поднимай свою отсиженную задницу и проваливай!

Момент настал. Дайкович уперся обеими ладонями в землю и стал приподниматься. Улучив момент, он выхватил нож и мастерски его метнул, целясь изменнику в сердце.

ГЛАВА 10

Гидеон Кру заметил стремительное движение противника, блеск стали и отпрыгнул в сторону, но поздно. Нож вонзился ему в плечо, вошел почти по самую рукоятку. Он опрокинулся на спину, стараясь и в падении держать Дайковича на мушке, но тот навалился на него и, продемонстрировав богатырскую силу, вырвал у него из рук дробовик. Раздался хруст от удара затылком о камень.

Сначала перед глазами было темно, потом сознание вернулось. Теперь Гидеон лежал на спине, глядя в дуло собственного дробовика. Чудовищно болело проткнутое ножом плечо, на камни сочилась кровь. Он хотел вытащить нож из плеча, но услышал голос сержанта:

— Не вздумай! Руки в стороны! Можешь напоследок помолиться.

— Не делай этого!

Дайкович взвел затвор.

Гидеон пытался прогнать туман из головы.

— Что ты знаешь обо мне, кроме того, что наплел Такер? Господи, зачем тебе собственные мозги?

Дайкович прицелился, глядя ему прямо в глаза. Гидеона охватило отчаяние: если он умрет, отец не будет отомщен, Такер так и не получит по заслугам.

— Ты не убийца, — выдавил он.

— Ради тебя я сделаю исключение. — Палец Дайковича лег на курок.

— Раз ты собрался меня убить, то хотя бы окажи услугу: возьми конверт. Обдумай то, что услышал от меня. Оцени улики. И поступи так, как сочтешь правильным.

Дайкович стоял неподвижно.

— Найди кого-нибудь, кто был там в 1988 году. Моего отца застрелили хладнокровно и подло, когда он стоял с поднятыми руками. А докладная записка подлинная. Ты все равно в этом убедишься. Если отберешь у меня жизнь, тебе придется взять на себя ответственность по установлению истины.

Дайкович смотрел на него с каким-то новым выражением и не торопился спускать курок.

— Неужели ты проглотил такую чушь? Ладно, допустим, человек с высокой степенью секретности в Лос-Аламосе теоретически способен передавать секреты Аль-Каиде. Но чтобы об этом знал генерал Такер? Да еще попросил разобраться с этим тебя? Как такое возможно?

— У тебя могущественные друзья.

— Это еще кто?

Дайкович медленно опустил дробовик. По его лицу струился пот, он был бледен, кажется, его подташнивало. Внезапно он упал на колени и потянулся к ножу.

Гидеон отвернулся. Он потерпел поражение, сейчас этот солдафон перережет ему горло и оставит гнить здесь.

Сержант сжал рукоятку ножа и извлек его из раны. Гидеон вскрикнул. Боль была адская, словно его прижгли раскаленным железом.

Но Дайкович не стал наносить ему новый, смертельный, удар. Вместо этого стянул с себя рубаху и разрезал ее ножом на лоскуты. С кружащейся от боли и от изумления головой Гидеон наблюдал, как недавний враг бинтует ему плечо.

— Прижми! — скомандовал сержант, и Гидеон прижал лоскуты к ране. — Лучше отвезти тебя в больницу.

Гидеон кивнул. Он тяжело дышал, сжимая забинтованное плечо. Боль была невыносимая, гораздо хуже, чем до извлечения ножа.

Дайкович помог ему встать.

— Идти сможешь?

— Вниз — смогу, — простонал Гидеон.

Дайкович наполовину спустил, наполовину стащил его со склона. Уже через четверть часа они добрались до машины. Он помог Гидеону сесть на переднее кресло, не обращая внимания на сочащуюся на кожаную обивку кровь.

— Взял машину напрокат? — спросил Гидеон с сожалением. — Смотри, тебе не вернут залог.

Старый солдат захлопнул дверцу, обошел машину, уселся за руль и запустил мотор. Он был бледен и сурово смотрел прямо перед собой.

— Выходит, ты мне поверил? — спросил Гидеон.

— Вроде того.

— Что заставило тебя передумать?

— Все очень просто. — Дайкович сдал машину назад, выехал со стоянки и развернулся. — Когда человек понимает, что сейчас умрет, говорит самое главное. Для вранья не остается времени. Я видел это в бою. Когда ты думал, что я готов тебя убить, в твоих глазах читалась ненависть, отчаяние и… искренность. Я знал, что ты говоришь правду. А это означает… — Он замолчал. Машина с визгом резины сорвалась с места и устремилась вперед. — Это означает, что Такер солгал. Это меня здорово злит.

ГЛАВА 11

— Что за черт?!

Такер вскочил. Дайкович втолкнул к нему в кабинет Гидеона со скованными наручниками руками. Генерал вышел из-за стола с револьвером и направил его на Гидеона.

Тот впервые оказался лицом к лицу со своим заклятым врагом. Живьем Чэмбли Такер выглядел еще более откормленным и ухоженным, чем на десятках фотографий, которые годами изучал Гидеон. Крахмальный воротник топорщился на толстой шее, щеки выбриты гладко, до блеска, волосы почти идеально подстрижены и причесаны. Правда, сеть сосудов на лице выдавала пристрастие к выпивке. Одет он был в безупречном вашингтонском стиле: дорогой галстук, синий костюм, туфли долларов за четыреста. Бездушный кабинет был под стать хозяину: деревянные панели, отделка под старину, персидские ковры, бесчисленные фотографии и хвалебные цитаты на стенах.

— Ты с ума сошел? — рявкнул Такер. — Я не велел тащить его сюда. Господи, Дайкович, я думал, ты сумеешь разобраться с этим самостоятельно.

— Я доставил его сюда, потому что его рассказ полностью противоречит вашему. Черт возьми, я склонен верить ему.

— Ты веришь этому негодяю, а не мне? — Такер смерил Дайковича испепеляющим взглядом.

— Просто хочу понять, что происходит, генерал. Я много лет вас прикрывал, делал за вас всю работу, как чистую, так и грязную, и буду делать ее дальше. Но там, на горном склоне, произошла забавная штука: я поверил этому парню.

— Что ты несешь?!

— У меня появились сомнения, и в тот момент, когда это произошло, я перестал быть прежним исполнительным солдатом. Хотите избавиться от этого человека? Не вопрос, я выполню ваш приказ. Но прежде чем всадить пулю ему в башку, я должен понять — за что.

Такер долго на него смотрел, потом отвернулся и пригладил свои короткие волосы. Подойдя к сверкающему полированному шкафу, он выдвинул ящик, достал бутылку виски и стакан, плеснул себе и выпил одним глотком.

Снова впившись в Дайковича взглядом, он тяжело перевел дух.

— Вас кто-нибудь видел?

— Нет, сэр.

Такер покосился на Гидеона, снова перевел взгляд на своего верного подручного.

— Что именно он тебе наплел?

— Что его отец не был ни предателем, ни террористом.

Такер аккуратно поставил пустой стакан на стол.

— Что ж… Дело в том, что его отец не передавал наших секретов Советам.

— Что же он тогда натворил?

— Ты должен помнить, Дайкович, это была война, пускай «холодная». А на войне бывает всякое, в частности, побочный ущерб. У нас возникла проблема: была допущена ошибка. Мы воспользовались ущербным кодом, что привело к гибели наших людей. Если бы это выплыло наружу, пострадал бы весь департамент шифрования, и именно тогда, когда мы остро нуждались в новых кодах. Его отца пришлось принести в жертву ради более высоких целей. Ты же помнишь, как тогда стоял вопрос: мы или они.

— Я помню, сэр, — кивнул Дайкович.

— И вот теперь, через двадцать с лишним лет, этот тип смеет мне угрожать! Взялся меня шантажировать. Его цель — уничтожить все, что мы создали, запачкать не только мою репутацию, но и репутацию целой группы преданных американских патриотов. Поэтому ему нет места среди живых, понимаешь?

— Я все понял. — Дайкович позволил себе улыбку. — Вам не обязательно ходить вокруг да около, чтобы я что-то для вас сделал. Я на сто процентов с вами, что бы вам ни потребовалось.

— Мы понимаем друг друга?

— Абсолютно.

Гидеон молча ждал продолжения. Такер указал взглядом на бутылку:

— Выпьем в знак согласия?

— Нет, благодарю.

Такер налил себе еще и опрокинул содержимое стакана в рот.

— Поверь, так лучше. Я буду твоим вечным должником. Уведи его через гараж, только постарайся, чтобы вас не увидели.

Дайкович кивнул и легонько подтолкнул своего пленника.

— Пошли.

Гидеон побрел к двери, слыша за спиной шаги конвоира. Они миновали холл, кухню и направились туда, где должен был находиться гараж.

Гидеон взялся обеими руками, скованными наручниками, за дверную ручку. Заперто! Краем глаза он уловил какое-то движение и сразу понял, что происходит. Он шарахнулся в сторону и ударился о плечо Дайковича в то самое мгновение, когда Такер произвел выстрел. Пуля угодила вояке в спину и швырнула его на дверь. Он выронил револьвер и со стоном осел на пол у запертой двери.

Гидеон увидел Такера в дверном проеме кухни с пистолетом в руке. Новый выстрел, на сей раз в него. В мексиканской плитке на полу, где распластался Гидеон, в паре сантиметров от его виска, появилась дыра. Гидеон вскочил и сделал вид, будто сейчас бросится на генерала.

Третий выстрел прозвучал в то мгновение, когда он, отпрыгнув к Дайковичу, подобрал его револьвер, лежащий у стены. Сразу после третьего выстрела прогремел четвертый, пуля просвистела у самого уха. Гидеон уже был готов открыть ответный огонь, но Такер скрылся из виду.

Не теряя времени, Гидеон схватил Дайковича за воротник и затащил его за стиральную машину, во временное укрытие. Стараясь не высовываться, он лихорадочно размышлял. Что предпримет Такер теперь? Оставить их в живых для него все равно что подписать себе смертный приговор. Ни вызвать полицию, ни сбежать…

Генералу оставалось одно: драться до конца.

Гидеон выглянул из укрытия. Дверной проем кухни оставался пустым. За ним располагалась просторная темная гостиная. Враг поджидал их там.

Раздался кашель, стон: Дайкович вдруг предпринял попытку выпрямиться и этим спровоцировал Такера на пальбу, изрешетившую стиральную машину. Из пробитого шланга хлынула вода.

Гидеон разок пальнул в ответ, но Такер снова нырнул в темную гостиную.

— Отдавай револьвер! — потребовал Дайкович и грубо вырвал у Гидеона оружие.

Гидеон смотрел, как Дайкович опять пытался подняться.

— Погоди, — остановил его Гидеон. — Дай-ка я перебегу к кухонному столу. Он опять появится в дверях, чтобы меня подстрелить. Тут ты и всадишь в него всю обойму.

Дайкович кивнул в знак согласия. Гидеон набрал в легкие побольше воздуха, выпрыгнул из-за стиральной машины и метнулся к столу, запоздало поняв, как опасно подставился.

Дайкович с криком, похожим на рев раненого кабана, вскочил на ноги. У него изо рта хлынула кровь, глаза вылезли из орбит. Он всаживал пули одна за другой в стенку справа от двери, стоя посреди кухни, качаясь, как пьяный, и издавая все более оглушительный рев, пока не расстрелял всю обойму.

Некоторое время в темной гостиной было тихо, потом тяжелая туша Такера с полудюжиной кровоточащих пулевых ран вывалилась из дверного проема и плюхнулась на пол. Только тогда Дайкович рухнул на колени и, надсадно кашляя, завалился на бок.

Гидеон, вскочив, первым делом отпихнул ногой от неподвижного Такера его пистолет. Затем наклонился к Дайковичу. Порывшись у него в карманах, нашел ключи и отпер свои наручники.

— Ничего, потерпи, — сказал он, осмотрев рану. Пуля, попав в спину довольно низко, пробила легкое, но вряд ли задела другие жизненно важные органы.

Дайкович неожиданно улыбнулся, растянув губы в страшноватой гримасе.

— Ты все записал?

Гидеон похлопал себя по карману.

— От начала до конца.

— Отлично. — Дайкович, продолжая улыбаться, лишился чувств.

Гидеон выключил диктофон. Он боролся с обморочным состоянием, комната уже ходила перед глазами ходуном. Издали донеслись полицейские сирены.

ЧАСТЬ II

ГИДЕОН КРУ

ГЛАВА 12

Гидеон Кру спускался по горному склону к ручью Чихуахуэнос по старой вьючной тропе. Внизу, среди лугов, вился ручей. На высоте трех тысяч метров воздух был до головокружения чист и свеж, в лазурном небе громоздились кучевые облака.

«Будет гроза», — подумал он.

Правое плечо еще побаливало, но швы сняли уже неделю назад, и теперь он мог свободно двигать рукой. Ножевая рана при всей глубине осталась чистой, несильное сотрясение, заработанное в схватке с Дайковичем, прошло без осложнений.

Выйдя на солнце, он остановился. Еще месяц назад, как раз перед отъездом в Вашингтон, он удил рыбу в этой маленькой долине. После этого блестящим образом добился цели, которую долго и упрямо ставил перед собой, закрывая глаза на остальное. Все было кончено: Такер погиб обесчещенным, отец отомщен.

Целых десять лет он так концентрировался на этой цели, что пренебрегал всем на свете: друзьями, личной жизнью, карьерой. Теперь, когда цель была достигнута, он блаженствовал, наслаждаясь свободой. Свобода! Можно зажить по-настоящему. В тридцать два года вся жизнь еще впереди. У него было столько желаний, что он сбивался со счета.

Первое место занимала мечта поймать здоровенную форель-головореза, которая водилась, несомненно, внизу, в запруде горной речки.

Он с наслаждением вдыхал запах травы и сосен. Только бы забыть прошлое, чтобы сконцентрироваться на будущем! Его пьянила окружающая красота. Это было его любимое место на планете Земля. На этом участке течения никто, кроме него, не удил рыбу: лесная дорога проходила слишком далеко отсюда, и никто не стал бы забираться в такую даль. Рыба, предпочитавшая глубину, была пуглива, удить ее здесь было настоящим приключением: одно неверное движение, всего лишь тень от удочки на воде, слишком тяжелые шаги — и целый день мог пойти насмарку.

Гидеон уселся по-турецки на траву на почтительном удалении от русла, снял рюкзак и взялся за футляр. Сняв крышку, собрал бамбуковую

удочку, поставил на место катушку, продел в петли леску, нашел в коробке подходящую наживку. В поле было достаточно кузнечиков, чтобы иногда самые неосторожные падали в воду и шли на корм рыбам. Кузнечик не вызовет у рыбы подозрения. Он выбрал одного, желто-зеленого. Оставив рюкзак и снасть на краю луга, он стал красться по траве, стараясь ступать как можно легче. У первой большой заводи присел на корточки, высвободил совсем немного лески и бесшумно, одним движением кисти, отправил наживку на воду.

Клюнуло почти сразу.

Гидеон вскочил, поднял удочку, натянув леску, и вступил с добычей в борьбу. Рыбина оказалась крупная, не склонная уступать: она стремилась в убежище из переплетенных корней под берегом, но он поднимал удочку, усиливал натяжение лески пальцами и удерживал добычу на середине заводи. Когда натяжение лески становилось очень сильным, рыба появлялась на поверхности, высовывала голову, переливаясь на солнце всей своей великолепной чешуей, красные полосы у нее под жабрами походили на кровь. Падая в воду, рыбина старалась снова уйти на глубину. У нее еще оставалась возможность спрятаться среди корней, сломать удочку…

— Доктор Гидеон Кру?

Гидеон резко обернулся и от неожиданности позволил леске размотаться. Рыбина на крючке воспользовалась послаблением и ринулась в подводные заросли. Как Гидеон ни старался исправить оплошность, было поздно. Крючок застрял где-то внизу, форель сорвалась, леска провисла.

Гидеон в раздражении уставился на человека, оставшегося стоять метрах в шестидесяти от него: отглаженный комбинезон цвета хаки, новенькие туристские башмаки, клетчатая рубашка, темные очки… Возраст незнакомца, похоже, за пятьдесят, волосы тронуты сединой, на оливковом лице со следами ожогов застыла маска усталости. Но живости этому лицу было не занимать.

Гидеон, бормоча под нос проклятия, смотал леску, проверил трепещущую на крючке наживку. Потом перенес взгляд на незнакомца, терпеливо дожидающегося его внимания со слабой улыбкой на губах.

— Кто вы такой, черт бы вас побрал?

Нарушитель его уединения шагнул вперед, протянул для рукопожатия руку.

— Мануэль Гарса.

Гидеон нахмурился, рука повисела в воздухе и опустилась.

— Простите, что помешал вашему отдыху, — произнес человек, назвавшийся Мануэлем Гарсой. — Просто у меня безотлагательное дело. — Он продолжал улыбаться, храня редкостную невозмутимость. От него веяло спокойствием и самообладанием, и это почему-то вызвало у Гидеона раздражение.

— Как вы меня нашли?

— Догадка на почве осведомленности. Нам известно, что иногда вы здесь удите рыбу. Мы уточнили ваше местоположение, когда вы в последний раз воспользовались сотовым телефоном.

— Так вы Большой Брат! Чем обязан?

— Сейчас я не могу это с вами обсуждать.

Вдруг опять всплыла история с Такером? Нет, с этим покончено: достигнут полный успех, на все официальные вопросы получены ответы, его имя и репутация семьи теперь безупречны.

Гидеон выразительно посмотрел на часы.

— В шесть часов я пью коктейль у себя в хижине. Уверен, вы знаете, где это. Увидимся там. А сейчас я на рыбалке.

— Мне очень жаль, мистер Кру, но, как я сказал, дело безотлагательное.

— Какое дело?

— Работа.

— Спасибо, но работа у меня есть. В Лос-Аламосе. Ну, вы знаете — там еще делают такие милые атомные бомбочки.

— Откровенно говоря, эта работа более захватывающая, да и оплачивается куда лучше. Сто тысяч долларов за одну неделю — как вам такое понравится? Это работа, с которой никто, кроме вас, не справится. Она пойдет на пользу нашей стране. А деньги, видит Бог, вам очень нужны. Все эти долги по кредитным картам… — Гарса печально покачал головой.

— Да ладно, кто не перерасходует кредитные лимиты? Это же свободная страна! — Гидеон колебался. Сумма большая, а деньги ему нужны позарез. — Что от меня требуется?

— Повторяю, я не могу вам этого сказать — пока. Нас ждет вертолет. Он доставит вас в Альбукерке, там вы пересядете в частный реактивный самолет и на нем доберетесь до места назначения.

— Вы прилетели за мной на вертолете? — Гидеон вспомнил, что слышал шум вертолета, но тогда не обратил на это внимания: благодаря своей

удаленности горы Хемес часто использовались для тренировочных полетов с военно-воздушной базы Киртленд.

— Мы торопимся.

— Я вижу. Кого вы представляете?

— Об этом я тоже не могу говорить. — Снова улыбка и приглашающий жест в направлении вершины горы. — Идемте?

— Мать учила меня никогда не летать на вертолетах с чужими мужчинами.

— Доктор Кру, я уже говорил, вас ждет интересная, захватывающая и выгодная работа. Прошу проследовать со мной в штаб-квартиру нашей компании и там выслушать подробности.

— Где это?

— В Нью-Йорке.

Гидеон вытаращил глаза, покачал головой. Он еще капризничал, но внутренне уже согласился: сто тысяч позволят осуществить многие планы, начать новую жизнь.

— Это законно?

— Абсолютно законно.

— Почему бы и нет? Давненько я не бывал в «Большом Яблоке»! Ладно, куда идти, Мануэль?

ГЛАВА 13

Спустя шесть часов, когда над Гудзоном взошло солнце, лимузин свернул на Западную Двенадцатую улицу, в бывший Мясницкий квартал Нью-Йорка. Гидеон помнил эти места совсем другими: заканчивая школу, он приезжал сюда из Бостона за развлечениями. Старые кирпичные склады, крытые переходы, цепи и мясные крюки остались только в воспоминаниях: их сменили ультрамодные магазины верхней одежды и рестораны, высоченные кондоминиумы и шикарные отели. На улицах кишела такая лощеная публика, что с трудом верилось глазам.

Лимузин, подрагивая, проехал из конца в конец преобразившуюся улицу, на мостовой которой намеренно освободили из-под наслоений булыжник XIX века, и уткнулся, как нарочно, в неказистое строение, одно из немногих, избежавших здесь веяний времени.

— Приехали, — доложил Гарса.

Они вышли на тротуар. В Нью-Йорке оказалось гораздо теплее, чем в Нью-Мексико. У Гидеона вызвал подозрение уже вход в здание — один-единственный: двойные стальные двери на погрузочной платформе, залепленной старой рекламой и вымазанной граффити. Само двенадцатиэтажное здание впечатляло размерами. Почти под самой крышей было намалевано название компании: «Прайс и Прайс порк пэкинг инк.». Над этой надписью обнаружился еще один этаж — уже не из кирпича, а из стекла и хрома. Странно: современный пентхаус над такой древней развалюхой!

Следуя за Гарсой, он стал подниматься по цементным ступенькам. При их приближении железные двери раздвинулись словно сами собой, совершенно бесшумно. Темный коридор привел к еще одним дверям — новеньким, из нержавеющей стали. Чтобы миновать их, надо было ввести на клавиатуре справа код и предоставить на моментальный анализ сетчатку глаз. Гарса поставил на пол чемоданчик и прильнул лицом к сканеру. Двери бесшумно разъехались.

— Постараюсь напрячь извилины: где тут Максвелл Смарт?[1] — сострил на всякий случай Гидеон, озираясь.

Гарса смотрел на него без тени улыбки и отвечать не собирался.

Они вошли в просторное, смахивающее на грот пустое помещение высотой в добрых четыре этажа, освещенное не одной сотней галогенных светильников. Под потолком переплетались стальные трапы, пол размером с футбольное поле был заставлен рядами широких металлических стендов. На них чего только не было: полувыпотрошенные реактивные двигатели, подробные объемные модели городских кварталов и чего-то вроде атомной электростанции после падения на нее угнанного террористами самолета. На широченном столе-стенде в ближнем углу был представлен геологический срез морского дна. Между стендами сновали сотрудники в белых халатах, по ходу делая записи в планшетных компьютерах. Переговаривались они друг с другом только шепотом.

— Разве это штаб-квартира корпорации? — спросил Гидеон. — Какое-то сборище доморощенных волшебников!

— Наверное, вы вправе назвать это волшебством, — согласился Гарса, показывая ему дорогу. — Только в промышленном масштабе.

Гидеон шел за ним от стола к столу. На одном была воссоздана гаитянская столица Порт-о-Пренс до и после землетрясения, места наибольших разрушений были отмечены флажками. На другом столе была собрана настоящая космическая станция в уменьшенном масштабе — хаос труб, цилиндров, солнечных батарей.

— Это мне знакомо, — обрадовался Гидеон. — Кажется, МКС?

Гарса кивнул:

— Так она выглядела до схода с орбиты.

— Сход с орбиты?..

— Да, чтобы выполнять новую роль.

— Какую такую новую роль? Вы шутите?

Улыбка вышла у Гарсы невеселой.

— Если бы я думал, что вы воспримете это серьезно, то промолчал бы.

— Чем вы тут вообще занимаетесь?!

— Проектированием и конструированием, конечно.

Открытый лифт поднял их на четвертый уровень, где они, войдя в неприметную дверь, двинулись по лабиринту белых коридоров. Целью этого перемещения оказалась совещательная комната без окон, с низким потолком и спартанской, без малейших потуг к украшательству, обстановкой. Почти все помещение занимал слепящий полировкой деревянный стол. Белые стены были неприлично голы. Как Гидеон ни силился пошутить по этому поводу, в голову не приходило ничего подходящего. К тому же он понимал, что шутить с Гарсой — зря расходовать свое остроумие.

Во главе стола сидел человек в инвалидном кресле. Таких субъектов Гидеон еще не видывал. Крупная голова с коротко подстриженными, начинающими седеть каштановыми волосами, один свирепый серый глаз — другой скрыт, как у пирата, черной шелковой повязкой; свежий глубокий шрам через всю правую половину лица: от волос вниз, через незрячий глаз и скулу на шею, под воротник синей рубашки. Мрачную картину завершал черный костюм в полоску.

— Доктор Кру! — обратилось к Гидеону «одноглазое чудище» со шрамом, изобразив похожую на оскал улыбку. — Благодарю, что пожаловали к нам. Прошу садиться.

Гидеон опустился в кресло, Гарса остался стоять у стены.

— Ни кофе, ни минералки? — удивленно заерзал Гидеон.

— Меня зовут Эли Глинн, — представился одноглазый, не обращая внимания на его болтовню. — Приветствую вас в «Эффектив инжиниринг солюшнз инкорпорейтед».

— Сразу прошу прощения, что явился без резюме. Ваш друг Гарса очень торопился.

— Я противник напрасной траты времени. Соблаговолите выслушать, я изложу задание.

— Это как-то связано с Диснейлендом внизу? Авиакатастрофы, природные катаклизмы, террористические атаки — вы называете все это инженерией?

Глинн смотрел на него спокойно и равнодушно.

— Среди направлений деятельности «ЭИС» присутствует и анализ неудач.

— Анализ неудач?

— Разбор того, как и почему происходят всевозможные неприятности: убийства, авиакатастрофы, теракты. Понимание этого — ключевой элемент решения инженерных проблем. Анализ неудач — другая сторона проектно-конструкторской деятельности.

— Кажется, я не совсем понимаю...

— Проектирование и конструирование — наука о том, как что-то сделать. Но это только половина задачи. Другая половина — анализ всех возможных вариантов неудач с целью их избежать. «ЭИС» занимается тем и другим. Мы решаем труднейшие инженерные задачи. У нас не бывает поражений. Никогда! Вернее, есть одно небольшое исключение, над устранением которого мы как раз сейчас трудимся. — «Пират» махнул рукой, словно отгоняя надоедливую муху. — Два этих направления — проектно-конструкторская деятельность и анализ неудач — представляют собой наш первичный, наш видимый бизнес. При этом они служат нам прикрытием. Дело в том, что за предъявленным публике фасадом мы используем свои возможности для того, чтобы время от времени осуществлять весьма необычные и конфиденциальные проекты для особых клиентов. Особенных! Один из таких проектов потребовал вашего участия.

— Почему моего?

— Сейчас я к этому перейду. Начнем с деталей. В США направляется один китайский ученый. Мы считаем, что он везет планы создания нового высокотехнологичного оружия. У нас есть основания предполагать, что он готов перейти на нашу сторону.

Гидеон уже приготовил саркастическое замечание, но выражение единственного глаза Глинна подсказало ему, что лучше помалкивать.

— Уже два года, — продолжил одноглазый, — американская разведка располагает сведениями о неком таинственном проекте, развернутом в подземелье в пределах ядерного испытательного полигона Лоп-Нор на западе Китая. На него расходуются колоссальные деньги, привлечены огромные научные силы. ЦРУ считает, что там разрабатывается новое оружие, китайский «Манхэттенский проект», способный полностью изменить соотношение сил в мире.

— Хуже водородной бомбы? — недоверчиво спросил Гидеон.

— Согласно имеющимся у нас сведениям — хуже. Но один из ведущих научных светил, связанных с этим проектом, будто бы похитил чертежи и направляется в США. Мы надеемся, что он хочет перейти на нашу сторону и передать нам чертежи, но уверенности в этом у нас нет.

— Зачем ему?

— Похоже, он стал жертвой успешной «медовой ловушки» на научном конгрессе в Гонконге.

— «Медовая ловушка»?

— Вы наверняка слыхали об этом. При помощи привлекательной женщины объект ставится в компрометирующее положение, делаются снимки, затем на него оказывается давление… Только на этот раз вышел перебор: объект запаниковал и улетел из Китая.

— Все, теперь понял. Когда прибывает ваш ученый?

— Он сейчас как раз летит из Гонконга в Нью-Йорк рейсом японской авиакомпании. Девять часов назад он произвел пересадку в Токио и приземлится в аэропорту имени Джона Кеннеди в 11.10 вечера, через четыре часа.

— Вот это да! Ладно…

— Ваша задача проста: проследить за этим человеком, начиная с аэропорта, как можно быстрее забрать у него чертежи и доставить их сюда.

— Как?

— Это вам решать.

— За четыре часа?

Глинн кивнул.

— Мы не знаем, на каких носителях записаны эти чертежи и где они спрятаны. Возможно, в его ноутбуке есть код, позволяющий прочесть

тайнопись. Возможно, он везет в чемодане флешку или старомодную микропленку. Нам остается только строить догадки.

— Сумасшедшее задание! Оно никому не под силу.

— Да, на такое мало кто способен. Поэтому мы и обратились к вам, доктор Кру.

— Вы, наверное, шутите? Я ничем таким раньше не занимался. В Лос-Аламосе у меня совсем другие обязанности. У вас внизу найдутся гораздо более подходящие люди, чем я.

— Нет, для этого задания нужны именно вы. Причин две. Первая — ваша прежняя карьера.

— Какая еще карьера?

— Воровская. Ограбление художественных музеев.

Гидеон Кру переваривал услышанное в мертвой тишине.

— Ну, если хотите, музейчиков, — продолжал Глинн. — Маленьких, частных, где не самая совершенная система охраны и не самая лучшая экспозиция.

— Боюсь, вам пора принять ваше лекарство, — тихо проговорил Гидеон. — Я не похититель картин и не имею криминального прошлого.

— Еще одно доказательство вашего мастерства. Такое умение порой оказывается очень ценным. Конечно, вы расстались с этим ремеслом, когда в вашей жизни возник новый, захватывающий интерес. Это подводит нас ко второй причине, почему выбор пал на вас. Видите ли, мы с величайшим вниманием следили за ловкой операцией, которую вы провернули против генерала Чэмбли С. Такера.

Вторая неожиданность! Гидеон часто заморгал и постарался изобразить искреннее изумление.

— Операция? Такер съехал с катушек и напал на меня и на своего сотрудника в собственном доме.

— Так все считают. Но мне виднее. Я знаю, что вы потратили последние десять лет на самосовершенствование, окончили колледж и докторантуру в Массачусетсском технологическом институте. Все это время вы искали способ расправиться с Такером, отомстить за отца. Я знаю, как вы «освободили» секретнейший документ из Дирекции информационного управления и как с его помощью добрались до Такера. Он был могущественным человеком и хорошо позаботился о своей безопасности. Но вы продемонстрировали огромные и самые разнообразные способности, готовя свою операцию, а после стрельбы

проявили величайшее самообладание. Вы все сделали на отлично. В вашей версии никто ни на мгновение не усомнился, а ведь вы мстили за отца.

— Не понимаю, о чем вы. — Гидеону стало нехорошо. Все сводилось к вульгарному шантажу.

— Да ладно вам! Я не представляю никакой угрозы для вашей тайны. Мы сами ломали голову, как убрать Такера. Естественно, по заказу одного из наших особых клиентов. Вы избавили нас от лишней возни. Так в поле нашего внимания оказались вы.

На это Гидеону нечего было сказать.

— Теперь к вопросу, почему вы, — продолжил Глинн. — Мы знаем о вас все, мистер Кру. И не только о ваших навыках грабителя и о дуэли с генералом Такером. Нам известно о вашем трудном детстве, о вашей работе в Лос-Аламосе, где вы разрабатываете взрывные заряды для ядерного оружия. Вы гурман, мы и это знаем. Любите гавайские рубашки и кашемировые свитеры, обожаете джаз. У вас слабость к спиртному и, когда вы под градусом, к женщинам. Одно нам не удалось разузнать: куда вы подевали фалангу безымянного пальца. — Глинн дернул бровью над зрячим глазом.

Гидеон залился от гнева румянцем, сделал глубокий вдох, стараясь взять себя в руки.

— Не хотите отвечать на этот вопрос... Тогда, может, ответите на другой: у вас с самого начала было намерение превратить Дайковича в свое оружие?

Гидеон молчал, словно набрал в рот воды. Он не верил своим ушам.

— Даю вам слово: все, что вы скажете, не покинет этих стен. Как вы понимаете, мы умеем хранить тайны.

Гидеон сделал еще один глубокий вдох. Глинн нащупал его слабое место. Но он чувствовал, что одноглазому можно доверять.

— Ваша взяла, — вымолвил Гидеон наконец. — Я спланировал все от начала до конца. Устроил засаду, зная, что Такер не явится сам — слишком труслив. Я изучил его компанию, сотрудников и предположил, что он пошлет Дайковича, а тот в душе неплохой человек. Я знал, что смогу его одолеть и перетянуть на свою сторону. Так и вышло. Мы завершили все это... эту операцию вместе.

— Так я и думал. — Глинн кивнул. — Многоуровневый шедевр социального проектирования. Но одну ошибку вы все-таки допустили. Знаете какую?

— Забыл проверить, не спрятал ли он в сапоге нож.

Глинн позволил себе улыбнуться, и его лицо первый раз за весь разговор стало похоже на человеческое.

— Отлично! Хотя конец операции вышел грязным. Дайковича подстрелили. Как это произошло?

— Такер не был дураком. Он понял, что Дайкович его обманывает.

— Как?

— Дайкович отказался с ним выпить. Этим он скорее всего и выдал себя.

— Значит, ошибся Дайкович, а не вы. Что и следовало доказать. За всю операцию вы ошиблись один-единственный раз. Никогда не видел ничего подобного! Вам попросту нет равных! Поэтому вы — именно тот, кто нам сейчас нужен.

— На то, чтобы взять Такера за жабры, у меня ушло целых десять лет. А теперь вы даете мне всего четыре часа.

— Теперь задача несравнимо легче.

— А если у меня не получится?

— Получится!

Оба помолчали.

— Еще один вопрос. Как мы поступим с этим китайским оружием? Я не собираюсь причинять вред своей стране.

— Мой клиент — Соединенные Штаты Америки.

— За кого вы меня принимаете? Этот клиент обратился бы в ФБР, а не нанял бы такую фирму, как ваша, какой бы распрекрасной она ни была.

Глинн достал из кармана визитную карточку и щелчком пальца послал ее по полированному столу Гидеону. Тот уставился на герб и прочие государственные атрибуты.

— «Директор Национальной разведки»?

— В таких делах лучше ничего не принимать на веру. Можете проверить сами: позвоните в Департамент внутренней безопасности и попросите соединить вас с этим джентльменом. Он подтвердит, что мы выполняем задания этого ведомства и делаем законную патриотическую работу на благо родины.

— Никто не соединит меня с такой шишкой.

— А вы скажите, что звоните от меня, и все будет в порядке.

Гидеон оставил карточку на столе. Молча глядя на Глинна, он усиленно шевелил мозгами. Сто тысяч — неплохие деньги. Но задание выглядело слишком сложным и опасным. Напрасно Глинн так на него полагается!

Он удрученно покачал головой.

— Мистер Глинн, еще месяц назад моя жизнь была подчинена одной-единственной цели. На ее достижение уходила вся моя энергия. Теперь я свободен и должен многое наверстать. Хочу завести друзей, осесть, найти себе подругу жизни, жениться, родить детей. Мечтаю научить сына ловить рыбу на сухую мушку. Теперь у меня для всего найдется время. А эта ваша работенка кажется чересчур опасной. Я достаточно рисковал, с меня довольно. Вы понимаете? Ваше задание не представляет для меня интереса.

Воцарившемуся молчанию, казалось, не будет конца.

— Это ваше последнее слово? — спросил наконец Глинн.

— Да.

Глинн посмотрел на Гарсу и чуть заметно кивнул. Гарса достал из портфеля папку и положил ее на стол. Это была история болезни с красной наклейкой. Внутри лежали рентгеновские снимки, результаты томографии, ультразвукового исследования, анализов.

— Это чье? — спросил Гидеон.

— Ваше, — с грустью в голосе ответил Глинн.

ГЛАВА 14

Гидеон с содроганием взял в руки свою историю болезни. Кое-какие строчки в ней были замазаны.

— Что за чертовщина? Где вы это взяли?

— В больнице, где вас лечили после ножевого ранения.

— И как все это понимать?

— В процессе диагностирования и лечения вам делали всевозможные анализы и снимки. Поскольку у вас было сотрясение мозга, внимание уделялось и вашей голове. Благодаря этому врачи кое-что случайно обнаружили — артериовенозный порок, известный как «венозный аневризм Галена».

— И что?

— А то, что у вас в голове нашли опасное переплетение артерий и вен с участием большой мозговой вены Галена. Обычно это — врожденное состояние, не имеющее симптомов до возраста примерно двадцати лет.

— Это опасно?

— Еще как!

— Как это лечить?

— В вашем случае аневризм находится в «кольце Уиллиса», глубоко в мозгу, и неоперабелен. Неизбежен летальный исход.

— Летальный?! Как? Когда?

— У вас есть в лучшем случае еще год.

— Год?! — У Гидеона закружилась голова. — Год? — Он хотел спросить что-то еще, но задохнулся, горло обожгло желчью.

Глинн продолжил нарочито безразличным тоном:

— Если воспользоваться четкими статистическими параметрами, то ваши шансы прожить еще год равны пятидесяти процентам, полтора года — тридцати процентам, два года — менее чем пяти процентам. Конец обычно наступает скоропостижно. Никаких тревожных симптомов, даже недомогания нет, состояние до самого конца не требует никаких ограничений в активности и в питании. Иными словами, вы проживете нормальной жизнью примерно год, а потом очень быстро сыграете в ящик. Лечиться бесполезно, тем более что в вашем случае, как я говорил, лечения не существует. Заранее приношу свои соболезнования.

Гидеон смотрел на «пирата» во все глаза, но не видел его. Смириться с услышанным было превыше его сил. Его охватила почти неконтролируемая ярость, он вскочил.

— Это что, шантаж? Если вы вообразили, что таким способом от меня можно добиться податливости, то у вас самих плохо с мозгами, кретины! — Он уставился на грозную папку. — Все это вранье, жалкая уловка. Будь это правдой, мне открыли бы ее в больнице. Откуда мне знать, что это мой рентген?

— Мы попросили врачей ничего вам не говорить, — отозвался Глинн так же безразлично. — Так бывает, если замешана национальная безопасность. Нам потребовалось второе мнение, и мы передали вашу историю болезни доктору Мортону Столлу, в Клиническую больницу Массачусетса в Бостоне. Он эксперт мирового уровня по аневризмам сосудов головного мозга. Столл подтвердил и диагноз, и прогноз.

Поверьте, мы были потрясены не меньше вашего. У нас были насчет вас обширные планы.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Доктор Кру, — Глинн подпустил в голос доброты, — когда я говорю, что мы вам очень сочувствуем, вы можете мне верить.

Гидеон смотрел на него, тяжело дыша. Одно из двух: либо это уловка, либо ошибка.

— Не верю, и все тут!

— Мы проверили ваше состояние всеми доступными способами. Мы ведь собирались предложить вам постоянную должность в нашей структуре. Ужасный диагноз связал нам руки, мы долго спорили, как быть. И вдруг сообщение об этом китайце! Это экстренный случай государственной важности. Вы — единственный, кто может это сделать, особенно вот так, без подготовки. Поэтому мы вываливаем на вас все сразу. Поверьте, мне очень жаль.

Гидеон вытер дрожащей ладонью лоб.

— Момент выбран неудачно.

— Когда речь идет о смертельном недуге, удачного момента быть не может.

Овладевшее им бешенство мигом вышло вон, как воздух из проколотого шарика. Осознание происшедшего привело в ужас. Сколько же времени он потратил зря!

— В конце концов, у меня не было выбора. Дело не терпит отлагательства. Мы не знаем толком, что у этого Ву на уме. Упустить такую возможность было бы преступлением. Если вы откажетесь, за дело возьмется ФБР, у них давно чешутся руки. Это приведет к катастрофе. У вас есть десять минут, чтобы принять решение, Гидеон. Молю Бога, чтобы вы сказали «да».

— Из этой папки торчат ваши длинные уши. Я не верю!

Встав, Гидеон прошелся, щурясь от яркого света, и повернулся к Глинну:

— Все это отвратительно! Сначала вы затаскиваете меня сюда, потом вываливаете на мою голову все это дерьмо и еще имеете наглость предлагать сотрудничество!

— Я бы предпочел совсем другое.

— Так вы говорите, мне остался год? — переспросил Гидеон. — Какой-то жалкий год?

— К истории болезни приложен вероятностный график болезни. Это все бездушная статистика: полгода, год, даже два, хотя вряд ли.

— И никакого лечения?

— Никакого.

— Мне надо выпить. Скотч.

Гарса нажал кнопку, и деревянная панель отъехала в сторону. Мгновение, и на столе перед смертником появилась выпивка. Гидеон налил себе, выпил, налил еще. Он ждал, что его охватит спасительное отупение, но тщетно.

— Последний год жизни можно посвятить развлечениям, удовольствиям, обжорству. Но можно пойти другим путем — помочь своей стране. Мне остается только предложить вам этот выбор.

Гидеон опрокинул в себя очередную рюмку.

— Еще? — спросил Гарса.

Гидеон отмахнулся.

— Вы могли бы взяться за это дело, — продолжил уговоры Глинн. — Что такое одна неделя? Решайтесь! По крайней мере у вас будут деньги, чтобы дожить свой срок в относительном комфорте.

Гидеон оторвал взгляд от истории болезни, посмотрел на Глинна и снова уткнулся в папку.

— Ладно, была не была. Я согласен. — Гидеон захлопнул папку с историей болезни и снова посмотрел на Глинна. — Только учтите, я забираю это с собой и отдаю на проверку. Если врете, вы нигде от меня не скроетесь.

— Отлично! — Глинн пододвинул ему вторую папку. — Здесь все о вашем задании. Сведения о нашем китайце, фотографии. Его зовут Ву Лонвей, но он называет себя Марк Ву. У китайцев престижных профессий принято брать западные имена. — Он откинулся в своем инвалидном кресле. — Мануэль!

Гарса одной рукой выложил на стол тяжелую пачку стодолларовых купюр, другой протянул Гидеону «кольт».

— Деньги на текущие расходы, — объяснил Глинн. — Умеете пользоваться оружием?

Гидеон сгреб деньги и взвесил оружие на ладони.

— Я бы предпочел нержавейку. Она приятнее на ощупь.

— Вороненая сталь лучше подходит для ночного использования, — сухо бросил Глинн. — Зарубите себе на носу: ни при каких обстоятельствах, независимо от причин, вы не должны связываться с нами во время операции. При необходимости мы сами вас найдем. Понятно?

— Да. А почему?

— Любознательность — похвальное качество. Мистер Гарса, будьте добры, проводите доктора Кру. Нельзя терять ни минуты.

Прежде чем выйти, Гидеон услышал голос Глинна:

— Спасибо, Гидеон. Большое спасибо.

ГЛАВА 15

Гидеон поставил длинный лимузин в запрещенном месте — позади вереницы такси у первого терминала прибытия. Из головы не выходил звонок в Департамент внутренней безопасности, сделанный из будки сразу после ухода из «ЭИС». Он пренебрег номером на карточке, позвонил в секретариат и назвался первому взявшему трубку клерку Глинном, после чего был без промедления соединен с самим директором. Десять минут он провел в сильнейшем изумлении и, повесив трубку, продолжил недоумевать, каким образом это сумасшедшее задание умудрились поручить именно ему. Директор твердил одно: «Мы полностью доверяем мистеру Глинну. Он нас ни разу не подводил».

Он попытался отбросить эти мысли, а потом — с меньшим успехом — и более мрачные размышления, связанные с собственным здоровьем. Для них еще будет время. Пока что следовало сосредоточиться на решении главной проблемы.

Близилась полночь, но аэропорт имени Кеннеди кишел людьми: накатила последняя волна прилетов — рейсы с Дальнего Востока.

На него глазели двое транспортных полицейских. Лениво подошли, скорчили гримасы, соответствующие гигантской важности их миссии.

Он вылез из лимузина, неуютно чувствуя себя в темном костюме в такую душную ночь. Его усмешка была недопустимо дерзкой.

— Совсем распоясались? — набросился на него первый коп, мелкий, тощий и агрессивный, как хорек. Он уже держал наготове блокнот с квитанциями штрафа. — Стоянка лимузинов вон там! — От его резкого взмаха в блокноте затряслись листочки.

Второй коп приблизился с пыхтением, характерным для людей внушительных габаритов. Этот был, наоборот, неспешен.

— Что тут происходит? — спросил он почему-то смущенно.

Гидеон скрестил длинные руки на груди, поставил ногу на бампер и поощрительно улыбнулся толстяку:

— Офицер Костелло, полагаю?

— Горски, — поправил его коп.

— А я принял вас за Костелло.

— Незнакомая фамилия, — сказал Горски.

— Никакого Костелло у нас нет, — напомнил о себе тощий. — Болтаете здесь невесть что. Вы остановились в неположенном месте.

— Я встречаю важного пассажира. Вам ли не знать, что это значит? — Гидеон подмигнул, вынул из кармана пачку жевательной резинки, снял обертку и, выдвинув пластинку, предложил полицейским.

Толстяк не избежал соблазна.

— Покажите лицензию, — приказал тощий, отвергнув жвачку и укоризненно взглянув на напарника.

Гидеон извлек на свет лицензию, «взятую напрокат» вместе с лимузином за немалые деньги. Тощий изучил ее и передал толстому. Тот изобразил пристальный интерес. Гидеон отправил себе в рот жвачку и задумчиво заработал челюстями.

— Вам хорошо известно, что здесь запрещено останавливаться, — визгливо гнул свое тощий. — Я выписываю вам штраф. Сматывайтесь отсюда туда, где для вас отведено место. — И он застрочил в своем блокноте.

— Не надо, — вздохнул Гидеон. — Штрафы так меня огорчают!

Полицейский презрительно усмехнулся.

— Выходит, вы не поняли намек, — пожал плечами Гидеон.

— Намек?..

— Насчет человека, которого я встречаю.

— Мне наплевать, кого вы встречаете. Здесь остановка запрещена всем без исключения. — Но ручка замерла над блокнотом.

Толстый напарник все еще изучал с сосредоточенно закушенной губой лицензию.

Гидеон ждал.

— Так кого вы встречаете? — не выдержал тощий.

Гидеон улыбнулся до ушей.

— Сами знаете, этого я вам сказать не могу. — Он посмотрел на часы. — Его самолет как раз сейчас садится. Важная персона с Дальнего Востока! Его не станут досматривать, он будет ждать меня внутри, а не здесь, где меня задерживают двое безмоз... двое сотрудников службы безопасности.

Горски вернул ему документы.

— Вроде все в порядке, — пробормотал он, ни к кому не обращаясь.

— Нас не предупреждали о прибытии важной персоны, — не сдавался его тощий напарник уже не так сварливо. — Простите, правила есть правила.

Гидеон закатил глаза.

— Умора! Вы не в курсе? Валяйте, выписывайте ваш штраф, я приложу его к рапорту. — Печально качая головой, он полез за руль.

Тощий коп перестал выписывать штраф и прищурился:

— В случае прибытия важной персоны, для которой требуются особые меры безопасности, нас предупреждают. Кто это, какой-нибудь политик?

Гидеон задержался у распахнутой дверцы.

— Скажем так: он из вашей братии. И очень сердится, когда ему ставят палки в колеса.

Полицейские переглянулись.

— Вы имеете в виду начальника городской полиции?

— Я ничего вам не говорил.

— Тогда нас наверняка предупредили бы о прибытии ВИП-персоны, — проскулил Горски.

Гидеон решил, что пора проявить суровость. Он перестал улыбаться и посмотрел на часы.

— Как я погляжу, до вас медленно доходит. А ведь все очень просто. Если я не встречу Хозяина внизу через минуту, вентилятор начнет разбрызгивать жидкое дерьмо. Знаете, как я тогда поступлю? Напишу в рапорте, что меня задержали двое тупоумных транспортных копов, не удосужившихся проверить, не пребывает ли начальство. — Он

вооружился собственными блокнотом и ручкой. — Как пишется фамилия «Горски»?

— Ммм… — Горски покосился на напарника, не зная, как быть.

Гидеон взялся за тощего:

— А вы? Тоже хотите попасть в рапорт? Как ваша фамилия? Эббот?

После этого он уничтожил взглядом обоих. Оба тут же дали слабину.

— Мы присмотрим за вашим лимузином, — пообещал тощий коп, нервно разглаживая мундир. — Ступайте встречайте.

— Конечно, — подхватил Горски, — никаких проблем. Можете на нас положиться.

— Молодцы! Чтобы не заскучать, рассчитайтесь на «первый-второй».

Гидеон, пройдя мимо них, быстро вошел в огромный зал получения багажа с множеством «каруселей» — пустыми и заваленными чемоданами. Перед собой он увидел нитки едущих вниз эскалаторов и присоединился к цепочке водителей лимузинов с табличками в руках.

Эскалаторы безостановочно спускали вниз живой груз. Гидеон вглядывался во всех азиатов. Он запомнил обе фотографии Ву, показанные Глинном, но оставалась опасность, что его клиент получается на фотографиях не таким, как в жизни…

Вот он! Маленький, напряженный, с высоким лбом и челкой, старомодные очки в черной оправе, профессиональный твидовый пиджак. Китаец ехал вниз с потупленным взором, с обвисшими плечами, сама робость, не способная вызвать даже каплю подозрения. Ни дорожной сумки, ни ноутбука.

Сойдя с эскалатора, Ву, вместо того чтобы отправиться за багажом, устремился прямо наружу, к стоянке такси, чуть не задев на ходу Гидеона.

Тот удивленно заторопился за ним. Очереди на такси не было. Ву нырнул под шлагбаум, взял у диспетчера билетик и уселся в первое такси, «форд-эскейп».

Гидеон бросился к своему лимузину.

— Эй, куда вы? — окликнул его тощий полицейский.

— Ошибся терминалом! — отозвался Гидеон. — Ну и надерут мне теперь задницу!

И он выбросил из окна купюру в пятьдесят долларов, ждавшую до этого применения в нагрудном кармане пиджака.

Полицейские занялись ловлей бумажки, которую летний ветерок потащил вдоль тротуара. Гидеон резко тронулся с места, чтобы не упустить из виду юркое такси.

ГЛАВА 16

В конце концов Гидеон сел увозящему Ву «форду» на хвост, держа между ним и собой машин пять, и перевел дух. Ночью движение на трассе слабое. Время от времени он перестраивался, отставал, а потом наверстывал — на случай если Ву проявит подозрительность.

Но ни таксист, ни ученый не догадывались, что их преследуют, хотя на длинный лимузин трудно было не обратить внимание. Следуя стандартным маршрутом на Верхний Манхэттен, такси вырулило на шоссе Гранд-Сентрал-парквей и миновало сначала стадион Ши, потом аэропорт Ла-Гуардиа. За мостом Роберта Кеннеди появилась панорама Среднего Манхэттена — головокружительное мерцание, отражающееся в водах Ист-Ривер. Въехав на Манхэттен по мосту на Третьей авеню, такси миновало Рузвельт-драйв и покатило по Сто двадцать третьей улице — сначала в Восточном Гарлеме, потом по Парк-авеню.

«Наверное, Ву едет в Верхний Ист-Сайд, — подумал Гидеон и мысленно скорректировал свой первоначальный план. — Сначала определю, по какому адресу прибудет объект наблюдения, потом остановлюсь неподалеку и...»

Внезапно он заметил черный «линкольн-навигатор» с затемненными стеклами, быстро приближающийся к такси сзади. Подъехав к «форду» почти вплотную, он завис, хотя легко мог бы ехать дальше. Гидеон пригляделся к новому участнику событий: машина новая, но номерной знак выгорел и практически не читался.

Гидеон перестроился в левый ряд и припустил вперед, чтобы заглянуть в «линкольн» через ветровое стекло, но ночью это ничего не дало, и он снова намеренно отстал, все сильнее тревожась.

Такси с «линкольном-навигатором» на хвосте ускорило ход, но преследователь не отставал. Такси притормозило, «навигатор» тоже, явно отказываясь перестроиться в соседний ряд и проследовать по своим делам.

Ничего хорошего это не сулило.

Массивный хромированный бампер «навигатора» уперся в задний бампер «форда», после чего «навигатор» взревел мотором и стал подталкивать такси вперед и вбок. Такси с душераздирающим визгом

резины вильнуло в левый ряд. «Навигатор» настиг его там и опять изготовился боднуть.

Чтобы избежать удара, такси шарахнулось в правый ряд и стало тормозить, но «навигатор» предпринял рискованный маневр и нанес новый удар, в этот раз нешуточный, и таксисту пришлось поднажать, чтобы избежать худшего. Широкую улицу огласил его испуганный клаксон.

«Навигатор» уже разгонялся для нового толчка, но такси, вылетев в левый ряд, резко свернуло на Сто шестнадцатую улицу и помчалось на восток. Здесь, на одной из главных торговых артерий Испанского Гарлема, было светло и многолюдно — несмотря на поздний час, бары и рестораны оставались открыты.

«Навигатор» повернул туда же, лимузин Гидеона — за ним, как ни противопоказаны такой машине резкие виражи. Гидеон мчался, чувствуя, как колотится сердце. Он понял, что цель водителя «навигатора» — угробить людей в такси.

Такси тем временем ускорило ход в попытке оставить преследователя далеко позади. Обе машины мчались на восток по Сто шестнадцатой улице, резко виляя и вызывая отчаянные гудки, визг покрышек и вопли. Гидеон старался не отставать, вцепившись в руль потными ладонями.

Они миновали поворот на Лексингтон-авеню и приблизились к ярко освещенному перекрестку с Третьей авеню. Скорость достигла восьмидесяти километров в час, тем временем светофор переключился на «желтый». Гидеон резко затормозил, не сомневаясь, что двое других тоже остановятся. Но «навигатор» вдруг рванулся на встречную полосу и поравнялся с такси, чтобы перед самым перекрестком толкнуть его бортом. Такси, окутавшись дымом, юзом преодолело перекресток, врезалось во встречный автомобиль, взмыло в воздух и обрушилось на толпу перед пуэрто-риканским мясным ресторанчиком. Звук был ужасный — громкий и сочный. Во все стороны полетели тела, усеявшие перекресток. Такси влетело в витрину ресторана и застряло там, огласив округу скрежетом. В дыму ничего нельзя было разглядеть. С подносов, выставленных в витрине, посыпались аппетитные поджаристые отбивные и розовые молочные поросята. Часть еды застряла между колесами искореженного такси, часть вывалилась на тротуар.

На мгновение установилась звенящая тишина, потом перекресток взорвался воплями, люди бросились врассыпную. Гидеону, в ужасе наблюдавшему за происходящим, они показались муравьями, мечущимися на горящем бревне.

Он остановился перед самым перекрестком, выскочил из лимузина и побежал к очагу событий. Но ему преградил путь автобус, мчащийся по

Третьей авеню в северном направлении с изрядным превышением скорости и резко затормозивший при виде разбросанных на асфальте человеческих тел. Было поздно, здоровенная махина не могла остановиться, как водитель ни жал на тормоза. Гидеону, замершему на «зебре», осталось только зажмуриться. Огромные колеса автобуса вдавили в асфальт нескольких несчастных, после чего отчаявшийся водитель, наверное, вообще бросил руль. Автобус понесло в сторону с рвущим барабанные перепонки визгом резины, окутавшейся дымом. Открыв глаза, Гидеон увидел, как автобус таранит автомобиль за перекрестком. Пассажиры в панике разбили окна, открыли заднюю дверь и посыпались наружу, топча друг друга в попытке спастись.

Где же «навигатор»? Гидеон увидел его в квартале от эпицентра событий. Постояв от силы две секунды, машина сорвалась с места, свернула со Сто шестнадцатой улицы на Вторую авеню и исчезла.

Гидеон подбежал к такси. Оно лежало кверху колесами, въехав капотом в ресторан. Раненые были повсюду: одни шевелились, другие лежали неподвижно. По тротуару растекался бензин, бодрый ручей уже приближался к горящему автобусу. Мгновение — и прогремел оглушительный взрыв, подбросивший автобус в воздух. Пламя взметнулось на высоту третьего или четвертого этажа, озарив всю безумную картину адским светом. Сотни людей в окрестных домах распахивали окна, высовывались, показывали пальцем на развороченный перекресток.

Воздух уплотнился от всевозможных звуков: криков и воплей, предсмертных стонов, нескончаемого агонизирующего воя автобусного гудка, треска огня. Гидеону оставалось одно: постараться не сойти с ума.

Он опустился на четвереньки и заглянул внутрь перевернутого такси. Сторона водителя была полностью смята, бедняга таксист, обсыпанный стеклом, был буквально вдавлен в искореженный металл. Ву, зажатый на заднем сиденье, был еще жив: глаза широко распахнуты, губы шевелятся. Увидев Гидеона, он потянулся к нему окровавленной рукой.

Гидеон рванул дверцу, но надеяться ее открыть было бы смешно. Тогда он лег плашмя, заполз в разбитое окно, схватил ученого за обе руки и с максимальной осторожностью вытащил его на тротуар. Сильнее всего у Ву пострадали ноги: штанины промокли от крови. Гидеон унес его подальше от быстро распространяющегося пожара и осторожно положил на асфальт. Он хотел набрать на сотовом телефоне 911, но сквозь какофонию и так уже прорывались со всех сторон завывания пожарных и полицейских сирен.

Он, даже не оглядываясь, чувствовал у себя за спиной толпу: зеваки завороженно любовались происходящим с безопасного расстояния.

Внезапно ученый вцепился окровавленной рукой в рукав водительской униформы, в которой Гидеон приехал его встречать. Выражение его глаз было донельзя изумленным: произошедшее превзошло его понимание. Он попытался что-то сказать.

— Не понял… — Гидеон прильнул к нему вплотную, приложил ухо к его губам.

— Роджер? — выговорил китаец с сильным акцентом. — Роджер?

— Роджер, Роджер, — нашелся Гидеон. — Он самый и есть.

Ву пролепетал что-то по-китайски, потом сказал по-английски:

— Запиши, скорее! Восемь семь один ноль пять ноль…

— Подождите… — Гидеон нашел в кармане карандаш и клочок бумаги. — Еще раз!

Ву диктовал свои цифры, Гидеон послушно их фиксировал. Он уже не замечал акцента: голос был четкий, педантичный — голос ученого.

«87105003302201401047836415600221120519715013510100175025033629
92421140099170520090080070040035002
78100065057616384370325300005844092060001001001001…»

От усердия Гидеон даже вспотел.

— Все? — спросил он с надеждой.

Ву кивнул и, обессиленный, закрыл глаза.

— Вы знаете, как с этим поступить, — прохрипел Ву.

— Как раз не знаю. Подскажите!

Но Ву уже лишился чувств.

Гидеон выпрямился. Голова шла кругом, он чувствовал себя непроходимым тупицей. Кровь ученого осталась у него на руках и на рубашке. Улицу уже перегородили пожарные и полицейские машины. Автобус по-прежнему горел, ночь пропиталась едким дымом.

Рядом рыдала женщина, разглядывая то, что недавно было рестораном.

— Господи, ну и трагедия! Ужасно!

Гидеон покосился на нее, потом, при виде приближающихся санитаров, полицейских и пожарных, встал и, бросив на произвол судьбы арендованный лимузин, оказавшийся в кольце примчавшейся экстренной кавалькады, медленно побрел на деревянных ногах под

аккомпанемент сирен к станции подземки, благо до нее было всего два квартала.

ГЛАВА 17

Генриетта Ивлин отложила журнал учета, сняла очки для чтения и пристально посмотрела на молодого человека в выпачканном костюме, переступившего порог отделения неотложной помощи. Хорош собой, худощавый, взъерошенные черные волосы падают на сияющие голубые глаза. Но в каком он виде! Ладони, рукава, вся рубашка в крови, дикий взгляд, смердит бензином и горелой резиной. Да еще дрожит так, что зубы клацают...

— Вам помочь? — спросила она твердо, но участливо.

Генриетта старалась поддерживать в приемном отделении порядок — непростая задача для больницы «Маунт-Синай», тем более в июне, да еще в ночь с субботы на воскресенье.

— Да, и побыстрее! К вам только что поступил мой... мой друг. Ужасная автокатастрофа! Ву Лонвей, но он называет себя Марк Ву.

— А как вы себя называете?

— Я его близкий друг. Гидеон Кру. — Парень старался сдерживать эмоции.

— Спасибо, мистер Кру. Сами-то вы в порядке? Ушибы, кровотечения?

— Нет, со мной все хорошо. — Он махнул рукой. — Кровь не моя.

— Понятно. Я сейчас. — Она снова надела очки и пододвинула к себе журнал поступлений. — Мистер Ву поступил к нам пятнадцать минут назад. Сейчас его осматривают врачи. Присядьте и подождите.

Она указала на просторную комнату ожидания, полную людей: у одних глаза были на мокром месте, другие силились сохранять спокойствие. В углу сгрудилось многочисленное семейство, дружно утешающее громко всхлипывающую толстуху.

— Вы можете сказать, в каком он состоянии? — обратился Гидеон к дежурной.

— Боюсь, я не уполномочена сообщать какие-либо сведения, мистер Кру.

— Мне надо его увидеть. Я должен!

— Сейчас к нему никого не пускают, — произнесла Ивлин более твердо. — Поверьте, врачи очень стараются. — К этому она присовокупила фразу, неизменно приводившую в чувство даже самых беспокойных: — «Маунт-Синай» — одна из лучших больниц мира.

— Но хоть как он там?

— Простите, сэр, правила не позволяют мне разглашать медицинские сведения кому-либо, помимо близких родственников.

— Кто к ним относится?

— Кровные родственники с удостоверениями личности и супруги.

— Вы поймите, мы с Марком… Мы партнеры… Живем как… как партнеры. — Выдавая столь интимную деталь, он так покраснел, что краску не скрыли ни грязь, ни кровь на лице.

Ивлин отложила журнал.

— Понимаю. Но правила есть правила. Только близким родственникам и законным супругам.

— Законным? Разве вы не знаете, что в Нью-Йорке однополые браки пока что вне закона?

— Мне крайне жаль, сэр, но таково предписание.

— Он хоть жив? — почти крикнул молодой человек.

В ее глазах появилась тревога.

— Прошу вас, сэр, сядьте!

— Поэтому вы мне не говорите? Потому что он… Боже! Он умер?

— Мне нужен хотя бы какой-то документ, свидетельствующий о вашем родстве… — Она осеклась.

Такое уже случалось: право на посещение больных геев и лесбиянок оставалось неурегулированным вопросом. Его постоянно пересматривали, отчего простым исполнителям вроде нее приходилось то и дело выдерживать бои. Несправедливо!

— Вы знаете кого-нибудь, кто таскает с собой официальные документы? — Молодой человек уже всхлипывал. — Мы как раз вернулись из Китая… — Он откинул со лба волосы. Глаза у него налились кровью, губы дрожали.

— Понимаю ваше состояние, сэр, но мы не можем сообщать медицинскую информацию людям, называющим себя партнерами наших пациентов, но ничем это не подтверждающим.

— Подтверждение? — Гидеон вытянул перед собой руки в запекшейся крови и сорвался на крик. — Этого вам мало? У меня на руках его кровь! Я выволок его из разбитой машины!

Ивлин не нашлась с ответом. Их слушала вся комната ожидания. Даже трехсотфунтовая толстуха перестала рыдать.

— Я должен знать! — У бедняги подогнулись колени, и он шлепнулся на пол.

Ивлин нажала кнопку экстренного вызова дежурной сестры. Толпа смотрела на человека на полу. Его падение было вызвано избытком чувств, он уже приходил в себя. Когда встал на колени, несколько человек бросились ему помогать.

— Усадите его на диван, — приказала Ивлин. — Сестра сейчас подойдет.

Доброхотов стало еще больше. Сразу несколько человек усадили нервного посетителя у стены. Он тяжело опустился на сиденье и закрыл рукой лицо.

— Хватит вам! — обратилась к Ивлин одна из посетительниц. — Какой будет вред, если сказать ему о состоянии его друга?

Толпа одобрительно загудела. Гидеон Кру в отчаянии раскачивался, не отрывая от лица ладоней.

— Он умер… — бормотал он. — Знаю, умер…

Ивлин, игнорируя общественное мнение, спряталась за журналом. Ей было стыдно, но правила сильнее ее. Да и проявлять неуверенность, тем более слабость, не в ее привычках.

— Почему бы вам просто не сказать ему, как себя чувствует его друг? — не унималась женщина.

— Правила пишу не я, мэм, — отчеканила Ивлин. — Медицинская информация имеет приватный характер.

Прибежала запыхавшаяся дежурная сестра.

— Где больной?

— Упал от волнения. Вон сидит! — Ивлин указала на Гидеона.

Сестра превратилась в воплощение участливости.

— Здравствуйте, меня зовут Роз. В чем дело?

Посетитель всхлипнул:

— Он умер, а мне не говорят…

— Кто?

— Мой партнер. Он в реанимации. А от меня все скрывают, потому что у меня нет бумажки...

— У вас длительное домашнее партнерство?

— Уже пять лет. Он — вся моя жизнь. А я — его. У него здесь нет родни. — Он вскинул голову и взмолился: — Только не допускайте, чтобы он умер в одиночестве!

— Вы позволите? — Сестра смерила ему пульс, потом давление. — Вы здоровы. Просто переволновались. Посидите спокойно, я поговорю с персоналом.

Гидеон кивнул, стараясь дышать мерно и глубоко.

Сестра подошла к Ивлин:

— Давайте считать его партнером пациента. Вся ответственность на мне.

— Хорошо, спасибо.

Сестра ушла, Ивлин открыла соответствующий файл.

— Мистер Кру!

Он не встал, а подпрыгнул.

— У вашего друга тяжелые ранения, но он жив, состояние стабильное, — сказала она тихо. — Если вы подпишетесь вот здесь, я запишу вас как его партнера.

— Слава Богу! — воскликнул он. — Живой! Слава Богу...

Вся комната ожидания радостно зааплодировала.

ГЛАВА 18

Гидеон Кру оглядел свой номер в гостинице «Ховард Джонсон мотор лодж» на Восьмой авеню. На удивление прилично, все необходимое на месте, даже отсутствие синих и оранжевых цветов в интерьере. А главное, база для айпода. Он извлек свой гаджет, загрузил «Синее и зеленое» Билла Эванса и замер, наслаждаясь горькими и одновременно сладостными аккордами «Двух одиночеств». Допив крепкий эспрессо, он швырнул стаканчик в мусорную корзину.

Несколько минут Гидеон неподвижно сидел в кресле у маленького письменного стола, вбирая в себя неземные звуки и расслабляясь всеми мышцами тела. При этом недавние события укладывались у него в голове в строгую систему. Каких-то пятнадцать часов назад он еще удил форель в горной речке Чихуахуэнос, а теперь находится в номере гостиницы на Манхэттене с двадцатью тысячами долларов в кармане, с

нависшим над ним смертным приговором, с кровью чужого человека на руках...

Он встал, снял рубашку и пошел в ванную смывать кровь. Привел себя в порядок, надел свежую рубашку. Накрыл кровать целлофановыми пакетами для мусора и аккуратно разложил одежду Ву, снятую с раненого в больнице и отправленную в мусорный бак. Ему пришлось изрядно попотеть, чтобы ее собрать. Пришлось изобрести душещипательную рождественскую сказку о нарушенном обещании, гонконгском портном и потерянной кукле. Он нашел то, что искал, но какой толк?

Следом за гардеробом Ву на целлофан легло содержимое его бумажника, мелочь из карманов, паспорт, шариковый дезодорант, старомодная безопасная бритва без лезвия в пластмассовом футляре, найденная в кармане пиджака. Негусто: ни телефона, ни блэкберри, ни калькулятора. Флешки тоже не оказалось.

Пока Гидеон трудился, рассвело, оконные стекла стали из серых желтыми, город ожил и мерно загудел, разражаясь время от времени истерическими гудками.

Когда расклад предметов на кровати приобрел геометрическую четкость, Гидеон внимательно оглядел свой натюрморт, задумчиво приложив палец к нижней губе. Если его «клиент» привез чертежи нового оружия, то главной задачей было определить, где он их спрятал, — если он, конечно, держал носитель на себе. Не вызывало сомнения, что длинный цифровой ряд, продиктованный раненым китайцем, никак не мог быть искомыми чертежами: даже в сильно сжатом виде они бы представляли собой несравненно более внушительный информационный массив. Чертежи должны были быть сохранены в цифровом виде, а значит, нужно искать микрочип, то или иное запоминающее устройство, голограмму на каком-то носителе или на худой конец CD или DVD.

По логике вещей, ученый должен был носить чертежи на себе или — более экзотический вариант — даже внутри себя... Гидеон поежился и решил, что над вторым вариантом он поломает голову позже, когда завершит изучение скудных пожитков Ву.

У двери были свалены пакеты с покупками. Он разыскал в них только что приобретенный электронный прибор — поразительно, что на Манхэттене в любое время суток можно раздобыть все, что душе угодно, вплоть до взрывчатки! — и стал его настраивать. Эта штуковина, MAG 55W05, могла бы пригодиться контрразведчику, а в обычной жизни предназначалась для частных детективов, директоров компаний и прочих параноиков, помешанных на поиске «жучков». Гидеон быстро пробежал глазами инструкцию и приступил к делу.

Щуп прибора изнуряюще медленно пополз по разложенной на кровати одежде. Ничего. Бумажник вместе со всем содержимым — деньгами, визитными карточками, семейными фотографиями — тоже оставил прибор равнодушным. Другое дело — магнитная полоса на единственной кредитной карточке, найденной у Ву: она заставила прибор запищать, замигать, на дисплее взметнулись красные столбики. На магнитной полосе что-то было записано, но как много? Прибор показывал, что меньше шестидесяти четырех килобайт. Требовался другой способ считывания.

В паспорте китайца тоже был микрочип на первой странице «корочки», как в американском паспорте. Прибор показывал, что этот чип нес информацию, но тоже мало. Гидеон озадаченно почесал затылок. Маловато для секретного оружия. Да, данные научились неплохо сжимать, но познаний в этой области у Гидеона явно не хватало.

Паспорт и кредитка подверглись повторному исследованию.

Он упал в кресло и закрыл глаза. Уже сутки он не спал. Музыка превращалась в его мозгу в светозвуковые графики. Его отец был фанатом джаза и каждый вечер проводил в кресле в компании Чарли Паркера и Фэтса Уоллера, притоптывая в такт музыке и тряся лысой головой. Гидеон тоже слушал только такую музыку и знал ее хорошо, быть может, даже слишком...

Очнулся он под завершающие аккорды композиции «Если бы ты видела меня сейчас». Встал, побрел в ванную, сунул голову под кран и включил холодную воду. Вытер насухо волосы и изготовился к новым свершениям. Он довольствовался совсем коротким сном и сейчас чувствовал себя свежим. Было уже около девяти часов утра, в коридоре переговаривались горничные.

Отложив в сторону хитрый прибор, он приступил к тщательному визуальному изучению одежды Ву через ювелирную лупу при посредстве особого ножа, которым вспарывал швы и двойные слои ткани. Одежда местами затвердела от крови, в ней застряли кусочки металла, стекла, пластика. Все это он извлекал пинцетом и выкладывал на бумажное полотенце, чтобы разглядеть потом. В особенно плачевном состоянии оказались брюки. Залитые кровью участки ткани приходилось размачивать полотенцем, потом опять сушить, чтобы собрать все посторонние включения.

Через четыре часа кропотливый труд был завершен. Он не дал ровным счетом ничего. Оставались ботинки. Самые многообещающие потенциальные тайники Гидеон оставил «на закуску».

Наступил полдень, а он ничего не ел после ленча, если сандвич можно назвать полноценным обедом, накануне, еще в горах. Зато сбился со

счета, сколько выпил за эти сутки чашечек эспрессо. С таким же успехом можно было попытаться продержаться на одной аккумуляторной кислоте. Тем не менее Гидеон заказал по телефону еще три эспрессо, только погорячее.

Он достал из пакета ботинки и водрузил их на кофейный столик. Китайская подделка под «Джон Лоббз». Полно запекшейся крови — бедняге Ву раздавило ноги… Один изуродованный башмак санитарам пришлось срезать, другой от крови изменил цвет. Под действием летней жары обувь уже начала источать омерзительную вонь.

Гидеон расчистил место и обследовал своим прибором правый башмак. Ничего.

В дверь постучали. Он вышел, прикрыв за собой дверь, взял кофе, дал коридорному на чай и без промедления выпил живительную черную влагу. Не обращая внимания на бурление в желудке, вернулся к своей работе: стал методично разнимать башмак на кусочки, ставя на каждом пометки фломастером.

Начал с каблука, перешел к подметке, аккуратно раскладывая все гвоздики и втулки. Также, орудуя своим особенным ножиком, он поступил со всеми кожаными деталями. Каблук был наборный, из нескольких слоев кожи, которые он осторожно разъял, чтобы накромсать кожаной лапши и ровно ничего не найти. То же самое он проделал со вторым башмаком и с тем же нулевым результатом. Ошметки перекочевали в мешочки на молниях, которые он снабдил ярлычками и убрал в чемоданчик, купленный специально для этой цели.

Еще несколько минут расслабления в кресле.

— Ну и задачка, — пробормотал он уныло.

Работа становилась все тоскливее. Не радовала даже мысль об обещанных Глинном деньгах.

Придется заглянуть внутрь… При всей сомнительности успеха без этого нельзя обойтись. Для выворачивания чужих кишок требовалась особенная музыка, способная поднять настроение. Например, «Воздух» Сесила Тейлора.

Гидеон открыл толстый конверт с рентгеновскими снимками. Как «семейный партнер» Ву, он воспользовался своим правом получить копии его обследования с головы до ног. Поднеся первый снимок к лампе, стал исследовать его через лупу квадратно-гнездовым методом. Голова, верхняя часть торса, руки: чисто. Но когда он перешел к брюшной полости, сердце замерло: обнаружилось белое пятнышко, вкрапление металла. Исследовав его через лупу, Гидеон испытал

разочарование: бесформенный кусочек металла явно впился в тело во время аварии. Не микрочип, не контейнер, не секретное шпионское приспособление.

В кишечнике ничего подобного тоже не нашлось.

Рентгеновские снимки ног были не для слабонервных. На них красовались десятки металлических вкраплений — на снимках это были неровные белые пятнышки. Фрагменты стекла и пластика на рентгене выглядели серыми. Ву снимали с разных сторон, и это давало представление о форме посторонних предметов: ни один даже отдаленно не походил ни на контейнер, ни на капсулу, ни на магнитное или лазерное запоминающее микроустройство.

Гидеон вспомнил похожего на сову человечка, ехавшего вниз по эскалатору: напуганного, озирающегося, серьезного и очень смелого. Он впервые подумал о том, как бедняга рисковал. Зачем он на это пошел? Будет чудом, если Ву снова сможет ходить. Чудо, если вообще выживет. Он находился в коме. В его черепе пришлось просверлить дырку, чтобы понизить внутричерепное давление.

Гидеон напомнил себе, что произошедшее не было несчастным случаем. Это было покушение на убийство, стоившее жизни ни в чем не повинному таксисту и еще полудюжине случайных прохожих. Какое там покушение — настоящее убийство, причем массовое!

Отогнав мрачные мысли, Гидеон снова сложил снимки в конверт и подошел к окну. Дело шло к вечеру — он убил на бесполезное занятие весь день. Солнце уже заходило, Пятьдесят первая улица была залита желтым светом, прохожие отбрасывали на тротуар длинные тени.

«Я зашел в тупик или это только кажется? Что дальше?»

Урчание в животе напомнило, что давно пора проглотить что-нибудь в дополнение к кофе. Он набрал номер обслуживания номеров и заказал две дюжины сырых устриц.

ГЛАВА 19

Полицейское кладбище автомобилей находилось на берегу реки Гарлем в Южном Бронксе, в тени моста на Уиллис-авеню. Такси привезло Гидеона в район складов и заброшенных промышленных зон, к старым железнодорожным вагонам, выпотрошенным школьным автобусам и ржавеющим контейнерам. Округа провоняла не поддающейся опознанию мерзостью и доносящимся с реки запахом гниющих моллюсков. В воздухе висел, как гул пчелиного роя, шум часа пик с автострады по соседству. Гидеону доводилось жить в похожей дыре — более приличных они с матерью не знали, хотя не переставали

переезжать с места на место. Даже запах был знакомым. От этих мыслей ему стало вдвойне тошно.

Свалка была огорожена забором-сеткой с колючей проволокой наверху, раздвижные ворота на колесиках сторожила приземистая будка. За оградой раскинулось, насколько хватало глаз, огромное поле, заваленное изуродованными, донельзя смятыми, порой неузнаваемыми автомобилями.

В будке за пластиковым окном скучал за книгой смуглолицый полицейский. При приближении Гидеона он отодвинул створку окна мясистой ручищей, густо поросшей черными, как у гориллы, волосами.

— Здравствуйте! — приветствовал его Гидеон. — Вы не могли бы мне помочь?

— Что? — Полицейский не спешил отрываться от чтения.

Гидеону стало любопытно, что он читает. Он сильно удивился, увидев, что это «Город Бога» св. Августина.

Гидеон решил, что в данном случае пригодится самая раболепная, подобострастная улыбка.

— Мне ужасно неудобно вас беспокоить...

— Пожалуйста.

Гидеон с облегчением увидел, что, несмотря на надбровные дуги неандертальца и отрастающую буквально на глазах щетину, этот человек смотрит на него открыто и дружелюбно.

— Мой зять Тони Мартинелли, — начал он, — работал таксистом. Он погиб прошлой ночью в аварии на Сто шестнадцатой улице — вы наверняка о ней читали.

Полицейский заинтересовался.

— Конечно, читал! Такого не бывало уже несколько лет, в новостях только об этом и говорили. Ваш зять? Мои соболезнования!

— Сестра убита горем. Какой ужас: на руках два малыша, одному годик, другому три, денег ни гроша, дом заложен...

— Да уж, не позавидуешь... — Полицейский отложил книгу, явно сочувствуя чужому горю.

Гидеон вооружился платком и вытер глаза.

— Тут такое дело... У него на зеркальце заднего вида висел серебряный медальон, святой Христофор...

Коп понимающе кивнул.

— В двухтысячном году Тони был в Италии, и там сам папа римский благословил этот медальон. Представляете, лично! Не знаю, католик ли вы, но святой Христофор — покровитель путешественников, а Тони работал таксистом, так что этот медальон был его главной ценностью. Та мимолетная встреча с папой была высочайшим взлетом всей его жизни.

— Я католик, — кивнул коп, — и мне это хорошо понятно.

— Тем лучше. Рад, что вы меня понимаете. Не знаю, возможно ли это, и не хочу навлекать на вас неприятности, но вдова мечтает получить назад этот медальон. Хочет положить его в гроб и похоронить вместе с мужем. Это принесло бы ей огромное облегчение... — Гидеон так расчувствовался, что даже всхлипнул. — Простите. — И он высморкался в приобретенный специально для этой цели платок.

Полицейский поерзал на месте.

— Понимать-то я вас понимаю и искренне сочувствую вашей сестре и племянникам, но тут вот какое дело...

Гидеон ждал.

— Тут вот какое дело, — повторил полицейский смущенно, словно подбирая слова. — Машина вашего зятя — вещественное доказательство в расследовании дорожно-транспортного происшествия с человеческими жертвами. Она под замком, к ней не подберешься.

— Под замком?

— Да, в специальном ангаре для вещественных доказательств. — Он ткнул пальцем на склад.

— Туда наверняка можно войти и снять с зеркальца медальон — он-то никакая не улика!

— Я все понимаю. Но это такси по-настоящему изолировано, прямо-таки заковано в кандалы. Сам склад заперт и поставлен на сигнализацию. Поймите, в таких случаях улики страшно важны. Взять сам автомобиль: на нем царапины, краска с другой машины и все такое прочее. Дело из ряда вон: семеро убитых, много тяжелораненых. Тех, кто все это учинил, ищут. Допуск к машине можно получить только по особому разрешению, и то после заполнения кучи формуляров. Любые манипуляции с этим автомобилем записываются на видео. Все это не просто так: мы должны сцапать преступников и добиться их осуждения.

— Как жаль, это для нас так важно... — Гидеон погрустнел и тут же просиял: его посетила новая идея. — Тони похоронят только через

неделю, а то и через две. Может, к тому времени «кандалы» с машины снимут?

— Только когда поймают виновных, состоится суд, потом апелляция… Это может занять годы. Хотел бы я вас обнадежить, но… — Полицейский развел руками. — Годы!

— Что же я скажу сестре? Говорите, склад на сигнализации?

— На сигнализации и под круглосуточной охраной. Но даже если бы вам удалось проникнуть внутрь, машина, как я говорил, заперта в клетку для вещдоков, ключа от которой нет даже у охранника.

Гидеон почесал подбородок.

— Клетка, запертая на цепь?

— Ага, прямо как в Гуантанамо.

— Клетка тоже на сигнализации?

— Сама клетка — нет.

— А какая на складе сигнализация?

— На дверях и на окнах.

— Датчики движения, лазеры?

— Чего нет, того нет. Каждые полчаса склад обходит охранник. Думаю, сигнализация там только на окнах и дверях.

— Как насчет видеокамер?

— Этого добра навалом, просматривают каждый квадратный сантиметр. — Полицейский посерьезнел. — Не вздумайте! Очень не советую.

Гидеон покачал головой:

— Вы правы. Что-то меня занесло…

— Наберитесь терпения. В конце концов вам вернут медальон, и, возможно, вы к тому времени будете удовлетворены: виновный отправится мотать срок от двадцати пяти лет до пожизненного на Рикерс-Айленд.

— Очень надеюсь, что этот подонок не уйдет от возмездия!

Коп накрыл своей тяжелой ладонью ладонь Гидеона.

— Сочувствую вашей потере.

Гидеон благодарно кивнул, пожал добряку руку и зашагал прочь. Дойдя до конца квартала, он оглянулся. Склад действительно был обвешан по углам видеокамерами, не оставляющими без наблюдения ни единого клочка земли. Он насчитал их целую дюжину только с того места, где стоял. Столько же могло оказаться с другой стороны, внутри ангара тоже.

Гидеон в задумчивости побрел дальше. Обычно охранные системы представляют собой натыканную наугад дорогую электронику без малейшей попытки собрать из нее скоординированную, эффективную сеть. Одной из худших привычек Гидеона, портившей ему удовольствие от посещения музеев, была склонность прикидывать, как можно эти музеи обчистить: беспроводные передатчики, датчики вибрации и движения, бесконтактные инфракрасные детекторы, ультразвук — все было настолько очевидно и наивно, что у него чесались руки посрамить эти ухищрения.

Он с сожалением покачал головой. Проникновение на полицейский склад было для него до смешного простой задачей.

ГЛАВА 20

В три часа ночи Гидеон Кру спустился по Браун-плейс и пересек Сто тридцать вторую улицу, слегка покачиваясь и бормоча себе под нос. На нем были джинсы мешком и тонкий балахон с капюшоном, закрывавшим лицо. На спине балахона красовалось приглянувшееся ему замысловатое изображение. В магазине театральных принадлежностей он купил накладной живот, под который засунул «кольт».

Он затрусил по тротуару Сто тридцать второй улицы к Пуласки-парк, вдоль забора-сетки, окружающего полицейский склад. Натриевые фонари заливали все вокруг противным, цвета мочи, светом. Дополнительно развешанные вокруг склада фонари светили белым.

Дойдя до места, где ограда поворачивала к старым железнодорожным путям и заброшенной, заросшей бурьяном автостоянке (там теперь громоздились старые тракторные кузова), он стал вести себя как человек, ищущий место справить малую нужду, — проверять укромные углы. Вокруг не было ни души, вряд ли он попался бы кому-нибудь на глаза, но в том, что каждое его движение записывается камерами наблюдения, не было ни малейшего сомнения. Скорее всего изображение не отслеживалось прямо сейчас, но позднее запись наверняка просмотрят.

Он расстегнул ширинку и помочился у забора, потом вышел на рельсы. Там внезапно нагнулся, вынул из кармана чулок и натянул его на голову. Внизу сетка забора была залита бетоном — просто так не

поднять. На этот случай Гидеон запасся болторезом: достав тяжелый инструмент из своего театрального живота, он стал резать звенья сетки сначала внизу, потом двинулся вверх вдоль столба. Сделав себе лаз, он им тут же воспользовался. Снова расправив сетку, чтобы внешне все выглядело безупречно, он огляделся.

Заметил, что у складского ангара двое больших ворот, спереди и сзади, в каждых воротах по калитке. Он обследовал задние и, как ожидал, нашел клавиатуру с маленьким дисплеем для включения и отключения сигнализации. В сплошном железном листе не было ни окошка, ни «глазка».

Кода отключения сигнализации он не знал. Но внутри помещения сидел человек, этим знанием обладающий, и его требовалось выманить.

Гидеон постучал и приложил к двери ухо. Тишина. Он снова постучал и крикнул: «Эй!» Изнутри послышались звуки — охранник пошел к двери.

— Кто? — спросил бестелесный голос.

— Полицейские Холси и Медина! — пролаял Гидеон нарочито громко. — Все в порядке? У нас на участке сработала ваша бесшумная сигнализация.

— Бесшумная сигнализация? Первый раз слышу!

Гидеон наблюдал, как охранник вводит изнутри код.

На дисплее снаружи появились только черточки.

Когда дверь начала открываться, Гидеон шмыгнул за угол, метнулся к свалке расплющенных машин, где заранее решил спрятаться, забрался наверх и притаился, наблюдая.

— Вы где? — крикнул охранник с порога испуганно, не смея выйти. — Кто здесь? — В его голосе слышалась нешуточная тревога.

Гидеон ждал.

Завыла сирена, включенная охранником, и уже через пять минут примчались три патрульные машины, из которых выскочили шестеро полицейских.

Гидеон улыбнулся: чем больше, тем веселее.

Начались прочесывание участка: трое шуровали внутри склада, другие трое осматривали свалку машин. Поскольку почти все машины находились в раскуроченном состоянии, карабкаться на них у полицейских не было желания. Гидеон ждал полчаса, пока им надоест светить во все углы фонариками. Чтобы не заскучать, он восстанавливал

в памяти партию бас-гитары в композиции Сесила Тейлора, прослушанной накануне. Полицейские прошлись вдоль забора, но, как он и рассчитывал, не нашли проделанный им лаз — не зря он аккуратно расправил сетку.

Его расчет оправдался: трое копов и охранник, сновавшие взад-вперед со склада и обратно, в спешке не запирали и не ставили на сигнализацию дверь. Завершив безрезультатные поиски, все шестеро и охранник собрались на стоянке и доложили по рации в участок, что никого не нашли.

Гидеон тем временем слез с груды расплющенных машин, прошмыгнул мимо копов и прижался спиной к стене ангара. Потом подкрался к открытой двери и шмыгнул внутрь.

Держась в тени дальней стены, он нашел себе новое убежище — в углу, за двумя рядами сетчатых клеток, в каждой из которых сидело по «зверю» — изуродованному автомобилю. В ангаре было нечем дышать от запаха бензина, машинного масла и горелой резины.

Через четверть часа вернулся охранник. Он запер за собой дверь и включил сигнализацию. Гидеон наблюдал, как он, пройдя через весь склад, усаживается в кресло перед мониторами и телевизором в дальнем углу.

Как и следовало ожидать, охранник включил телевизор, уселся, закинув ноги на стол, и уставился на экран. Показывали старое развлекательное шоу, в котором то и дело раздавались искусственные взрывы смеха. Гидеон узнал проникновенный голос Люсилл Болл и бас Рикки Риккардо.

«Благослови Бог профсоюзы, — подумал Гидеон. — Не зря они боролись за право муниципальных служащих смотреть в ночную смену телевизор!»

Он на коленях прополз мимо ряда клеток, заглядывая в каждую, пока не нашел злополучный «форд-эскейп». Снова вооружился болторезом, к тому же теперь ему понадобился толстый слой ваты. Он кутал в вату то звено сетки, которое собирался разрезать, ждал взрыва смеха из телевизора, перекусывал проволоку и переходил таким же манером к следующему звену.

Закончил он одновременно с концом передачи и с включением музыки, которая должна была создавать обстановку, как на пляже Копакабана. Отогнув отрезанный край сетки, он пролез в клетку.

От машины осталась груда искореженного железа. Ее покорежило во многих местах, поэтому части кузова трудно было опознать. Все покрыто запекшейся кровью, вонь, как от мясницкого пня в разгар летнего дня.

Тем не менее Гидеон нашел то, что раньше было задним сиденьем, на котором сидел Ву, проливший здесь немало крови. Стараясь не дышать, Гидеон стал водить ладонями по вспоротой ткани и почти сразу нащупал маленький твердый предмет. Схватил его и, торжествуя, отправил в специально припасенный целлофановый пакетик.

Сотовый телефон!

ГЛАВА 21

За все четыре года ночных смен на складе у Роланда Блокера ни разу не произошло ничего примечательного. Ни разу! Вечно одно и то же: обходы, безделье, черно-белые телепрограммы. Блокер ценил покой своего просторного ангара. Он чувствовал себя здесь в полной безопасности за тяжелыми стальными воротами, под охраной систем безопасности и бдительных камер на высоченной изгороди, по гребню которой вилась колючая проволока. Он не знал, что такое попытка ограбления, даже простое беспокойство. Собственно, воровать тут было нечего: кому нужны автомобили, скрученные в бараний рог, выловленные с трупами внутри из реки, автомобили, в багажниках которых находили смердящие трупы, автомобили, изрешеченные пулями? Блокеру не хватало фантазии, чтобы ответить, что бы можно из них украсть.

Но теперь, после странного происшествия и отъезда копов, он впервые испугался. Из головы не шел голос из-за двери. Он уже сомневался, что действительно слышал его. Двое из полицейских, примчавшихся на вызов, намекали, что он попросту уснул и увидел дурацкий сон. Блокер готов был наброситься на них с кулаками за такие речи: он никогда не спит на рабочем месте! Камеры наблюдения всегда включены, мало ли, вдруг их потом просматривают? Соне не поздоровилось бы.

После «Я люблю Люси» началась любимая программа Блокера «Деревенщина из Беверли». Он попробовал расслабиться под звуки вступительной песни: бренчание банджо и утрированный акцент неизменно вызывали у него улыбку. Он потянулся за пультом, чтобы направить на себя шторки кондиционера.

Тогда он и услышал звук. Это был тихий звон, похожий на падение кусочка металла на бетонный пол. Он спустил ноги со стола, взял пульт от телевизора, выключил звук и прислушался.

Звон повторился, теперь ближе. Сердце забилось в груди, как птичка. Сначала голос, теперь это… Он впился взглядом в мониторы наблюдения, но на них ничего не было.

Опять включить тревогу? Нет, копы не простят. Крикнуть: «Кто здесь?» Еще глупее: если на склад кто-то проник, ответа не последует.

Блокер встал, взял мощный фонарь и направил луч туда, откуда звук донесся во второй раз. Другая рука осторожно легла на рукоятку табельного оружия.

Оказавшись там, откуда как будто донесся звон, он стал светить во все стороны. В этом углу стояли на стеллажах поддоны со снабженными ярлыками деталями машин — вещественными доказательствами, накапливающимися здесь без толку уже много лет.

Никого! Просто у него после первой встряски напряжены нервы. В ангар вполне могли пробраться крысы. Он вернулся в свой закуток, уселся и снова включил звук, теперь погромче. От звука ему стало спокойнее. Показывали серию, в которой банкир разыгрывает нападение индейцев на особняк Клемпетта, — его любимую. Он вскрыл банку с диетической колой и приготовился получать удовольствие.

Дзинь!

Блокер вздрогнул, выключил звук, прислушался.

Дзинь!

Звук был мерный, необычный. Можно было подумать, что его издают нарочно в одном и том же углу. На мониторах по-прежнему ничего не было. Мысль снова включить тревогу он повторно отверг.

Охранник вскочил, левой рукой включил фонарь, правой снял револьвер с предохранителя. Достигнув угла, откуда доносился звук, он замер, надеясь услышать его снова. Надежда не оправдалась. Тогда он решил заглянуть за стеллажи с поддонами — вдруг между ними и стеной кто-то притаился?

Он медленно прошел подлинному проходу между стеллажами и остановился перед крайней секцией. Ровным счетом ничего. Странно!

Оставалось заглянуть за стеллаж. Он направил туда луч фонаря.

Какое-то движение за спиной заставило его обернуться. Он успел увидеть неясную тень, но времени, чтобы вскрикнуть, уже не осталось: сверкнула сталь, ему на шею обрушился могучий удар — и все побагровело и исчезло. Больше он ничего не видел и не слышал.

ГЛАВА 22

Гидеон Кру ждал, напрягая слух. В ангаре, помимо охранника, находился кто-то еще — Гидеон был в этом совершенно уверен. Охранник тоже услышал посторонний звук и отправился проверять его источник, ничего не нашел, вернулся на свое место, потом снова встрепенулся. Во второй раз он уже не вернулся к телевизору. Гидеон услышал подобие удара, потом звук падения чего-то мокрого на пол.

Он ждал не шевелясь. Из машины ему был виден широкий центральный проход склада, ведущий к охраняемой зоне в глубине помещения. Охранник не возвращался.

Послышался мягкий хлопок, и из прохода между стеллажами выкатилось нечто круглое, переставшее катиться на открытом ровном месте.

Голова охранника!

В голове Гидеона началась лихорадочная работа. Он сразу угадал ловушку: его выманивали, брали на испуг, побуждали подойти, понять, что это…

«В ангаре точно кто-то есть, и он охотится на меня».

Гидеон быстро прикинул свои возможности. Можно остаться и попробовать самому выследить убийцу. Но у того на руках вся колода: очевидно, он точно знал, где прячется Гидеон, все тщательно продумал и умело, почти беззвучно убил беднягу охранника… Инстинкт подсказывал Гидеону, что ему противостоит профессионал высочайшей пробы.

«Как же быть? — соображал он лихорадочно. — Уносить ноги!»

Гидеон уже нашел мобильник Ву, больше искать нечего, разве что собственную погибель. Но чего, если не этого, ждет от него противник? Вернее, противники. От этой мысли Гидеон похолодел.

Чтобы спастись, нужно повести себя неожиданно. Как именно? Внутри раскуроченной машины он находился в безопасности, но любая попытка выбраться из нее превратила бы его в беззащитную мишень.

«Влип!»

До него дошло, что убийца — или убийцы — все время за ним следил. И теперь ждет, когда Гидеон покинет свой сетчатый садок. Отрезанная голова не покатилась бы по проходу, если бы убийца не знал, где он.

Но способ спастись есть всегда. Это огромный риск, зато с шансом выжить. Выбирать не из чего.

Он сверился с часами, достал «кольт» и тщательно прицелился в замок ведущей наружу двери. Выстрел в замкнутом пространстве получился оглушительный. Куски разлетевшегося замка задели датчик сигнализации, и сирена завыла снова.

Дальше играть с убийцей в прятки было противопоказано. Если бы преступник и обнаружил себя, то с одной целью — не дать Гидеону уйти.

«Кто он? Водитель черной машины, преследовавшей такси Ву? Скорее всего да».

Стойку бывшего такси пробила пуля, потом последовали новые выстрелы. Оружие было крупнокалиберным, выпущенные из него пули проходили сквозь металл как сквозь масло. Гидеон убедился, что убийца не намерен бежать, во всяком случае, прямо сейчас. Он был готов себя обнаружить — на пользу или во вред Гидеону.

«По крайней мере понятно теперь, откуда по мне палят», — подумал Гидеон.

Скорчившись на полу машины и прячась за двигателем, он тщательно целился. Дождался нового выстрела и сам выпалил туда, где увидел вспышку. Он уже слышал полицейские сирены. Сколько времени прошло перед приездом полиции в прошлый раз? Минут пять.

Гидеон опять взглянул на часы. Три минуты уже прошло.

Еще два выстрела, и его обсыпало ошметками краски. Он втянул голову в плечи и вновь ответил на огонь. Сирены завывали все громче. Вот и визг резины при торможении.

За стеллажами мелькнула тень — убийца решил наконец сбежать. Гидеон выкатился из изуродованного автомобиля, вскочил, готовый бежать к двери, и опять попал под обстрел. Две пули просвистели у самого уха. Он рухнул на пол, уже смекнув, что этот мерзавец притворился, будто убегает, чтобы его подстрелить. Катясь по полу, он сам выпустил две пули и успел заметить, как фигура в черном исчезает в темном углу. Противник действовал по собственным смертоносным правилам.

В ворота склада забарабанили, сирена отчаянно надрывалась. Приближаться к убийце было равносильно самоубийству. Требовалось иное решение. Единственный путь бегства лежал через люк в потолке. Гидеон метнулся к лесам у стены и стал карабкаться вверх.

— Открывай! — орали копы.

Осознав, что барабанить бесполезно, они взялись за таран.

Гидеон лез и лез наверх, используя как ступеньки торчащую из стены арматуру. Регель, наугольник, решетка фермы... Вот и люк.

Таран бил в дверь снова и снова. Гидеону оставалось только молиться, чтобы они быстрее справились со своей задачей.

— Роланд, ты там? Открывай!

Гидеон быстро прополз на четвереньках по узкому желобу и подтянулся, болтая в воздухе ногами. В тот момент, когда ворота ангара не выдержали ударов и с грохотом распахнулись, он вылез на покатую крышу и лег ничком, тяжело дыша.

«Станут ли меня искать здесь? Наверняка станут, как только наткнутся на отрезанную голову. После такой находки занюханный склад превзойдет суматохой Центральный вокзал».

Съезжая по крыше, он умудрился заглянуть внутрь ангара. Пока что ему везло: все действо сосредоточилось у передних ворот. Оттуда доносились крики — крики ужаса, сопровождающие, очевидно, обнаружение обезглавленного туловища.

Гидеон повисел на руках, спрыгнул на землю и побежал к своему лазу в ограде, но на бегу передумал. Убийца знал о его действиях недопустимо много и мог поджидать в засаде. Поэтому он подбежал к забору совсем в другом месте, вскарабкался на него и стал резать колючую проволоку.

— Эй, ты!

Черт! Он рванулся наружу сквозь проволоку, оставляя на колючках клочья своей одежды и кожи, и наполовину спрыгнул, наполовину свалился в кусты.

— Сюда! — заорал полицейский. — Попытка бегства подозреваемого! На помощь!

Коп выстрелил. Гидеон мчался по заросшей площадке, виляя между ржавыми контейнерами, сгоревшими машинами и окончившими свой бренный путь рефрижераторами. Его целью были железнодорожные пути вдоль реки. Там, перепрыгнув через опасно накренившийся забор, он достиг каменной наброски на берегу реки Гарлем, от которой сильно несло серой. Гидеон набрал в легкие воздух и нырнул.

Он проплыл под водой сколько мог, вынырнул на секунду вдохнуть еще воздуха, нырнул снова и, наконец, вынырнул на поверхность, стараясь не барахтаться. Избавившись от тяжелого болтореза, он доверился течению, не дергая руками и ногами и не высовывая голову из воды. С берега доносились крики, трудноразличимые призывы в электронный мегафон. По воде скользнул луч прожектора, но беглец был для него уже недосягаем. Тем не менее он отвернулся, чтобы луч не высветил его белую физиономию. Черные волосы на затылке сошли за мусор, в изобилии усеивающий воды реки. В кои-то веки ньюйоркцев можно было поблагодарить за их нежелание соблюдать чистоту. Он опасался, что после погружения в смрадную глубину не обойдется без курса уколов.

«Впрочем, — вспомнил он, — жить, так или иначе, осталось недолго...»

Река уносила его вниз, к фантастическому зареву, повторяющему очертания арок моста Роберта Кеннеди, к манхэттенскому берегу реки. Полицейским его уже было не разглядеть. Гидеон заработал руками и ногами, выбрался на сушу и стал выжимать из одежды воду. Где-то неподалеку утонул его револьвер, но он не думал об этом горевать. От револьвера, так или иначе, пришлось бы избавиться, потому что склад был нашпигован его пулями, пол усеян гильзами, к тому же для целей Гидеона такая «пушка» была тяжеловата.

Он вынул из кармана герметически закрытый пакет. Телефон Ву в нем остался сухим.

Балансируя на камнях, он преодолел подъем от воды к очередному забору-сетке, перемахнул через него и очутился на огромном складе соли для обработки дорожных покрытий. Вокруг высились белые холмы, похожие на снежные горы с неземных пейзажей кисти Николая Рериха.

Мысль о Рерихе потянула за собой другую, поважнее.

В четыре утра в таком месте, тем более промокшим до нитки, нечего надеяться поймать такси. Его ждал долгий путь пешком до отеля. Там он приведет себя в порядок и переберется в другое место, чтобы затаиться. После этого надо будет возобновить старое знакомство с Томом О'Брайеном из Колумбийского университета.

Интересно, что скажет обо всем старина Том?

ГЛАВА 23

Гидеон Кру шагал по Сорок девятой улице в восточном направлении, еще не полностью обсохнув. В восемь часов утра на тротуарах уже был в разгаре утренний людской час пик: люди валом валили к станциям метро, автобусным остановкам, сражались на обочине за такси. Гидеон не был подвержен паранойе, но с того момента, как покинул отель, его не покидало неприятное ощущение, что за ним следят. Пока что он не обнаружил преследования, но гадкое чувство оставалось. Он был уверен, что виной всему испуг от давешней перестрелки и от зрелища отрезанной головы на полу... Но ему требовалось во что бы то ни стало запутать преследователя — если таковой имелся — и не привести его к Тому О'Брайену, в Колумбийский университет. Том оставался его секретным оружием, о нем никто — никто! — не должен пронюхать.

Он замедлил шаг, пропуская вперед пешеходов, благо все они были юркими ньюйоркцами. Потом мельком взглянул на свое отражение в витрине. Не маячит ли кто-нибудь за спиной? Так и есть: азиат в спортивном костюме, физиономия наполовину скрыта козырьком бейсболки, синхронно с ним замедлил шаг неподалеку.

Гидеон тихо выругался. Может, это игра воображения, но риск слишком велик. Предположим, тип в бейсболке вовсе за ним не следит, но в густой толпе слежку мог вести кто угодно. Если считаешь, что за тобой наблюдают, надо поступать соответственно.

Он перешел Бродвей и спустился на платформу метро, чтобы ехать в южном направлении. На перроне, как всегда, не протолкнуться. Понять, спустился ли тип в бейсболке следом за ним, не было возможности. Но это не важно — существовал верный способ от него оторваться, к которому Гидеону уже доводилось прибегать. Весело, опасно, зато надежно. В предвкушении приключений у Гидеона участилось сердцебиение.

Он дождался, когда задрожат рельсы у противоположной платформы. Из туннеля быстро выкатился состав. Улучив удобный момент, Гидеон спрыгнул вниз. Толпа ахнула. Не обращая внимания на крики, он перепрыгнул через силовой рельс, пересек рельсы прямо перед носом у поезда и вылез на платформу. Крики не стихали.

«Горожане слишком легко приходят в неистовство», — подумалось ему.

Но толпа была такая плотная, что никто не мог сдвинуться с места. Он ворвался в вагон поезда, под который только что чуть не угодил, смешался с людской массой и в следующую секунду утратил узнаваемость.

Когда поезд тронулся, он увидел через закопченное окно вагона азиата в бейсболке: стоя на противоположной платформе, он провожал вагоны взглядом.

«Счастливо оставаться!» — подумал Гидеон и стал читать через плечо соседа «Нью-Йорк пост».

ГЛАВА 24

Том О'Брайен смотрел приятный сон, сопровождающийся последние несколько секунд назойливым, как жужжание комара, звонком. Он со стоном сел в кровати и посмотрел на часы. 9.30 утра! Что за наглость — беспокоить в такую безбожную рань!

Опять звонок, то есть целых три резких звонка. О'Брайен недовольно сбросил одеяло, столкнул на пол кота и побрел по неубранной квартире к двери.

— Проваливайте! — сказал он в домофон.

— Это я, Гидеон. Открывай!

— Ты знаешь, который час?

— Давай открывай, поругаемся потом.

О’Брайен не глядя нажал кнопку, снял с двери цепочку и вернулся на кровать. Сел, потер щеки, прогоняя сон.

Через минуту ввалился Гидеон с большущим чемоданом.

— Давно не виделись! — проворчал О’Брайен. — Когда пожаловал?

Вместо ответа Гидеон, поставив на пол свой чемодан, подошел к окну и, чуть приоткрыв пальцем занавеску, уставился вниз.

— За тобой гонится полиция? Продолжаешь налеты на музеи?

— Ты же знаешь, я давно бросил это занятие.

— Вид у тебя, как вчерашний анализ кала.

— Больше всего я люблю тебя за твои веские речи. Где кофе?

О’Брайен ткнул пальцем в сторону кухоньки в глубине квартирки-студии. Стараясь не дотрагиваться до киснущей в раковине с незапамятных времен грязной посуды, Гидеон повозился минуту-другую и вернулся с кофейником и чашками.

— Меня от тебя тошнит. — О’Брайен налил себе кофе. — Что за дрянь ты на себя нацепил? Опять фокусничаешь?

— Я купался в реке Гарлем, а потом спасался от преследования, спрыгнув на рельсы метро.

— Шутишь?

— Мне не до шуток.

— Как насчет душа?

— Самое время. Одолжишь мне что-нибудь из одежды?

О’Брайен побрел к шкафу, уселся на пол и, стащив с полок груду грязной одежды, выбрал несколько предметов и швырнул их Гидеону.

Спустя десять минут Гидеон привел себя в относительный порядок и натянул одежду пусть не первой, но все же свежести. Она была ему великовата — О’Брайен не заботился о стройности, — к тому же покрыта сатанинскими эмблемами и письменами группы в стиле хэви метал под названием «Каннибалы».

— Шикарный вид, — одобрил О’Брайен. — Только не надо так высоко задирать штаны. — Он потянул джинсы на Гидеоне вниз, чтобы они висели на заду мешком. — Вот как это носится!

— У тебя чудовищный вкус на музыку и одежду. — Гидеон вернул джинсы на прежнее место. — Мне нужна твоя помощь. Ты должен решить для меня пару задачек.

О'Брайен пожал плечами и отхлебнул еще кофе. Гидеон достал из чемодана лист бумаги.

— У меня секретное задание. Много рассказать не могу. Я ищу чертежи.

— Какие еще чертежи?

— Оружия.

— Шпионские штучки? Что за оружие?

— Сам не знаю. Но больше сказать не могу. — Он подал ему лист. — Вот цифры. Не знаю, что они означают. Хочу, чтобы ты разобрался.

— Какой-то код?

— Это связано с чертежами оружия. Больше ничего не знаю.

О'Брайен впился глазами в цифры.

— Сразу должен тебя предупредить: существует теоретический верхний предел количества информации, которую могут содержать эти цифры, и он таков, что ими не может быть записано даже устройство детского пугача.

— А пароль, номер банковского счета или ячейки, инструкция для нахождения тайника, кодовое имя и адрес связного? Да хоть рецепт «Чоп суи»!

О'Брайен покачал головой. Он уже давно привык к внезапным появлениям и исчезновениям друга, к его приступам дурного настроения, тайным делишкам и полукриминальным замашкам. Он долго смотрел на строчки цифр, потом усмехнулся:

— Эти цифры далеко не произвольны.

— Откуда ты знаешь?

— Я же их вижу. Сомневаюсь, что это код.

— Тогда что это?

О'Брайен пожал плечами и отложил листок.

— Какое еще добро ты приволок?

Гидеон показал паспорт и кредитную карточку. О'Брайен повертел то и другое в руках, присмотрелся к китайским иероглифам.

— Ты опять нарушаешь закон?

— Скажем так: я действую на благо нашей страны.

— С каких пор ты заделался патриотом?

— Что плохого в патриотизме — особенно когда он приносит доход?

— Патриотизм, дружище, последнее прибежище негодяя!

— Избавь меня от своих левацких мантр. Как-то не вижу тебя собирающим вещички и отбывающим в Россию.

— Ладно тебе, не пыхти. Что я должен сделать с паспортом и кредиткой?

— Там и там есть магнитная полоса с данными. Прочти их и проанализируй. Может, найдешь что-нибудь необычное.

— Это пустяк. Что дальше?

Гидеон с почтительной осторожностью извлек из чемодана застегнутый целлофановый пакетик с сотовым телефоном. О'Брайен подставил ладонь.

— Это по-настоящему важно. Телефон принадлежал одному китайскому физику. Извлеки мне из него всю информацию. Последние звонки и контакты я уже выудил, но список подозрительно короток. Наверное, что-то скрыто или стерто. Если он заходил с него в Интернет, мне нужна вся история. И фотографии давай. А главное, очень вероятно, по-моему, что как раз в этом телефоне спрятаны чертежи оружия.

— Тебе повезло, я читаю и пишу по-китайски.

— Почему, по-твоему, я здесь? Не воображай, что я соскучился по твоей уродской роже. Ты человек с блестящим набором дарований.

— Но не только сугубо интеллектуального свойства. — О'Брайен положил телефон на столик. — Что я буду с этого иметь?

Гидеон послушно достал из кармана толстую пачку мокрых купюр.

— Аппетитный рулетик? — Гидеон отсчитал десять сотен. — Вот тысяча долларов. Справишься — получишь еще тысячу. Только побыстрее, мне это было нужно еще вчера.

О'Брайен забрал мокрые деньги и любовно разложил на подоконнике для просушки.

— Задачка на засыпку. Я такие люблю.

— И еще одно... — Гидеон замялся, тон его голоса изменился. О'Брайен обернулся. Гидеон держал в руках большой конверт. — Тут у меня

рентгеновские снимки и УЗИ одного моего друга. Ему нездоровится, и он хочет, чтобы на это взглянул врач.

О’Брайен нахмурился:

— Почему он не обращается к своему врачу? Я ни черта не смыслю в медицине. На худой конец покажи тому бездарю, который лечит тебя самого.

— Я слишком занят. Ему просто нужно еще одно мнение. Ты наверняка знаком с хорошими врачами.

— Да, у нас на медицинском факультете есть знающие специалисты. — О’Брайен взял один рентгеновский снимок. — Здесь нет имени.

— Моему другу важна приватность.

— Ты хоть что-нибудь делаешь не из-за угла, а напрямую? Врачи много дерут.

Гидеон выложил на стол еще две сотенные бумажки.

— Займись этим, хорошо?

— Ладно, не все на свете меряется деньгами. — Двести долларов О’Брайен унес на подоконник, но на него произвел впечатление новый тон друга. — Только это потребует времени. Люди очень занятые.

— Будь осторожен и, Бога ради, не болтай. Я серьезно. Завтра к тебе загляну.

— Только не раньше полудня! — взмолился О’Брайен.

ГЛАВА 25

Гостиничный номер с почасовой оплатой был, как и полагается, отвратительным, точь-в-точь из «черного» фильма пятидесятых годов: мигающий неон за окном, огромные жирные пятна на обоях, густо закрашенный потолок, продавленная кровать и неубиваемый запах гамбургеров. Гидеон Кру водрузил на кровать свои пакеты и стал их разбирать.

— Чем мы займемся, если ты завалил постель барахлом? — спросила проститутка из дверей.

— Извини, ничем, — ответил Гидеон, не оборачиваясь.

— Ты что, из любителей просто поболтать?

— Не совсем.

Разложив покупки на покрывале, Гидеон уставился на них в ожидании вдохновения. Набор занятный: накладные животики, валики для щек, носы, парики, бороды, протезы… Рядом с этим добром вывалил купленную одежду.

Делая покупки, он думал о необходимости сбить с толку преследователя, который оказался серьезным профессионалом. Гидеону нужно было побывать в двух местах, и китайца в бейсболке нельзя было туда пускать. Требовалась новая роль, для этого и понадобилась женщина.

Гидеон выпрямился и посмотрел на проститутку. Приятной наружности, не потасканная, умный взгляд, черные волосы, бледная кожа, темная губная помада, стройная фигурка, маленький острый носик. Ее облик в стиле готов пришелся ему по вкусу. Он выудил из груды одежды черную футболку, камуфляжные штаны, черные кожаные ботинки на толстой подошве.

— Не возражаешь, если я закурю? — спросила она и, не дожидаясь ответа, достала сигарету.

Ей удалось сделать всего одну глубокую затяжку: Гидеон отнял сигарету. Но вместо того чтобы выбросить, сам затянулся и вернул сигарету ей.

— Как это понимать? — Проститутка указала сигаретой на кровать.

— Я собираюсь ограбить банк.

— Так и подумала. — Она выпустила струйку дыма.

Гидеону очень хотелось затушить сигарету, но вместо этого он позаимствовал ее для еще одной затяжки.

— Что у тебя с пальцем? — спросила девушка, глядя на его правую руку.

— Грызть ногти — вредная привычка.

— Смешно. Зачем тебе я?

— В твоей компании мне было удобнее снять этот га… недорогой номер, не привлекая внимания и не показывая удостоверение личности. Мне нужно место для планирования налета.

— Никакой банк ты грабить не будешь, — сказал она с ноткой разочарования.

— Действительно, не буду. — Он усмехнулся. — На самом деле я работаю в кино. Я актер и продюсер. Меня зовут Крейтон Макфаллон. Наверное, слыхала?

— Звучит знакомо. У тебя есть для меня работа?

— Иначе зачем бы я тебя сюда привел? Будешь изображать мою подружку. Поможешь мне войти в роль. Есть такой метод — может, ты в курсе?

— А то! Я тоже актриса. Меня зовут Мэрилин.

— А фамилия?

— Достаточно имени. Я снялась в эпизоде в фильме «Психи».

— Я так и знал! Я сменю внешность, а ты оставайся как есть. Самое оно!

Девушка улыбнулась и словно преобразилась на мгновение.

— Только это не бесплатно, — предупредила она.

— Естественно. Сколько возьмешь за, скажем... шесть часов?

— Смотря что делать.

— Бродить со мной по городу.

— За шесть часов работы я обычно беру минимум тысячу. Но это — кино, значит, две. Готова предложить небольшой бонус, раз ты такой милашка. — Она снова улыбнулась и потрогала пальцем нижнюю губу.

Он достал из кармана деньги и дал ей.

— Здесь пятьсот, остальное в конце.

— Обычно предоплата составляет половину суммы, — отозвалась она с сомнением.

— Идет. — Он дал ей еще столько же. — Только тебя придется по-другому назвать. Не возражаешь против Орхидеи?

— Не возражаю.

— Хорошо. Входим в свои роли на следующие шесть часов. Этого требует метод. Но сначала мне надо кое-что закончить. Ты можешь отдохнуть.

Гидеон перебирал свои принадлежности, представляя себя в новой личине. Потом приступил к преображению. Приладив накладной нос, подложив под щеки вату, изобразив себе лысину и увенчав композицию животиком, он повернулся к Орхидее, которая с интересом наблюдала за его манипуляциями, прикуривая одну сигарету от другой.

— Вау! Ты меня огорчил. Раньше ты выглядел гораздо лучше.

— Такова актерская доля. Дай мне еще несколько минут, Орхидея, и мы приступим к исполнению наших новых ролей.

Вооружившись списком телефонных номеров, скопированных из телефона Ву, он открыл и включил свой ноутбук. На его счастье, бесплатный вай-фай стал повсеместной услугой даже в таких ночлежках с почасовой оплатой. Он вошел в Интернет и произвел короткий поиск. В списке номеров имелся всего один американский, помеченный словом «Фа». Как выяснилось, по-китайски это значило «начать». Также обозначался вариант игры «Маджонг», то есть «Зеленый дракон». Дальнейший поиск показал, что номер, обозначенный словом «Фа», принадлежит некоему Роджеру Мариону, живущему в Чайнатауне, на Мотт-стрит.

«Кстати, после аварии раненый китаец назвал меня Роджером…» — подумал Гидеон.

Он начал собирать вещи. В гриме и под руку с Орхидеей его не опознала бы ни одна живая душа, включая родную мать. Слежка велась за Гидеоном, при чем тут стареющий рокер в сопровождении вульгарной красотки?

— Что теперь?

— Навестим моего старого приятеля в Чайнатауне, потом еще одного, в больнице.

— Как насчет бонуса? Это поможет тебе лучше войти в роль. — Она подмигнула и потушила сигарету.

«Только этого не хватало!» — подумал Гидеон, но ее вздернутый носик, черные волосы и свежая кожа оказались неотразимыми.

Он удивился собственному голосу:

— Почему бы и нет? Только мигом!

ГЛАВА 26

Дом № 126 по Мотт-стрит находился в самом сердце Чайнатауна, между улицами Гранд и Хестер. Гидеон Кру оглядел его с противоположного тротуара. На первом этаже располагался мясной магазин «Хонг Ли», выше громоздились типичные для Чайнатауна кирпичные этажи с переплетением пожарных лестниц.

— Что дальше? — спросила Орхидея, снова закуривая.

Гидеон привычным жестом отнял у нее сигарету и затянулся сам.

— Не пробовал завести свои? — хмыкнула проститутка.

— Я не курю.

— Может, полакомимся «димсам»? Люблю это блюдо!

— Сначала повидаюсь с приятелем. Не возражаешь подождать здесь?

— Прямо на улице?

У него чуть не сорвалось с языка ироничное замечание. Давая ей деньги, он подумал, что быть при деньгах приятно.

— Как насчет закусочной? Подожди меня там. Это вряд ли займет больше пяти минут.

— Как скажешь. — Она забрала зеленую бумажку и упруго зашагала прочь, заставляя прохожих оборачиваться.

Гидеон задумался, как поступить. Сведений о Роджере Марионе недостаточно, чтобы предстать перед ним с достоверной версией своего появления. С другой стороны, даже короткая встреча могла принести пользу. И чем скорее, тем лучше.

Он огляделся, перешел через дорогу и подошел к железной двери. Все звонки были помечены китайскими иероглифами. Ни одной английской буквы!

Озадаченно потирая подбородок, он сделал шаг назад и остановил первого попавшегося китайца.

— Простите!

— Да?

— Я не читаю по-китайски. Вот стою и ломаю голову, какую кнопку нажать, чтобы попасть к другу.

— Как зовут друга?

— Роджер Марион. Но у него кличка Фа — знаете, как иероглиф, обозначающий «Маджонг» — «Зеленый дракон».

Мужчина с улыбкой указал на иероглиф рядом со значком 4С:

— Вот эта.

— Большое спасибо!

Китаец пошел своей дорогой, а Гидеон попробовал запомнить иероглиф. Потом нажал на кнопку.

— Да? — почти сразу отозвался вполне американский голос.

— Роджер? — зашептал Гидеон. — Я друг Марка. Впустите меня быстрее!

— Кто вы? Как ваше имя?

— Объяснять некогда. За мной следят. Пожалуйста, впустите!

Звук зуммера. Гидеон толкнул дверь и взбежал по грязным ступенькам на четвертый этаж, где постучал в дверь.

— Кто там? — В «глазке» появился глаз.

— Я же говорю, я друг Марка Ву. Меня зовут Франклин Ван Дорн.

— Что вам надо?

— У меня цифры.

Дверь приоткрылась, за ней стоял низкорослый белый мужчина сорока с лишним лет с бритой головой, подтянутый и настороженный, с развитой мускулатурой, в облегающей футболке и бесформенных пижамных штанах. Гидеон шагнул к нему.

— Роджер Марион?

Бритоголовый кивнул.

— Марк передал вам цифры? Давайте их мне.

— Не могу, пока не объясните, что все это значит.

На лице атлета появилось недоверчивое выражение.

— Вам не обязательно это знать. Если бы вы действительно были другом Марка, то не спрашивали бы.

— Мне необходим ответ.

— Зачем? — Марион испытующе уставился на него.

Гидеон молчал, изучая маленькую, загроможденную вещами, но аккуратную квартиру. На стенах китайские гравюры, свитки с иероглифами и любопытный красочный гобелен с перевернутой свастикой в окружении символов инь и ян и абстрактных узоров. Рядом висели плакаты и призы, оказавшиеся при ближайшем рассмотрении наградами за победы в соревнованиях по кунг-фу.

Гидеон снова посмотрел на Мариона. Тот внимательно разглядывал его. Ни малейшего волнения на лице. Что-то подсказывало Гидеону, что перед ним человек, прекрасно умеющий владеть собой, но при необходимости готовый эффективно применить силу.

— Убирайтесь, — произнес вдруг Марион. — Вон отсюда! — Он угрожающе шагнул к Гидеону.

— Но у меня цифры…

— Я вам не верю. Вы лжете. Вон!

Гидеон примирительно дотронулся до его плеча.

— Откуда вы знаете?..

Хозяин квартиры с пугающей прытью схватил и вывернул ему руку, заставив согнуться.

— Черт! — крикнул Гидеон. Боль была невыносимой.

— Вон! — повторил Марион, выпихнул гостя за дверь и заперся.

Стоя на лестничной клетке, Гидеон задумчиво массировал плечо. Он не привык к разоблачениям и чувствовал себя оплеванным. Он думал, что лучше не плести ерунду, но, как видно, ошибся. Не теряет ли он нюх?

Гидеон нашел Орхидею в закусочной, с полной тарелкой. Она заказала утку с белым рисом.

— Пельменей «димсам» у них не оказалось, но это тоже вкусно. — Она не стеснялась стекающего по подбородку жира.

— Мы торопимся.

Не обращая внимания на ее протесты, он выволок девушку наружу. На Гранд-стрит они поймали такси.

— Больница «Маунт-Синай», — сказал он водителю.

— Навестить друга? — спросила Орхидея.

Гидеон кивнул.

— Он болен?

— Да, тяжело.

— Очень жаль. Что с ним?

— Попал в аварию.

В приемном отделении Гидеон назвался своим настоящим именем, постаравшись, чтобы не услышал никто, кроме дежурной сестры. Он резко отличался от того Гидеона Кру, который примчался сюда после аварии, и вряд ли ему грозила в огромной больнице встреча с кем-нибудь, кто видел его раньше. Он уже звонил и знал, что Ву перевели из отделения неотложной помощи в реанимацию. Ему даже сказали, что Ву выходит из комы: еще не полностью пришел в себя, но вот-вот придет.

Теперь он скорее всего готов к разговору.

Гидеон явился прекрасно подготовленным. Он выдаст себя за Роджера Мариона и вытянет из ученого все: где находятся чертежи, что значат цифры. Он все продумал и был минимум на девяносто процентов уверен в успехе. Сомнительно, что Ву когда-либо встречался с Марионом. Вероятно, они разговаривали по телефону, а Гидеон, побывав у Мариона, имел представление о его тембре и манере разговора. Ву сейчас совершенно дезориентирован, а тогда, спустя секунды после аварии, ему было не до запоминания облика человека, которому он продиктовал цифры. Удача сама плыла Гидеону в руки. Пусть в него стреляли, пусть он чуть не утонул в зловонной жиже, эти сто тысяч долларов дадутся ему без особых усилий.

Дежурная сестра была слишком занята, чтобы сличать фотографию в водительских правах с его физиономией, и просто направила их обоих в просторную и комфортабельную комнату ожидания. Знакомых лиц Гидеон вокруг не обнаружил. При этом он не сомневался, что человек, преследовавший его, идет за ним по пятам.

— Врач скоро с вами поговорит, — сообщила сестра.

— Нам нельзя заглянуть к Марку?

— Нельзя.

— Но мне сказали, ему гораздо лучше.

— Дождитесь врача, — твердо отчеканила сестра.

Врач пришел через несколько минут — полный, седой, с грустным и дружелюбным выражением лица.

— Мистер Кру?

Гидеон подпрыгнул.

— Это я, док. Как он?

— А леди?..

— Знакомая, пришла меня поддержать.

— Прекрасно. Пойдемте со мной.

Они последовали за врачом в другую, меньшую комнату ожидания, больше похожую на кабинет и пустую. Врач закрыл дверь.

— Мистер Кру, я должен с величайшим прискорбием сообщить вам, что примерно полчаса назад мистера Ву не стало.

Гидеон замер как громом пораженный.

— Поверьте, мне очень жаль.

— Вы не позвали меня, чтобы я был с ним до конца.

— Мы тщетно пытались вам дозвониться по номеру, который вы предоставили.

Гидеон мысленно выругался. Его телефон не пережил купания.

— У мистера Ву были признаки стабилизации, и у нас появилась надежда. Но ранения тяжелейшие, развился сепсис. В таких случаях это часто бывает. Мы делали все возможное, но увы…

Гидеон судорожно глотнул, чувствуя на плече руку Орхидеи, старающейся его поддержать согласно легенде.

— Вам, как его близкому родственнику, придется, к сожалению, заполнить кое-какие бумаги касательно судьбы останков и ряда других деталей. — Он подал Гидеону конверт. — Не обязательно приступать к этому сразу, однако нам хотелось бы получить все назад как можно быстрее. Через три дня тело мистера Ву будет перевезено в городской морг, где будет ждать ваших распоряжений. Хотите взглянуть на тело?

— В этом нет необходимости… — Гидеон взял конверт. — Благодарю вас, доктор. Спасибо вам за помощь.

Врач кивнул.

— Мало ли что… Марк ничего не говорил перед смертью? Утром сестра сообщила по телефону, что он приходит в сознание. Если он что-то говорил, даже если это прозвучало несвязно, мне бы хотелось знать.

— Да, были признаки возвращения сознания, но полностью он так и не очнулся и ничего не сказал. А потом развился сепсис. — Врач поднял глаза на Гидеона. — Мне очень жаль. Если вас это утешит, то перед смертью он не испытал страданий.

— Спасибо, доктор.

Врач еще покивал и удалился. Гидеон со стоном упал в кресло. Орхидея уселась рядом, сочувствуя. Он достал из кармана очередную порцию денег.

— Это тебе. Мы вместе выйдем из больницы и вместе сядем в такси, но я по пути исчезну, а ты поезжай дальше, куда захочешь.

Она покачала головой и не взяла деньги.

— И спасибо за помощь. Я очень тронут, — тихо произнес Гидеон.

— Слушай, как там тебя, Крейтон или Кру, я догадалась, что вхождение в роль тут ни при чем. Ты хороший человек, я уже забыла, когда в

последний раз мне попадался хороший человек. Не важно, что ты делаешь, я хочу помочь. — Она сжала ему руку.

Гидеон откашлялся.

— Спасибо, конечно, но я должен делать это один. — Ему самому было противно, настолько неубедительно это прозвучало.

— Но мы еще увидимся? Не за деньги.

Гидеон покосился на нее, пораженный искренностью. Только что он готовился снова соврать, но теперь решил, что правда причинит меньше боли.

— Нет, я больше тебе не позвоню. А деньги — твои, ты их заработала. — Он нетерпеливо потряс пачкой.

— Не хочу денег. Хочу, чтобы ты позвонил.

— Значит, так, — произнес Гидеон со всей холодностью, на какую был способен. — Это была деловая договоренность, и ты хорошо справилась с заданием. Так что бери деньги, и всего хорошего.

Девушка со злостью вырвала у него из рук пачку.

— Ты такой же козел, как остальные! — Она отвернулась.

Гидеон отвернулся тоже, стараясь не замечать ее слез.

— Прощай, — пробормотал он, ненавидя себя в душе.

— Прощай, тупица.

ГЛАВА 27

Гидеон Кру свернул в Центральный парк через ворота на Сто второй улице. Давно он не чувствовал себя так отвратительно. День сменялся вечером, на дорожках увеличилось количество бегунов, следящих за своим здоровьем. Перед глазами у него стояли истосковавшиеся по любви глаза Орхидеи. Ву отправился к праотцам, задание вошло в крутое пике, и он не мог прогнать воспоминание о Глинне, с сожалением показывающем ему историю болезни.

«Артериовенозный порок»... Чем больше он об этом размышлял, тем менее правдоподобным ему казался диагноз. Что за болезнь загадочная, которая сведет его в могилу через год, а пока что не сопровождается никакими симптомами и не требует лечения? Сильно смахивает на ловкую психологическую манипуляцию! Такой, как Глинн, что угодно наболтает, лишь бы добиться своего. Гидеон бесцельно брел, сам не зная куда. Ноги несли его наискосок, через бейсбольные площадки, в западном направлении.

«Что за чушь, — одергивал он себя. — Забудь Орхидею и историю болезни, сосредоточься на задании!»

Но забыть не получалось. Он достал только что купленный дешевый мобильный телефон с предоплаченным трафиком и позвонил на ходу Тому О’Брайену.

Услышав после доброй дюжины длинных гудков раздраженный голос друга, он произнес:

— Это Гидеон. Что новенького?

— Ты же дал мне сутки!

— И что?

— А то, что кредитка и паспорт чистые. Никаких скрытых данных. Телефон тоже. Совсем новенький, скорее всего только что приобретенный.

— Проклятие!

— На нем только те контакты, которые ты уже переписал, и несколько звонков. Ни скрытых данных, ни секретных микросхем. Пусто!

— А цифры, которые я тебе дал?

— Это гораздо любопытнее. Я еще с ними работаю.

Гидеон повернул на юг. Темнело, парк пустел.

— Любопытно, говоришь? Чем же?

— Я же говорил, там полно шаблонов.

— Можешь попонятнее?

— Повторы, ряды уменьшающихся чисел, все такое прочее. Сейчас еще трудно сказать, что это значит. Но это не код, точно говорю.

Впереди заблестел пруд. Гидеон вышел на беговую дорожку. Темная вода застыла в неподвижности. Далеко на юге, над деревьями, виднелись небоскребы Среднего Манхэттена с разгорающимися на фоне меркнущего неба огнями.

— Откуда ты знаешь?

— В любом приличном коде есть последовательности, выглядящие произвольными. На самом деле они, конечно, не произвольные, но любой математический тест на произвольность перед ними спасует. А здесь даже простейший тест показывает, что цифры не взяты с потолка.

— Какие такие тесты?

— Смотри: в настоящем произвольном цифровом ряду примерно десять процентов нулей, десять процентов единиц и так далее. А в этом нолей и единиц гораздо больше.

Оба помолчали. Гидеон глубоко вздохнул и спросил нарочито безразличным тоном:

— Как насчет снимков?

— Передал врачу, как ты просил.

— И что?

— Сегодня я должен был ему позвонить, но не позвонил. Забыл.

— Ага, — выдавил Гидеон.

— Позвоню завтра утром.

— Да уж, позвони, — буркнул Гидеон. — Спасибо. — Он вытер лоб.

«Как же отвратительно я себя чувствую!»

И вдруг — уже во второй раз за день — у него появилось отчетливое ощущение, что за ним следят. Он огляделся. Уже почти стемнело, он забрел в глубину парка.

— Алло? Ты слушаешь? — окликнул его О’Брайен.

Гидеон спохватился, что не прервал связь.

— Я здесь. Мне пора идти. Увидимся завтра.

— Только не до полудня.

Гидеон закрыл телефон и спрятал его в карман. Он быстро шагал на запад, мимо теннисных кортов, не сходя с беговой дорожки. Откуда это чувство слежки? Он ничего не видел и не слышал. Или что-то все-таки было? Он научился доверять своему инстинкту, который в очередной раз спас его утром.

До него дошло, что, шагая по беговой дорожке, он облегчает задачу преследователю — если тот существовал. Лучше повернуть на север, уйти с дорожки и пробираться по лесу вокруг кортов. Преследователю пришлось бы поднажать, чтобы не отстать. Гидеон сумел бы обойти его и подобраться к нему со спины.

Он свернул с дорожки в чащу. Под ногами шуршали опавшие листья. Пройдя немного, резко остановился, сделал вид, будто что-то уронил, — и успел уловить, как за спиной так же резко стихает шорох листьев.

Он убедился, что за ним кто-то идет, и чуть не хлопнул себя полбу, осознав свою глупость. Он забрался на ночь глядя в чащу посреди пустого парка без оружия. Как это вышло? Наверное, виновато огорчение из-за Орхидеи, у которой обнаружились сильные чувства, как у сопливой девчонки. Добавляла рассеянности тревога из-за Глинна и проклятой истории болезни. В результате он забыл об осторожности.

Гидеон вновь торопливо зашагал вперед. Нельзя выдавать, что он обнаружил слежку. Главное, побыстрее выбраться из парка, оказаться среди людей. Огибая теннисный корт, он стал забирать резко влево, миновал забор корта и в особенно густом месте сменил направление на перпендикулярное прежнему, устремился назад к пруду. Он надеялся запутать преследователя.

— Шелохнешься — и ты труп, — раздался голос из темноты, и перед ним возник силуэт с пистолетом.

ГЛАВА 28

Гидеон застыл, напряженный, как пружина. Но испугался не очень сильно. Все-таки голос женский.

— Не дури. Подними руки. Медленно.

Гидеон послушался, и женщина сделала еще один шаг вперед. Она держала обеими руками наведенный на него «глок». Судя по стойке — тренированный стрелок. Стройная, атлетически сложенная, темно-рыжие волосы забраны в длинный тяжелый хвост, черная кожаная куртка поверх белоснежной блузки, голубые обтягивающие джинсы.

— Упрись руками в ствол дерева и расставь ноги.

«Господи», — только и успел подумать Гидеон.

После того как он выполнил приказ, женщина, наступив ему на ногу, быстро обыскала его с ног до головы.

— Повернись с поднятыми руками.

Он повиновался.

— Я Минди Джексон, Центральное разведывательное управление. Я бы показала тебе свое удостоверение, да руки заняты.

— Ничего, — отозвался Гидеон. — Послушайте, мисс Джексон…

— Замолчи. Здесь я говорю. Выкладывай, на кого работаешь и что, черт возьми, вытворяешь!

Гидеон пошевелился, борясь с напряжением.

— Не могли бы мы обсудить это в несколько другом…

— Тебе сказано делать так, как тебе говорят. Выкладывай!

— Что, если я откажусь? Вы пристрелите меня посреди Центрального парка?

— Тут полно народу погибает от пуль.

— Один выстрел — и через пять минут здесь от копов яблоку будет негде упасть. А бумаг-то сколько!

— Отвечай на мои вопросы.

— Может быть, и отвечу…

После напряженного молчания она произнесла:

— Может быть?

— Хотите, чтобы я рассказал? Я согласен, но не на мушке и не здесь, идет? Если вы из ЦРУ, то мы с вами на одной стороне.

Гидеон видел, что она раздумывает. Потом Минди с облегчением засунула пистолет за ремень.

— Пожалуй…

— В «Гинзе» на Амстердам-авеню, если это заведение еще существует, отличный бар.

— Существует.

— Значит, вы здешняя?

— Обойдемся без болтовни, ладно?

ГЛАВА 29

У стойки Гидеон заказал саке, Минди Джексон — «Саппоро». Ожидая заказа, оба молчали. На свету он поспешил разглядеть ее получше: полные губы, маленький нос, бледные веснушки, густые каштановые волосы, зеленые глаза. Лет тридцать, от силы тридцать два. С виду умница. Но для такой работенки слишком хороша собой — хотя, напомнил он себе, в таких делах с ходу не разберешься. Главное, она располагала какой-то нужной ему информацией. А чтобы ее получить, нужно что-то предоставить взамен.

Принесли их рюмки, Джексон пригубила немного и повернулась к нему с враждебной гримасой.

— Итак, кто вы такой и почему интересуетесь Ву?

— Уверен, вы не можете поделиться со мной всеми подробностями вашего задания. Точно так же и я не могу делиться подробностями своего.

По пути сюда Гидеон успел придумать более-менее связную версию. Однако он всегда полагал, что самая лучшая ложь — та, что ближе к правде.

— В отличие от вас у меня даже нет значка. Кстати, просто ради соблюдения профессиональной вежливости, не покажете ли мне ваш значок?

— Мы значков не носим. У нас вот это. — Она быстро показала ему под стойкой свое удостоверение. — Ну и на кого работаете?

— Знаю, Минди, это вас огорчит, но я работаю на частного подрядчика, к которому обратилось Управление внутренней безопасности. Мне поручено раздобыть чертежи оружия, которые были у Ву.

Она вытаращила глаза, и Гидеон остался доволен произведенным впечатлением.

— Управление внутренней безопасности? Какого черта они вмешиваются в наши дела? Да еще через частного подрядчика!

Он пожал плечами.

— Что вам известно? — спросила она.

— Ничего.

— Ложь! Ву говорил с вами сразу после аварии. Он что-то вам сказал. Мне надо знать, что именно.

— Он просил передать его жене, что любит ее.

— Не могли придумать ничего лучше? У него нет жены. Он продиктовал вам какие-то цифры. Я хочу знать какие.

Гидеон посмотрел на нее в упор.

— С чего вы взяли, что он продиктовал мне цифры?

— Свидетели видели, как вы записывали цифры. — Она отбросила прядь волос с лица. — Послушайте, вы сами говорите, что мы на одной стороне. Нам надо сотрудничать, объединять наши силы.

— Что-то я не заметил у вас желания сотрудничать со мной.

— Дадите цифры — заметите желание.

— Звучит возбуждающе!

— Не тяните резину. Давайте цифры!

— Что они означают?

Джексон замялась, и он почувствовал, что она, возможно, тоже не знает. Но цифры не могут не произвести впечатления на агента ЦРУ.

— Еще один вопрос, — поднажал он. — С каких это пор ЦРУ действует внутри страны? Разве это не территория ФБР?

— Ву прилетел из-за границы. Вам это известно не хуже, чем мне.

— Это не ответ на мой вопрос.

— На него я ответить не могу. — Она раздражалась все сильнее. — Это не в моей компетенции. Вас это тем более не касается.

— Хотите узнать больше — придется ответить. Вы не можете принудить меня говорить. Никаких законов я не нарушал. Разве разговаривать с раненым, спрашивать о его самочувствии незаконно? — Он вспомнил, что не знает, чем занималась Минди во время перестрелки на полицейской автосвалке. Может, отрезала чью-то голову?

— В интересах национальной безопасности я вправе принудить вас говорить.

— Прямо тут, в баре, устроите допрос с пристрастием?

Она не удержалась от улыбки.

— В общем, это слишком щекотливое дело, чтобы доверить его ФБР. Мы подстроили Ву ловушку.

— С добавлением меда, я полагаю.

— Ву ездил на научную конференцию в Гонконг. — Она помолчала, потом продолжила: — Мы узнали, что у него с собой чертежи. Ну и...

— Выкладывайте!

— Ладно, — решилась она наконец. — Если вам хочется понюхать Гуантанамо, попробуйте только рассказать кому-нибудь, не важно кому, хоть что-то из того, что услышите от меня! Мы наняли местную девицу по вызову, чтобы она как бы случайно познакомилась с Ву в баре отеля, где проходила конференция. Она завела его к себе в номер и удовлетворила все его фантазии. У нас он запечатлен весь — на видео, аудио, так и сяк...

— Ну и что, сработало? Вы же сказали, он не был женат. Чего ему бояться?

— В Китае есть чего. Китайцы стыдливы. Дело не в сексе, а в извращениях, они бы погубили его карьеру.

— Какие извращения? — Гидеон ухмыльнулся.

— Наша девушка была садомазохисткой-госпожой. Мускулистая высокая блондинка. У нас были основания считать, что такие штуки ему по вкусу, но найти подходящую девицу было нелегко. Она с наслаждением хлестала его по заднице, а мы записывали эту процедуру на видео.

— Ух ты! Что же произошло с вашим шантажом потом?

— Мы продемонстрировали ему запись. Предложили обмен: пленки на чертежи. Но он испугался. Сказал, что ему нужно полчаса на размышление, а сам сел в первый же вылетающий сюда самолет.

— Вы просчитались, — задумчиво произнес Гидеон.

Она нахмурилась.

— Почему сюда? — Он с интересом уставился на цэрэушницу.

— Мы не знаем.

— Решил сбежать в Америку?

— Мы ничего не знаем о его намерениях. Известно одно: он взял чертежи с собой в самолет.

— И спрятал их там?

— Неизвестно.

— Что за машина устроила ему аварию?

— Китайцы преследовали по пятам. Они послали своего сотрудника с заданием немедленно избавиться от Ву с причинением максимального вреда здоровью. Мы считаем, что его прозвище Кивающий Журавль.

— Кивающий Журавль?

— В кунг-фу есть позиция с этим названием. Настоящего имени мы не знаем. Его послали убить Ву и забрать чертежи. Первое ему удалось, но поскольку он по-прежнему здесь, можно утверждать, что чертежей китайцы еще не нашли. Но ведь где-то они есть! — Она пристально посмотрела на Гидеона. — Если только ими не завладели вы.

— Нет, вы же знаете. Иначе зачем бы я продолжал болтаться у вас на виду?

Она согласно кивнула.

— Цифры, пожалуйста.

Он ломал голову, как изобразить податливость, но при этом ничего не отдавать. Сказать ей про сотовый телефон? Но тогда пришлось бы объяснять, как он его раздобыл… Нет, не пойдет. Еще хуже было бы продиктовать ей выдуманные цифры. Но он чувствовал, что окончательно провалится, если выдаст настоящие. В этом случае нужда в нем отпадет. И это при том, что Минди Джексон могла сослужить ему неоценимую службу.

— Если хотите совсем честно, то при себе у меня цифр нет.

На ее лицо немедленно вернулось враждебное выражение, только теперь с оттенком неуверенности.

— Где они?

— Я передал их своим людям. Сейчас цифры обрабатываются.

— Вы не сохранили копию?

— Нет, из соображений безопасности. Этот тип — как там его, Киваюший Журавль? — меня преследует.

— Тем хуже для вас. Вы не заучили их наизусть?

— Очень уж длинная цепочка цифр. К тому же я подумал, что некоторых вещей лучше не знать.

— Я вам не верю.

Он пожал плечами.

— Давайте так: после следующей встречи с моими людьми я постараюсь передать вам цифры. Идет? — Он широко улыбнулся.

Ее враждебность чуть уменьшилась.

— Зачем вы ездили в больницу?

— Надеялся, что перед смертью Ву сказал что-то еще.

— Полагаю, вы выяснили, что он умер молча.

Гидеон кивнул.

— Что за женщина-«гот» была с вами? — не унималась Джексон.

— Проститутка. Я нанял ее для отвода глаз, чтобы сбить с толку убийцу.

— Вы хорошо замаскировались. Этот ваш театральный грим обманул даже меня. Ну и уродство!

— Благодарю вас.

— Что будете делать теперь?

— То же, что и вы: попробую догадаться, куда Ву подевал чертежи. Пройду по его следам, поищу его контакты, людей, с которыми он мог пересекаться. Пока что у меня ничего нет. — Он показал ей пустые ладони. — Поверьте, Минди, я очень ценю вашу откровенность и сотрудничество. — Он изобразил максимальную искренность. — Давайте и дальше действовать в том же духе. Обещаю передать вами эти цифры в кратчайший срок. Найду еще что-нибудь — сразу дам вам знать. Годится? — Еще одна честная улыбка.

Она посмотрела на него с подозрением, потом нацарапала на салфетке телефонный номер.

— Это мой мобильный. Можете звонить в любое время суток. Очень надеюсь, что вы не собираетесь обвести меня вокруг пальца, — для вашего же блага. — Она встала, оставив на стойке салфетку и двадцатку.

— Спасибо за сотрудничество, — пробормотал Гидеон ей вслед с притворной улыбкой.

— Оно в ваших интересах.

ГЛАВА 30

Том О’Брайен доел холодные куриные наггетсы, громко чавкая. Его внимание было приковано к последней распечатке. Он запил невкусную еду колой. Маленький кабинет был ярко освещен лампочками накаливания — флуоресцентные светильники нагоняли на него депрессию — и завален бумагами, книгами, газетами, а также чашками из-под кофе, грязными тарелками и объедками. Единственное зарешеченное окошко, выходящее в «колодец», днем еще пропускало в эту конуру подобие света, но в темное время суток превращалось в зеркало, отражающее неприглядную картину внутри. О’Брайен уже давно подумывал о жалюзи.

Услышав скрип, он поднял голову. Дверная ручка медленно повернулась, и он замер. Опомнившись, шагнул с раскрытым карманным ножом и с колотящимся сердцем к двери.

Ручка перестала вращаться, дверь приоткрылась. Том приготовился нанести удар.

— Том? — прошептали из-за двери.

— Господи! — О’Брайен уронил руку с ножом при появлении Гидеона Кру. Но это был не он! Хозяин кабинета вскрикнул, отпрыгнул назад и снова занес нож. — Кто вы?!

— Это я.

— Ну и вид! Обязательно надо так меня пугать? Как ты сюда попал? На ночь здание запирается. Ладно, можешь не объяснять: узнаю старые замашки!

Гидеон вошел, запер за собой дверь, сбросил книги с кресла и с размаху плюхнулся в него.

— Прости за ухищрения, я забочусь о твоей безопасности.

— Мог бы сначала позвонить, — проворчал О'Брайен.

— Меня беспокоит возможное вмешательство ЦРУ, — сказал Гидеон. — Мой телефон могут прослушивать.

— Я думал, ты работаешь на правительство.

— В том числе.

О'Брайен сложил и убрал в карман перочинный нож.

— У меня душа ушла в пятки! — Он оглядел Гидеона с головы до пят. — Можно подумать, ты последние сутки без перерыва пожирал хот-доги и запивал их газировкой.

— Протезы творят чудеса. Как продвигается наше дельце?

— Кое-что есть... — О'Брайен подошел к заваленному бумагами столу, порылся и отобрал несколько листочков. — Полюбуйся!

Гидеон взял листы.

— Это так, полный произвол. — Он предъявил Гидеону другой лист. — Это цифры в том виде, в каком я их от тебя получил. Я только разбил их на три группы. Выявилась любопытная закономерность.

871 050 033 022 014 010

478 364 156 002

211 205 197 150 135 101 001

750 250

336 299 242 114 009

917 052 009 008 007 004 003

500 278 100 065 057

616 384

370 325 300 005

844 092 060 001 001 001 001

— Что скажешь? — О’Брайен выжидательно осклабился. Но его друг ничего не замечал. Некоторые люди проявляют поразительную тупость в том, что касается цифр.

— Ну и что? — беспомощно промямлил Гидеон.

— Присмотрись! Три группы трехзначных цифр. Разве не видишь? Закономерность должна быть очевидна для любого идиота.

— Сгруппировано в порядке убывания?

— Да, но главное не это. Посмотри на каждую группу. Произведи сложение.

Долгое молчание.

— Господи!

— Сообразил? Каждая группа дает в сумме тысячу.

— То есть?

— Думаю, это проценты. В сумме всегда получается тысяча, или сто процентов с одной значащей цифрой справа от точки, отделяющей целое от дроби. Это какая-то формула: десять строк, каждая из которых дает в сумме сто процентов.

— Сто процентов чего?

— Чего угодно: взрывчатого вещества, экзотического сплава, химической или изотопной формулы. Я не физик по конденсированным средам, тут нужен специалист.

— Есть такой на примете?

— Сэди Эпштейн, профессорша на кафедре физики, дока в метастабильном квазикристаллическом анализе.

— Умеет держать язык за зубами?

— Вполне. Но я расскажу ей строгий минимум.

— Придумай для нее легенду. Например, что это конкурс. Возможность выиграть поездку в Оксфорд, на сентябрьскую Ньютоновскую конференцию математиков.

— Ты умеешь не врать? Изобретаешь выдумки, даже когда этого не требуется!

— Вранье не доставляет мне удовольствия.

— Ты император Священной Римской империи по части вранья. Кстати, чего ты так расфуфырился? Обычно одеваешься как бродяга.

— У меня много денег на карманные расходы.

— Где остановился?

— Колесил по городу. Прошлую ночь скоротал в мотеле в Канарси за двадцать долларов в час. Эту проведу в «Уолдорфе». А утром вылечу в Гонконг.

— В Гонконг? Надолго?

— Всего на день. Загляну к тебе, когда вернусь, посмотрю, что ты еще накопаешь. Не звони мне. А главное, позаботься, чтобы эта Сэди Эпштейн не распускала язык.

ГЛАВА 31

Норио Тацуда служил стюардом на рейсах «Джапан эйрлайнз» Токио — Нью-Йорк уже почти шесть лет, и когда увидел пассажира на чужом сиденье, сразу мысленно навесил на него ярлык: из тех неопытных и склочных путешественников, которые уверены, что все вокруг их не уважают, стараются проехаться за их счет. На мужчине был дорогой костюм и дурацкая американская мягкая шляпа, он прижимал к себе пластиковый пакет, словно его могли в любой момент выхватить воры и прочие злоумышленники, которыми кишит салон.

Тацуда подошел к нему с деланной сладкой улыбкой и поклонился.

— Прошу меня извинить. Ваш посадочный талон, пожалуйста, сэр.

— Зачем?

— Вот у этой леди, — стюард указал на женщину у него за спиной, — в посадочном талоне указано место, которое заняли вы. Поэтому я хочу взглянуть, какое место указано в вашем.

— Я сижу на своем, — уперся пассажир.

— Я не подвергаю это сомнению, сэр. Система заказа билетов могла дать сбой. — Новая угодливая улыбка.

Пассажир недовольно порылся в карманах и извлек мятый талон.

— Вот он, если вам так интересно.

— Чрезвычайно вам благодарен. — Тацуда сразу увидел, что мужчина уселся не туда, даже не в тот отсек салона. — Мистер Гидеон Кру?

— Разве там не так написано?

— Действительно так. Итак, мистер Кру, согласно вашему посадочному талону, — снова улыбка до ушей, — ваше место в бизнес-классе, впереди.

— Бизнес? Я бизнесом не летаю. Я лечу навестить сына.

Тацуда убедился, что нарвался на непроходимого болвана. Выражение лица завзятого склочника, надутые губы, нахмуренный лоб, скошенный подбородок — все подтверждало диагноз.

— Мистер Кру, бизнес-классом путешествуют не только бизнесмены. Там просторнее, выше качество обслуживания. — Он показал на посадочный талон. — Вас ждет более дорогое кресло.

Кру нахмурился еще сильнее.

— Билет покупал сын, я не в курсе. Мне и тут хорошо, благодарю вас.

С такой ситуацией Тацуда еще не сталкивался. Он оглянулся на женщину, на месте которой расположился Кру. Она была японкой и не понимала в их разговоре ни слова.

— Сэр, вы хотите сказать, что предпочитаете оставаться здесь на протяжении всего полета? Ваше место в бизнес-классе гораздо удобнее.

— Я же вам сказал! Не люблю бизнесменов, это сплошные жулики! Хочу остаться здесь, посередине самолета, здесь я в безопасности, не то что перед самой смертельной зоной. Так я и сыну говорил, не знаю, с какой стати он...

Тацуда поклонился ему еще раз и сказал пассажирке по-японски:

— Этот джентльмен предлагает вам поменяться местами. Он останется здесь, в эконом-классе, а вы можете занять его место в бизнес-классе, в передней части самолета. Не возражаете?

Она не возражала.

Тацуда знал, что с таким пассажиром, как Гидеон Кру, он намучается. Опасения подтвердились, стоило капитану выключить сигнал «Пристегнуть ремни». Двигаясь по проходу и собирая заказы на напитки, стюард наткнулся на Кру: тот тщательно обследовал швы своего сиденья и пространство под ним.

— Я могу вам помочь, мистер Кру?

— Я потерял свои проклятые контактные линзы!

— Позвольте, я помогу.

Кру презрительно покосился на стюарда:

— Какая помощь? Здесь одному-то не развернуться.

Сосед Кру обреченно закатил глаза.

— Если вам понадобится помощь, пожалуйста, обращайтесь. А сейчас я приму у вас заказ на напиток.

— Джин с тоником.

— Конечно, сэр.

Тацуда отошел, не выпуская дурня из поля зрения. Тот закончил ощупывать свое сиденье, но поиски не прекратил. От его возни один шов на подушке сиденья разошелся, обивка сбилась. Придется позаботиться, чтобы беспокойный пассажир не перебрал спиртного: такие, как он, любят напиваться в долгих перелетах.

Но Кру не заказал вторую выпивку. Устав от бесконечных поисков повсюду вокруг себя, в том числе в отделении для багажа над сиденьем, он погрузился в глубокий сон. К огромному облегчению Тацуды, он так и проспал до самого Токио.

ГЛАВА 32

Гидеон Кру вошел в просторный холл гонконгского отеля «Тай Там» и немного постоял, расстегивая пиджак. Вокруг был черно-белый мрамор, холодная роскошь золота и стекла. Он не испытал неудобств: беспрепятственно миновал таможню и вообще не столкнулся ни с какими препятствиями. Он не сомневался, что сбил со следа Кивающего Журавля и прочих потенциальных преследователей задолго до отлета из Америки. Кто поверит, что человек, которого преследует китайский агент, возьмет и полетит в Китай? Неожиданный шаг часто бывает самым безопасным.

Гидеон подошел к стойке регистрации, назвал себя, забрал карточку-ключ и поднялся в лифте на двадцать второй этаж. Он заказал дорогой номер с видом на гавань Гонконга как необходимую часть прикрытия и теперь должен был потратить время на свой гардероб. От врученных ему Глинном двадцати тысяч долларов почти ничего не осталось, приходилось надеяться только на появление каким-то чудом новой наличности в кармане, иначе он влип.

Гидеон швырнул дурацкую шляпу в мусорную корзину, туда же отправился пластиковый пакет. После душа он переоделся во все свежее: на новое облачение потратил четыре тысячи плюс еще тысячу на ботинки.

— Пора привыкнуть, — произнес он вслух, разглядывая себя в зеркале. — Может, постричься? Нет, с модной длиной волос у меня стильный вид.

Который час? Четыре дня — следующего дня.

Как следует обшарив сиденье Ву в самолете и убедившись, что китаец ничего там не оставил, он так хорошо выспался, что мог теперь бодрствовать два дня кряду. Сейчас его ждала сложная работа.

Он спустился в лифте вниз и устроился в баре «Каулун», заказав мартини с джином «Бифитер». Пурпурная подсветка бара придавала его коже трупный отлив. Он выпил коктейль, расплатился наличными и вернулся в вестибюль. Дождавшись, пока у стойки консьержа не останется людей, он двинулся туда. Консьержей было двое, и он выбрал того, что помоложе.

— Чем я могу вам помочь, сэр? — обратился к нему молодой человек — воплощение беспристрастности, деликатности и профессионализма.

Гидеон заставил его сместиться к дальнему краю стойки и, наклонившись, заговорил тихим, заговорщическим голосом:

— Я бизнесмен, путешествую один...

Легкий понимающий кивок.

— Я заинтересован в эскорт-услуге на этот вечер. Я не ошибся, обратившись именно к вам?

Так же тихо, ничего не выражающим голосом консьерж ответил:

— Для этого у нас есть специальный сотрудник. Могу я попросить вас проследовать за мной?

Гидеон пересек следом за ним холл и вошел в дверь, за которой располагались маленькие офисы. Консьерж пригласил его в один из них. Там из-за стола поднялся человек такой же деликатности и почти такой же наружности.

— Прошу, присядьте.

Гидеон сел, консьерж удалился, закрыв за собой дверь. Сотрудник уселся за свой стол с несколькими телефонами и компьютером.

— Какой вид эскорт-услуг вас интересует? — начал он.

— В общем... — Гидеон хихикнул и намеренно дыхнул на собеседника парами спиртного. — Мужчина, уехавший далеко от семьи, чувствует себя одиноко. Ну, вы меня понимаете...

— Конечно. — Сотрудник ждал, сложив руки на столе.

Гидеон откашлялся.

— Белая, блондинка, атлетического сложения, рост метр восемьдесят. Молодая, но не слишком. Знаете, лет так под тридцать.

Понятливый кивок.

— А можно… ммм… специальные услуги?

— Можно, — последовал бесхитростный ответ.

— Раз так… — Он поколебался, потом выпалил: — Хочу «госпожу». Знаете, что это?

— Можно и такую.

— Только самую лучшую, самую опытную.

Медленный утвердительный кивок.

— За эскорт-услуги у нас положено платить вперед. Желаете посетить нашу частную банковскую структуру, пока я все подготовлю?

— Нет, я уже приготовил «зеленые». — Он снова нервно хихикнул, хлопая себя по карману с бумажником.

«Прощайте, последние денежки!»

Сотрудник поднялся.

— Когда вам потребуется услуга?

— Как можно быстрее. Хочу, чтобы она со мной выпила, потом поужинала, и мы провели вместе вечер — скажем, до полуночи.

— Конечно. Она позвонит вам в номер, как только явится.

ГЛАВА 33

Гидеон вошел в бар и сразу увидел ее на краю стойки с бокалом в руке. Ее привлекательность стала для него сюрпризом: высокая, гибкая, та самая поджарая мускулатура, какую он хотел. Сам он успел переодеться: вместо костюма надел обтягивающие черные джинсы и футболку. Подойдя к ней, уселся на табурет.

— У меня встреча, — произнесла девушка с австралийским акцентом.

— Со мной. Гидеон Кру, к вашим услугам. — Подошедшему бармену он бросил: — Мне то же, что и ей.

— «Пеллегрино»?

— Ни за что! Лучше двойной мартини, обоим.

Он почувствовал на себе ее взгляд — не иначе приятное изумление.

— Я думала, ты старый толстый зануда.

— Сюрприз! Молодой стройный весельчак. Может, представишься?

Она слегка улыбнулась.

— Герта. Сколько тебе лет?

— Примерно столько же, сколько тебе. Откуда ты: Кумуру, Гумоллинг?

Она хихикнула:

— Псих! Бывал в Австралии?

Он посмотрел на часы.

— Давай переберемся с бокалами в ресторан и заморим червячка. Я проголодался.

В гостиничном ресторане, напоив ее «Шато Петрюс» и накормив телятиной, Гидеон дал волю фантазии. При этом он не спешил с рассказом, сообщал информацию нехотя, только под нажимом. Поведал Герте, что сколотил состояние, продав свою компанию, что света белого не видел, не говоря о маленьком сыне, что жена с ним развелась, а потом погибла вместе с ребенком в автокатастрофе. Он, дескать, с трудом опознал сынишку в гробу, так долго они не виделись... Пусть он и миллиардер, но всем бы пожертвовал, лишь бы еще часок провести с сыном. Всего часок из всего того неисчислимого времени, которое он потратил на обогащение, пока сын напрасно дожидался его дома, иногда с фонариком под одеялом, чтобы не засыпать до папиного возвращения... Но, вернувшись, он всегда заставал сына спящим, с выпавшим из рук включенным фонариком. Гидеон даже показывал фотографию белокурого ангелочка и орошал ее скупой слезой, называя себя самым печальным и самым одиноким миллиардером на всей планете.

Наградой за его изобретательность стали слезы растроганной Герты.

В номере Герта с видимой неохотой извлекла свой садомазохистский инвентарь. Когда взялась за молнию на своем комбинезоне, Гидеон сообщил, что еще не встречал таких, как она, и признался в желании иметь ее в друзьях. Мол, ему так хочется с ней поговорить, уж больно она забавная и интересная. Он даже не знает, как заниматься с ней этими фокусами, которые помогают ему хотя бы немного забыть горе, — слишком он ее зауважал...

Гидеон стал расспрашивать ее о наиболее интересных клиентах, и она — сначала неохотно, но все более красноречиво, поощряемая его восхищением, — стала откровенничать. Они сидели на кровати рядышком, и Герту было уже не остановить. После пяти-шести

эпизодов, не имевших для Гидеона значения, он наконец навострил уши. Две недели назад к ней обратился некто из австралийской фирмы с особым запросом. Похоже, китайцы похитили у этой фирмы технологию — между прочим, Китай не первый год обкрадывает австралийские компании, — и фирма решила скомпрометировать одного важного китайца, чтобы вернуть украденное. Ей предложили десять тысяч долларов за вечер!

— Я ждала китайского гангстера, — откровенничала Герта, — но он оказался мелким и дерганым. Никак не мог высказать, чего бы ему от меня хотелось. — Она прыснула. — Но когда мы приступили к делу, он будто с цепи сорвался! То есть сел на цепь...

Гидеон, смеясь вместе с ней, открыл взятую из минибара бутылку «Вдовы Клико» и наполнил два бокала.

— Ну и смеху было! Прямо подросток, дорвавшийся до сладенького!

— Кто он был про профессии? — как бы невзначай спросил Гидеон.

— Что-то малопонятное, но внушительное, из области электричества. Нет чтобы признаться, что на самом деле он обкрадывает австралийцев!

— Электричество? — переспросил Гидеон, возясь с шампанским.

— Кажется, да. Или электроны? Я не по этой части. Он намекал, что перевернет весь мир, а Китай всех возьмет за горло. Он здорово набрался и нес чушь.

— Австралиец, который тебя нанял, остался доволен?

— Им было важнее всего снять все это на видео, чтобы заставить его вернуть технологию.

— Что за технология?

Герта отхлебнула шампанского.

— Мне ничего не сказали. Секрет!

— Все происходило в его номере?

— Не в моем же! Туда я никого не вожу.

— Ты не заметила, у него был ноутбук? Или, скажем, портативный жесткий диск?

Она поперхнулась и уставилась на Гидеона.

— Нет, а что?

Гидеон спохватился, что зашел слишком далеко.

— Просто любопытно. Ты говоришь, он ученый, вот я и подумал... Может, украденная технология находилась с ним в номере.

— Я ничего такого не заметила. В номере был полный порядок, все убрано.

Он решил поднажать еще.

— А о секретном оружии он ничего не говорил?

— Секретное оружие? Нет, только о китайском владычестве в мире. Обычное хвастовство. Китайские бизнесмены всегда несут эту чушь. Говорят, через десять — двадцать лет Китай всех нас похоронит.

— Что еще он говорил?

— Ничего особенного. Когда все закончилось, с ним случился приступ паранойи: он стал искать по номеру «жучки», боялся меня отпускать. Мигом протрезвел. Мне самой стало страшно от его испуга.

— Тебе заплатили десять тысяч?

— Пять вперед, пять после.

— Австралийцы, говоришь?

— Они самые. Из Сиднея, как я. Приятно было поболтать с земляками.

Гидеон кивнул. ЦРУ оказалось умнее, чем он думал.

— А еще, помню, — не унималась она, расплескивая шампанское, — один свихнутый пару лет назад хотел, чтобы с нами была его ручная обезьянка. Обезьяны — мерзкие твари! Ты не поверишь, что он придумал...

Герта уснула на покрывале, тихонько посапывая. Гидеон осторожно передвинул ее на одну сторону кровати, а сам улегся на другой. От мартини, вина и шампанского у него тоже закружилась голова.

ГЛАВА 34

Они явились в шесть утра, в синих костюмах, как бригада гонконгских застройщиков, отперли дверь собственными ключами и обступили своего прораба.

— Мистер Гидеон Кру?

Гидеон рывком сел. У него разламывалась голова. Визит не сулил ничего хорошего.

— В чем дело?

— Вы пойдете с нами.

Он недоуменно разглядывал делегацию. Герта крепко спала на своей половине кровати.

— Нет, благодарю.

Двое, стоящие по бокам от главаря, спокойно достали одинаковые девятимиллиметровые «беретты».

— Обойдемся без осложнений. Это приличный отель.

— Я могу одеться?

— Будьте так любезны.

Он встал, шатаясь от похмелья. Нужно было оперативно разобраться в ситуации. Он надеялся на крепость сна Герты. Последствия ее пробуждения были бы непредсказуемыми. Решение требовалось незамедлительно.

«Как только меня посадят в машину, на мне можно ставить жирный крест».

— Можно принять душ?

— Нельзя.

Гидеон хотел одеться за дверью гардеробной, но услышал:

— Возьмите одежду сюда.

Медленно двигаясь и при этом лихорадочно размышляя, он взял свой костюм за четыре тысячи долларов, ботинки за тысячу, галстук и прочее. Он столько потратил, что лишиться этой одежды было бы обидно.

— Пойдемте.

Его взяли в плотные клещи. При выходе из номера в коридор «конвоиры» спрятали пистолеты. На этаже их ждала просторная кабина лифта.

Гидеон усиленно шевелил мозгами, но придумать ничего не мог.

«Устроить сцену в холле? Бешено заорать? Прикинуться похищенным? Броситься наутек?»

Любой сценарий завершался смертью, в лучшем случае погрузкой в машину в бессознательном состоянии. У этих людей могла быть наготове более убедительная версия событий. Не говоря о внушительных удостоверениях. Он обречен на проигрыш.

Кабина лифта доставила всю компанию в холл, двери разъехались, все вышли в мраморный холл. Снаружи выстроились три черных внедорожника, охраняемые людьми в синем. Гидеона быстро повели к ним.

Попытаться сбежать? Проверить, откроют ли по нему огонь?

Он не знал в Гонконге ни души, у него осталось всего две тысячи долларов — мелочь для этих краев. Его сцапают, не дав покинуть страну, и вышлют под его настоящим именем: в наши дни поддельный паспорт не раздобыть.

Его вытолкнули из дверей в направлении трех поблескивающих черных катафалков.

ГЛАВА 35

— Эй!

Он обернулся на крик, донесшийся из холла, и увидел бегущую к ним женщину. Минди Джексон собственной персоной с удостоверением сотрудницы ЦРУ в вытянутой руке — современным тараном.

— Эй, вы! Стойте!

Крик был такой громкий, что все в холле замерли.

Она врезалась в плотную группу мужчин, как шар боулинга в кегли, и вырвала у них Гидеона.

— Что вы затеяли? Я заместитель главы здешнего отдела ЦРУ, а это мой сотрудник. У него дипломатический иммунитет. Как вы смеете нарушать дипломатический статус? — Она толкнула Гидеона назад к двери.

Она тут же оказалась под прицелом оружия нескольких человек.

— Стоять! — крикнул прораб бригады, шагнув к ней.

Она без колебания выхватила собственное оружие, «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра. Люди в холле, увидевшие столько огнестрельного оружия, испуганно заголосили и спрятались за креслами и вазами.

— Валяйте! — крикнула Минди. — Хотите устроить перестрелку с ЦРУ? За пальбу в холле отеля вас наверняка представят к очередным званиям.

Надрывая голосовые связки, она не переставала толкать Гидеона к двери. Под взглядами приросших к месту людей в синем они выскочили через запасной выход и нырнули в ожидающую рядом «краун-викторию». Она прыгнула на заднее сиденье и с силой

захлопнула дверцу. Машина с визгом рванула с места. Китайцы в синих костюмах метнулись к своим черным бронемашинам.

— Совсем рехнулся? — Она запихнула револьвер в кобуру под мышкой и откинулась на спинку сиденья. — Болван, что тебе здесь понадобилось?

— Я приношу вам искреннюю...

— ...благодарность? Да я тебе жизнь спасла! Невероятно! Ты залез в самое логово льва. Ну и безмозглость!

Гидеон вынужденно признал, что действовал не самым умным образом.

Она оглянулась.

— Нас преследуют.

— Куда мы едем?

— В аэропорт.

— Нас не выпустят из страны.

— Сейчас они сбиты с толку и запрашивают инструкции. Все зависит от того, как быстро соберется с мыслями разведывательная бюрократия. Умеешь пользоваться огнестрельным оружием?

— Вроде да.

Она сняла с пояса «вальтер» и протянула ему.

— Только смотри, не застрели никого. Следуй моим инструкциям.

— Слушаюсь!

— Помедленнее, подпусти их ближе, — велела она водителю.

— Зачем? — удивился тот.

— Чтобы понять их намерения. Они просто нас преследуют или собираются столкнуть с дороги?

Водитель сильно сбавил ход, и в левом ряду с ними сразу поравнялся один броневик, тоже снизивший скорость, чтобы быть рядом. Затемненное стекло опустилось, в нем появилось ружейное дуло.

— Пригнись!

От выстрела вылетело заднее стекло, осыпав их градом осколков. Автомобиль вильнул в сторону и ринулся сразу через четыре полосы вбок под оглушительный визг покрышек по асфальту.

— Теперь ты знаешь их намерения, — сухо заметил Гидеон.

— Похоже, они дождались инструкций.

Машина опять набрала скорость, шныряя по рядам. Впереди появилась эстакада, ведущая из «Коридора Восточного острова» в туннель под гаванью.

— В туннеле вечно пробка, — предупредил водитель. — Что делать?

Минди не ответила. Гидеон оглянулся. Их нагоняли все три внедорожника.

В борт их автомобиля со страшным звуком вогнали новый заряд. Джексон высунулась из окна и быстро произвела пять ответных выстрелов подряд. Внедорожники сменили тактику и начали отставать — видимо, чтобы вынырнуть где-то впереди.

Джексон, лежа на полу машины, перезарядила свое оружие и снова защелкнула барабан.

— Не вздумай высунуться, — предупредила она Гидеона.

— Они ни за что не выпустят нас из страны, — повторил он.

В машину попали еще раз. Гидеон пригнул голову и накрыл ее руками.

— Стрелять из машины на ходу гораздо труднее, чем кажется, — пожаловалась Джексон. — Это только в кино все просто. Давай сюда свой паспорт.

Он достал из кармана документ. К уже ставшим привычным оглушительным звукам — реву мотора, визгу резины, отчаянным гудкам увертывающихся от них машин — теперь добавились завывания сирен. Джексон раскрыла паспорт и вынула из сумочки круглую печать. Шлепок, роспись, придание штампу рельефа специальным невесть откуда взявшимся приспособлением.

— Теперь ты у нас персона с дипломатическим статусом.

— ЦРУ всегда так поступает?

Она мрачно усмехнулась и отдала ему паспорт. Машина сбавила ход. Они уже въезжали в туннель под гаванью. Намеренно отставшие внедорожники теперь виднелись на расстоянии нескольких автомобилей. Транспорт двигался все медленнее и наконец совсем замер.

Гидеон снова выглянул и увидел, как в сотне ярдов позади них поспешно вылезают из черных броневиков люди в синих костюмах. Сжимая в руках оружие, они бросились к застрявшему в пробке продырявленному автомобилю.

— Нам не выпутаться, — простонал Гидеон.

— Не унывать! Как только я выскочу, ты откроешь огонь поверх их голов. Только не вздумай в кого-нибудь попасть!

— Подожди…

Но она уже была снаружи, среди моря неподвижных авто. Он прицелился так, как ему было велено, поверх голов приближающихся людей в синих костюмах, и спустил курок. С трудом удерживая пистолет при отдаче, он произвел три выстрела и чуть не оглох от эха, отраженного стенами туннеля. «Костюмы» залегли, вокруг поднялся крик, дверцы множества машин синхронно распахнулись, пассажиры посыпались наружу.

Хаос получился нереальный. Теперь Гидеон понял стратегию Джексон. Он выпалил еще пару раз, усугубив панику. Распахнулись новые дверцы, крику стало еще больше, люди начали карабкаться по крышам машин и разбегаться как безумные в разные стороны.

«Костюмы» хотели было протиснуться сквозь невменяемую толпу, но это было равносильно сопротивлению мощной морской волне. Гидеон продолжил стрельбу, теперь уже во всех направлениях, наслаждаясь грохотом. Паника усилилась, «костюмы» снова попрятались. Толпа своим неукротимым бегом распространяла хаос на все новые, все более удаленные от эпицентра заварухи машины, которые тоже пустели, рождая дополнительные людские волны. Где-то сзади Джексон открыла огонь из своего тупорылого револьвера, еще более громкого, чем его пушка. При этих невыносимых звуках часть толпы сменила направление бегства на противоположное и столкнулась со встречной людской волной, что принудило немалое число беглецов заползти под машины. Гидеон слышал, как бьются стекла, морщился от беспорядочных пронзительных гудков. Его попытка определить местонахождение «костюмов» оказалась напрасной: они окончательно утонули в людском море, их посбивали с ног, а то и вообще затоптали.

Во внезапно распахнувшейся двери автомобиля возникла Джексон. Вытерев тыльной стороной ладони лоб, она убрала в кобуру свое оружие.

— Пора сматываться.

Они выскочил на асфальт и побежали вместе с толпой, подальше от жерла туннеля. Толпа была заражена страхом, вирус распространялся быстрее звука: все новые перепуганные люди покидали свои автомобили и вливались в обезумевший поток, вообразивший, похоже, самое худшее — мегатеракт.

Толпа снесла Гидеона и Джексон с шоссе. Бетонный барьер ни для кого не мог стать преградой. Плотной шумной массой люди двигались на

север, к Гонконгскому яхт-клубу. Двое в сторожке на входе ничего не смогли с ними поделать, сама сторожка была мигом опрокинута на изящную, обрамленную деревьями аллею.

— Не отставать от меня! — приказала Джексон Гидеону и свернула ну узкую дорожку.

Гидеон ринулся за ней. Сначала на их пути оказались рельсы, потом забор-сетка. В конце концов они оставили далеко позади толпу и перешли на бег вдоль гавани Виктории. В гавань вдавался длинный заасфальтированный мол. Джексон долго кричала что-то в телефон и теперь выдохлась.

— Туда! — Она резко свернула в сторону.

— Это тупик! — крикнул он, но уже через секунду увидел на площадке большую желтую букву «Н» с кругом внутри. Задрав голову, он обнаружил в небе вертолет и услышал биение винта. Машина быстро снижалась. Сделав круг над площадкой, вертолет совершил посадку. Стало оглушительно тихо. Лишь только они залезли внутрь, двигатель вновь застучал, винт завращался, вертолет поднялся в воздух и полетел над гаванью.

Минди Джексон откинулась в кресле, застегнула ремень и повернулась к Гидеону, держа наготове записную книжку и карандаш.

— Я спасла твою задницу. Хватить вилять, диктуй цифры.

Он не смог ей отказать.

ГЛАВА 36

Они сели на первый же вылетающий из страны рейс. Это оказался борт авиакомпании «Эмирейтс». Конечный пункт — Дубай. Дипломатические штампы в паспортах помогли Гидеону и Минди избежать препятствий. В девять часов вечера по местному времени они приземлились в Дубае. Ближайший рейс в Нью-Йорк вылетал только утром.

— Рекомендую отель «Бур-Дубай», — сказала Минди Джексон, направляясь после поста таможни к очереди на такси. — За тобой солидный должок!

— Ты о выпивке или о...

Она покраснела.

— О выпивке, ясное дело. Ну и воображение у тебя!

Они залезли в такси.

— «Бур-Дубай», — сказала она водителю и повернулась к Гидеону: — Там отличный джазово-сигарный бар, называется «Куз». Красные бархатные кресла, табуреты у стойки с леопардовой обивкой, стены из ценных сортов древесины.

— Забавно, я не думал, что ты любительница сигар.

Преодолев вечерние пробки, такси остановилось перед входом в отель, представляющий собой два перекрещивающихся черно-белых ультрасовременных здания. Не регистрируясь у стойки, парочка направилась прямиком в бар.

Как только они сели, заиграл джаз-банд. Как и следовало ожидать, музыканты начали с композиции Эллингтона «Караван». Гидеон оценил их мастерство.

— «Мартини-абсолют», — сделала заказ Джексон подошедшему официанту. — Две оливки. И «Боливар коронас гигантес», — добавила она, просмотрев сигарное меню.

Гидеон заказал пиво, решив не перебирать после давешнего злоупотребления. Официант принес напитки и сигару.

— Собираешься это выкурить? — удивился Гидеон при виде алюминиевой торпеды.

— Не я, а ты. Люблю смотреть, как мужчины курят сигары.

Уступив низменному инстинкту, Гидеон извлек сигару из футляра и провел ею у себя под носом. Аромат был потрясающий. Он отрезал кончик и закурил. Спутница искоса наблюдала за ним.

— Я не ошиблась, тебе идет сигара.

— Надеюсь, у меня не будет от нее рака и мне не оттяпают губы.

— Такие губки надо беречь. — Она отпила свой коктейль, не спуская с него глаз. — Знаешь, такой внешности, как у тебя, я еще не встречала. Иссиня-черные волосы, ярко-голубые глаза…

— Чернявый ирландец. Хотя я не ирландец.

— Представляю, как быстро к тебе липнет загар.

— К несчастью, да.

Здесь, вдали от дома, Джексон казалась совсем другим человеком.

— Как думаешь, что означают эти цифры? — спросил он ее.

— Пока не знаю. Я передала их по телефону.

— Если что-то выяснится, я бы хотел об этом знать.

Джексон промолчала. Джаз-банд заиграл другую классическую композицию Эллингтона, «Настроение индиго».

Гидеон считал, что может поднажать, раз передал ей цифры.

— Расскажи мне подробнее про Кивающего Журавля. Прямо персонаж «Бондианы»!

— В каком-то смысле так и есть: он прирожденный убийца. Мы знаем о нем совсем немного: уроженец запада Китая, по национальности монгол, настоящий потомок Чингисхана. Говорят, обучался в специальном центре, где познакомился с американской культурой. Похоже, работал на «Учреждение-610».

— «Учреждение-610»?

Она бросила на него странный взгляд.

— Для агента, даже частного, ты удивительный невежда.

— Я новичок.

— «Учреждение-610» — это гестапо или КГБ на китайский лад. С виду оно невелико, ему недостает структурной четкости. Подчиняется личным указаниям нескольких высших коммунистических начальников. Кивающий Журавль — один из их лучших сотрудников. Скорее всего накачан разной химией и гормонами. Подготовлен отлично, но не думай, что это просто грубая машина для убийства. Он умен и, как я говорила, разбирается в современной американской культуре. В одном рапорте даже говорится, что он хороший блюзовый гитарист, представляешь?

— Верится с трудом. Но раз он так хорош, почему не справился с Ву?

— Разве он не справился? У него был приказ убить Ву и скрыться. Именно это он и сделал. Побочный ущерб не имеет значения — для него.

— Но он остался без чертежей.

— Он к ним и не подбирался — пока. Это уже вторая фаза. Над ней он работает сейчас.

— Почему он преследует меня?

— Брось, Гидеон! Полдюжины свидетелей показали, что ты записывал какие-то цифры. Сами цифры ему ни к чему, его дело — укокошить того, кто их знает.

Гидеон покачал головой и выпустил изо рта колечко сигарного дыма.

— Будь он так хорош, я бы уже был трупом.

— До сих пор ты проявлял похвальную ловкость. Хотя, может быть, это просто удача. Главное, ты непредсказуем. Полететь в Гонконг! Это последнее, чего можно было ожидать.

— Но ты-то этого ожидала.

— Ничуть. Просто твои приметы передали во все аэропорты, и твой вылет засекли. Когда вернешься в Штаты, Киваюший Журавль уже будет тебя ждать. Сомневаюсь, что ты выживешь. — Она с улыбкой выловила из бокала оливку и отправила себе в рот.

— Спасибо за доверие. Учти, я передал тебе цифры, так что теперь ты тоже на мушке.

— Обо мне не беспокойся.

Он попыхтел сигарой.

— Как получилось, что Ву сумел утащить чертежи?

— Наверное, давно готовился к бегству. Он занимал очень высокий пост и имел доступ ко многим секретам. «Медовая ловушка» могла послужить для него последним толчком.

— Откуда ты знаешь, что при нем были чертежи?

— Из донесения нашей разведки. Оно не вызывает ни малейшего сомнения.

— А мог сам ученый сыграть роль живца? Вдруг это тебя подставили?

— Маловероятно.

— А что известно о самом оружии?

— Это самое ужасное. Толи это какое-то усовершенствованное термоядерное устройство, то ли что-то совершенно новое. То, каких ученых собрали в Лоп-Норе, указывает на второй вариант: там нет ядерных физиков и термоядерщиков, зато полно металлургов, нанотехнологов, физиков по конденсированным веществам, квантовых физиков.

— Квантовая физика? Тогда это оружие на основе редких элементов: лазер, черная мини-дыра, даже вещество-антивещество…

— А ты умнее, чем кажешься! Кстати, каковы твои обязанности в Лос-Аламосе?

— Разработка фугасных линз.

— То есть?

— Это засекречено. Достаточно сказать, что это линзы обычной фугасной взрывчатки, входящие в состав взрывателей ядерных зарядов.

Она сделала большой глоток из бокала.

— Как приобретают опыт, необходимый для приема на такую работу?

Гидеон пожал плечами:

— Лично я любил все взрывать.

— Что именно? Людей, автомобили?

— Ну нет. Это началось еще в детстве. Я сам придумывал пиротехнические устройства, сам изобретал порох. Сходил с ума по фейерверкам. Устраивал их в лесу за нашим домом, платил соседским ребятам по четвертаку, чтобы были у меня за зрителей. Потом этому нашлось… другое применение. — Он зевнул.

— Настоящий человек эпохи Возрождения! Закажем еду?

— Я слишком устал, чтобы есть.

— Устал? Может, нам взять два номера? — Последний вопрос она задала совсем тихо, при этом ее губы растянулись в соблазнительной улыбке.

Он пригляделся к ней. Зеленые глаза, атласная кожа, веснушчатый нос… Пульсирующая синяя жилка на шее.

— Не так уж я устал.

Она бросила на стойку бумажку в пятьдесят долларов и встала.

— Это хорошо. Не хотелось бы тратить правительственные деньги на второй номер, раз он нам все равно ни к чему.

ГЛАВА 37

Роджер Марион тщательно запер дверь квартиры и тяжело вздохнул. Четверг был в Чайнатауне полным суеты днем, на Мотт-стрит было не протолкнуться, в квартиру проникал гул голосов сквозь плотно закрытые двери и окна, выходящие на пожарные лестницы, под которыми громыхала улица.

Роджер постарался взять себя в руки, восстановить центр спокойствия, разрушенный вездесущим городским хаосом. Замер с закрытыми глазами, потом произвел серию движений, известную как «меле

шенайо» — свободно, легко. Он снова чувствовал безостановочное вращение Колеса Закона.

Закончив упражнения, Марион пошел на кухню заваривать чай. Поставил на огонь чайник с водой, разместил перед собой тяжелый железный заварник и баночку с белым чаем. Когда вода уже готовилась закипеть, плеснул немного в железный заварник, чтобы его нагреть, сполоснул и опорожнил, бросил туда щепотку листьев белого чая и налил еще горячей воды. Отнес чайник с заваркой и чашку в гостиную, где посреди комнаты его ждал незнакомый мужчина со скрещенными на груди руками и улыбкой на лице.

— Чай? Чудесно! — сказал тот по-китайски.

Одет он был неприметно: белая рубашка, серый репсовый галстук. На шелковом лице — ни единой морщины, пустые глаза смотрят холодно, движения — сама грация. Марион не мог не обратить внимания на совершенство его мускулатуры.

— Чай должен настояться, — произнес Марион без всякого удивления, хотя был поражен и сбит с толку тем, что незнакомец сумел проникнуть в квартиру. — Позвольте, я принесу чашку и вам.

Незнакомец кивнул, и Марион отправился в кухню за второй чашкой. Вместе с чашкой он прихватил, спрятав в карман, маленький нож.

В гостиной Марион поставил чашку рядом с чайником.

— Полагаю, чай должен настаиваться не меньше десяти минут, — произнес незваный гость. — У нас есть время поговорить.

Марион ждал. Незнакомец сцепил руки за спиной и стал медленно прохаживаться по комнате.

— Я кое-что ищу, — сообщил он, остановившись перед плакатом на стене.

Марион ничего не ответил. Он продумывал наиболее эффективный набор движений, требуемый для погружения ножа в горло гостя.

— Вам известно, где это? — спросил тот.

— Вы не сказали, что ищете.

— Вы не знаете?

— Понятия не имею.

Мужчина отмахнулся от этих слов, как от комара.

— Что вы собирались с этим делать?

Марион не ответил, потому что мысленно уже подготовился.

— Чаю?

— Он еще не вполне настоялся, — сказал мужчина, оборачиваясь.

— Так тоньше вкус.

— Налейте себе, я подожду еще.

Марион гибко нагнулся и взял за ручку тяжелый железный чайник. Его мысли были алмазно чисты и ясны. Он приподнял чайник, налил в чашку горячую жидкость, поставил чайник, неторопливо поднес чашку к губам и в следующую секунду легким движением кисти плеснул чаем гостю в лицо, другой рукой выхватил нож и полоснул его по горлу.

Но ни гостя, ни его горла в ожидаемом месте не оказалось, нож бесполезно блеснул в воздухе. Инерция увлекла Мариона вперед, и пока он восстанавливал равновесие, из пустоты появилась рука со скрюченными пальцами. Марион увидел железные когти, попытался увернуться, но поздно: неодолимая сила сжала ему горло, лицо обожгла горячая струя.

Он успел увидеть стоящего рядом с ним человека, сжимающего в кулаке нечто, в чем он узнал собственную булькающую трахею.

Кивающий Журавль отступил от корчащегося, фонтанирующего кровью тела. Разжав кулак, он дождался, пока тело на ковре замрет, потом перешагнул через него и заглянул в кухню. Там он трижды вымыл руки очень горячей водой и тщательно осмотрел себя. На одежде не осталось следов, но в теле не осталось силы, вся ушла в рывок. Заметив на носке левого ботинка капельку крови, он стер ее мокрой тряпкой и быстро навел на свою обувь блеск.

Кровотечение в гостиной прекратилось. Ковер впитал почти всю кровь, и она не растеклась по полу. Снова переступив через труп, Кивающий Журавль налил себе чашку чая и с наслаждением ее опорожнил. Чай успел правильно настояться. Он налил еще, смакуя подходящую к случаю мысль из своего богатого запаса конфуцианской мудрости: «Когда за наказания не воздается надлежащая награда, люди не могут двинуть ни рукой, ни ногой».

ГЛАВА 38

Гидеон Кру расхаживал вокруг багажной «карусели», как будто дожидался чемоданов. Никаких чемоданов у него, конечно, не было, но имелась нужда увидеть других пассажиров. У него в голове все еще звучали слова Минди Джексон при расставании: «Кивающий Журавль примечателен одним: своей непримечательностью. Необычны только

его пустые глаза и прекрасная физическая форма». У «карусели» столпилось множество азиатов, среди них было немало таких, кто отвечал этому описанию.

«Только без паранойи! — одернул он себя. — Сосредоточься на следующем шаге!»

Гидеон достал бумажник и пересчитал оставшиеся деньги. Приблизительно тысяча. Уже в который раз он недовольно и с тревогой подумал о Глинне, бросившем его на произвол судьбы.

«Когда вернусь в Штаты, он будет меня ждать. Я вряд ли выживу», — размышлял он.

Следующий шаг не вызывал сомнений. Если Ву никому не передал чертежи после прохождения таможни, а потом их при нем уже не было, значит, он передал их кому-то до таможни. Сейчас Гидеон как раз находился внутри безопасной таможенной зоны, где действовало требование заявлять надлежащим властям о подозрительных лицах и об оставленных без присмотра вещах.

Он огляделся и увидел охранника.

— Простите, — подошел к нему Гидеон, — кажется, я заметил кое-что подозрительное и желаю сообщить об этом представителям властей.

— Можете сообщить мне, — предложил охранник.

— Нет, надлежащим властям. Это очень важно.

— Я же сказал, я — представитель властей.

— Там сказано о «надлежащих властях», — возразил Гидеон, повысив голос. — Не обижайтесь, но вы охранник, и только. А я хочу говорить с властями, как написано на стене. Это срочно. Я видел кое-что необычное и должен немедленно об этом сообщить. — И он язвительно поджал губы.

Охранник сверкнул глазами.

— Хорошо, пойдемте.

Он вывел Гидеона через запасной выход. Миновав каморки без окон и сеть коридоров, они подошли к запертой двери. Охранник постучал, из-за двери прозвучало:

— Заходите!

— Спасибо, — кивнул Гидеон и захлопнул дверь у охранника перед носом.

За заваленным бумагами столом восседал толстяк, похожий на пончик.

— В чем дело? — спросил он.

Охранник пытался открыть дверь, но Гидеон, стоя к ней спиной, прижимал ее ногой. Бросив паспорт на стол, он ответил:

— ЦРУ. Пусть охранник уйдет.

Толстяк заглянул в паспорт. Охранник стучался в дверь.

— Откройте! — кричал он.

— Спасибо! — откликнулся чиновник. — Все в порядке. Возвращайтесь на пост.

Он снова занялся паспортом, разглядел дипломатический штамп.

— О ЦРУ тут ни слова. Где ваш значок?

— Никаких значков! — отрезал Гидеон. — Мы их не используем, когда работаем под дипломатическим прикрытием.

Чиновник положил паспорт на стол.

— Ладно. Так в чем дело?

Гидеон бросил на него враждебный взгляд.

— Капитан Лонбау?

— Как видите. Я свой значок не прячу. Выкладывайте, с чем пожаловали, сэр. Сами видите, я очень занят.

Гидеон видел другое: Лонбау привык иметь дело с бюрократами и с другими чиновниками. Справиться с ним будет нелегко.

Вынув из кармана блокнот, Гидеон заглянул в него и начал:

— 7 июня в 12.23 пополудни прибыл рейс «Джапан эйрлайнз» с пассажиром Марком Ву на борту. После выхода из терминала аэропорта за ним следили, машине — такси, — в которой он ехал, подстроили аварию в Испанском Гарлеме. Возможно, вы о ней читали. Погибло восемь человек, в том числе сам мистер Ву.

— Читал.

— Нам нужны записи видеокамер с его перемещениями с момента высадки из самолета до отъезда в такси.

Лонбау внимательно посмотрел на визитера.

— Для этого мне потребуются кое-какие бумаги.

Гидеон сделал шаг вперед.

— Мы ловим террористов, а вам подавай бумаги? И это после 11 сентября 2001 года и двух войн?

— Правила никто не отменял…

Гидеону пришлось заорать ему прямо в лицо, брызгая слюной, как сержант на плацу:

— Правила?! Бумаги?! Когда на кону людские жизни?!

Гидеон понимал, что сильно рискует. Если наглость не сработает, он пропал.

Но наглость сработала.

— Кричать не обязательно. — Лонбау выглядел сильно напуганным. — Уверен, мы решим эту проблему.

— Вот и решайте. Немедленно!

Толстяк обильно потел. Было видно, что он паникует: вдруг примет неверное решение? Гидеон решил отложить кнут и прибегнуть к прянику.

— Послушайте, капитан, я знаю, вы настроены на сотрудничество, но при этом не хотите ошибиться. Я ценю это. Когда все будет позади, я дам вам самую лучшую характеристику. Но и вы поймите: бумаги отнимают время. А его у нас как раз нет. — Он наклонился к бедняге. — Хочу кое-чем с вами поделиться. Вообще-то так не полагается, но я вижу, вам можно доверять. Сейчас над Тихим океаном летит самолет с известным террористом на борту. В Лагосе этого сукина сына пропустили на борт. У нас есть основания считать, что он собирается устроить здесь террористический акт.

— Господи!

— Вот именно. Для его поимки развернуты крупные силы. Сейчас, пока мы с вами беседуем, наши тайные агенты занимают позиции по всему терминалу. А еще нам нужны эти записи. Это жизненно важная улика.

— Понимаю…

— Можно провернуть это без шума? Если спугнем нашего парня или его сообщников, то… — Гидеон намеренно не договорил.

Теперь Лонбау стал его стопроцентным союзником.

— Уже иду. — Он поднялся с кресла. — Можете меня сопровождать.

Центр обеспечения безопасности аэропорта имени Джона Фитцджеральда Кеннеди располагался в недрах терминала и производил неизгладимое впечатление сотнями новейших мониторов и пультов управления. В полутьме и безмолвии десятки людей не отрывали глаз от экранов, показывающих не только помещения аэропорта, но и картинки рентгеновских установок, просвечивающих багаж, а также то, что попадало в объективы камер в ангарах и на парковках такси.

Эффективность этого арсенала была выше всяких похвал. Не прошло и двадцати минут, как Гидеон покинул аэропорт с еще теплым DVD-диском.

ГЛАВА 39

— Сегодня вечером у нас будет что посмотреть, — сообщил Гидеон, опускаясь на белую кожаную банкетку в холле «Эссекс-Хаус» и одаривая Минди Джексон своей неотразимой улыбкой. — Принесите мне то же, что и ей, — велел он официанту. — Помокрее и погрязнее. С двумя оливками.

— Конечно, сэр.

— Что за кино? — осведомилась Джексон.

— Про Марка Ву. — Он показал диск. — От выхода из самолета до посадки в такси.

Она прыснула.

— Что тебя рассмешило?

— Это кино я уже смотрела. Голубая муть! Ничего интересного. Ноль целых ноль десятых.

Гидеон побагровел.

— Смотрела, говоришь?

— Чему ты удивляешься? Мы с этого начали. Как ты раздобыл диск?

Официант как раз принес выпивку, и Гидеон уставился на бокал, скрывая разочарование.

— Помог дипломатический штамп, который ты влепила мне в паспорт. Еще пришлось повысить голос.

— Рано или поздно ты нарвешься на того, кто не клюнет на твою блесну.

— Пока что этого не произошло.

Она покачала головой:

— Не все поголовно уступают тебе умом.

— Что-то незаметно… Хочешь посмотреть кино со мной на пару, в нашем номере?

— Наш номер? — Ее улыбка заледенела. — То, что было в Дубае, там и осталось. Посмотрим фильм в моем номере. Ищи себе отдельное место для ночлега. Хорошенького понемножку.

Гидеон еще раз постарался не выдать разочарование.

Она допила свой бокал и встала.

— Учти, радости это тебе не доставит.

— Заранее грущу.

В ее номере он включил DVD-плейер и вставил диск. На телеэкране появился снятый сбоку сектор терминала с рядами кресел, в углу были обозначены время, дата, место съемки. Спустя минуту возник Ву — такой, каким его запомнил Гидеон: челка, высокий лоб, мышиный костюм, изнуренный вид. Пройдя мимо пассажиров, ожидающих своего рейса, он исчез из виду.

Череда кадров: вот Ву пересекает терминал, ждет своей очереди на паспортный контроль в нескончаемой веренице «не-граждан США», отдает пограничникам паспорт, снова его получает, не задерживается на таможенном посту и едет вниз по эскалатору.

— Прямо как олень в свете фар! — посочувствовала ему Джексон.

— Очень смешно!

Фильм завершился отъездом такси марки «Форд-Эскейп».

Гидеон протер глаза. Он чувствовал себя болваном: так рисковать в аэропорту, и все напрасно!

— Я устала, — вздохнула Джексон. — Смена часовых поясов, да еще бессонная ночь по твоей вине. Не возражаешь, если я прикорну?

Но Гидеон таращил глаза на стоп-кадр с такси.

— Я, пожалуй, посмотрю еще разок.

— Меня уволь.

— Как хочешь. А я отмотаю в начало.

— Что там?

— Помнишь, как Ву проходит через толпу ожидающих рейса? Там еще была азиатка с ребенком?

— Там была уйма азиатов.

— Пускай, я хочу полюбоваться ими еще раз.

Минди Джексон со вздохом уставилась на экран.

— Поймал! — гаркнул Гидеон так, что она подпрыгнула.

— Я ничего не заметила.

— Посмотри еще раз. — Он включил ускоренный просмотр в обратную сторону, потом перевел воспроизведение в покадровый режим.

— Все равно ничего не вижу. Поверь, наши эксперты изучили эту запись по секундам и ничего не нашли.

— А ты приглядись... Вот! — Он нажал клавишу «Пауза». — Классический фокус с перевернутой ладонью.

— Какой еще фокус?

Он почувствовал, что краснеет.

— Я изучал искусство магии. — В причины этого эпизода в своей жизни он не стал вдаваться. — Меня учили фокусам с крохотными клочками бумаги. Обычно такие навыки применяют в карточных фокусах. — Он опять включил покадровое воспроизведение. — Внимание! При приближении Ву мальчишка роняет своего медвежонка...

Минди прильнула к экрану, чтобы ничего не упустить.

— Любой наблюдатель или зритель сосредоточивается на той руке женщины, которой она подбирает игрушечного мишку. А ты взгляни на ее левую руку... Видишь, левая ладонь обращена наружу, кисть вывернута... Ву проходит мимо нее. Теперь ладонь сжата, кисть согнута.

Он несколько раз проиграл один и тот же эпизод.

— Кажется, я тоже уловила... — произнесла Минди неуверенно. — Он ей что-то передал.

— Ничего подобного! Наоборот, это она что-то передала ему! Причем так, чтобы не было видно, с какого угла ни рассматривать.

— Но зачем ей передавать что-то ему?

— Понятия не имею. — Гидеон отвернулся от экрана, оторвал клочок от гостиничного бланка и ловко продемонстрировал тот же фокус.

— Вот черт! Но если она сунула ему бумажку, то где она?

— Непонятно. Наверное, он ее уничтожил, когда понял, что его преследуют.

— Эта женщина — ключ к разгадке, — заключила Джексон. — Надо ее найти.

Гидеон кивнул.

— Давай распределим обязанности. — Она повернулась к нему. — Ты ищешь мальчишку, я — женщину.

— Как же мне его отыскать?.. — Он прикусил язык: на экране обнаружилось еще кое-что. Ни он, ни остальные раньше не обращали на это внимания.

Джексон уже надевала плащ.

— Найдешь что-нибудь — позвони. — Она забрала свой бумажник. — Я поступлю так же.

ГЛАВА 40

Том О’Брайен дремал, подперев небритое лицо ладонью. Внезапно очнувшись, он ошалело посмотрел на часы. Было уже больше десяти. Он проспал за рабочим столом несколько часов и отсидел ноги. С ним такое уже случалось: он так увлекался написанием программ, что забывал про сон. Так же произошло и прошлой ночью.

Том со стоном выпрямился и стал разминаться. Еда — вот что поможет прийти в себя!

Он включил адскую музыку группы «Сакраментум» и заковылял в кухню. Там кое-как отодвинул гору грязной посуды, чтобы освободить место, вынул из бумажной обертки багет и разрезал его вдоль, чтобы быстро соорудить сандвич: арахисовое масло, кружочки банана, маленькие мармеладки, немного крохотных огурчиков с пряным рассолом. Он сложил вместе две половинники багета, зажал свой сандвич под мышкой, достал из холодильника бутылочку «Доктора Пеппера» и двинулся назад, в направлении кабинета.

Но в гостиной его ждала неприятность в лице непрошеного гостя. Бутылка и сандвич вместе упали на пол, причем сандвич разлетелся, как осколочная граната, осыпав все вокруг мармеладками.

Оказалось, правда, что к нему пожаловал всего лишь Гидеон Кру.

— Прекрати это! — заорал Том на друга. — Если я умру от сердечного приступа, кто решит твою задачу? — Он опустился на колени и стал собирать остатки сандвича и очищать их от кошачьей шерсти.

— Только не говори, что ты по-прежнему питаешься арахисовым маслом и рассолом, — хмыкнул Гидеон. — Ты что, не хочешь дожить до пенсии?

— Обойдусь без твоей заботы. Меня, что ли, преследует половина Лэнгли? — О'Брайен сердито уставился на Гидеона. — У меня не было времени на твои циферки.

— Почему?

— Потому что мне в отличие от некоторых приходится зарабатывать себе на жизнь.

— Ну да, ты же у нас младший преподаватель в Колумбийском университете. Ты когда-нибудь продвинешься дальше вечного аспиранта?

— Хочешь, чтобы я познакомился с настоящей жизнью? — Откусив кусок от восстановленного кое-как сандвича, О'Брайен побрел в кабинет, Гидеон за ним. — Пойми, дело не только в моей работе, но и в природе твоей задачи. Я тебе говорил: это все равно что рецепт без составных частей. Три столовых ложки ингредиента «икс», две унции «игрек», щепотка «зет». Без этих ингредиентов я как без рук!

— Мне потребуется твоя помощь еще в одном деле.

— Я получу еще тысячу?

Не обращая внимания на последние слова друга, Гидеон достал из кармана диск.

— Здесь съемка камеры наблюдения. Мне надо, чтобы ты увеличил один кадр.

О'Брайен облегченно перевел дух.

— Ну, это раз плюнуть.

Гидеон страдальчески указал на проигрыватель:

— Только сначала выключи это. Какая-то канцерогенная музыка!

О'Брайен изобразил изумление:

— Ты против смертельно тяжелого «металла»?

— Категорически против! — Гидеон хотел найти местечко, где присесть, но в маленьком и неописуемо захламленном кабинете был всего один стул, уже занятый самим О'Брайеном. — Никогда не видел столько

мусора на такой мизерной площади. Когда ты приступишь к разгребанию своих завалов?

— Мусор? Завалы? — О'Брайен нехотя убавил звук. — Все это необходимо для работы. Например, вот это. — Он проехался на стуле на колесиках и схватил серое металлическое изделие размером с коробку для обуви, чудом не упавшее перед этим с пирамиды усилителей, водрузил его себе на стол и подключил к компьютеру.

— Что это? — спросил Гидеон.

— ВЦТКД.

— Повторяю: что это?

— Виртуальный цифровой телекинодатчик. Обычно с его помощью меняют форматы видеоизображения. Эта модель перевернула бы судопроизводство.

Том включил прибор, нажал несколько кнопок на маленьком дисплее, вставил в приемное отверстие принесенный Гидеоном диск. Пока прибор оживал, он откусил от своего сандвича огромный кусок, потом кликнул по иконке на мониторе компьютера. Там появилось большое окно в окружении окошек помельче, предназначенных для изменения свойств изображения.

— Ну, где это? — пробубнил он с набитым ртом.

— Включи воспроизведение. Я скажу, когда приблизится необходимый кадр.

О'Брайен нажал на стрелку воспроизведения, и на мониторе появилось изображение.

— Аэропорт... — разочарованно протянул О'Брайен. — Черт, это же съемка службы безопасности!

— Ну и что?

— А то, что у них плохое качество из-за сильного сжатия.

Примерно минуту они наблюдали за озабоченным азиатом, пробирающимся через толпу пассажиров.

— Аппаратура на пределе разрешения, — предупредил Гидеона О'Брайен.

— Вот! — указал на монитор Гидеон. — Немножко назад, потом по кадрам вперед.

О’Брайен вернул изображение к тому моменту, когда мужчина поравнялся с группой пассажиров, и снова запустил воспроизведение.

— Помедленнее!

О’Брайен отхлебнул «Доктор Пеппер» и поколдовал с кнопками.

— Один кадр в секунду.

Они вместе смотрели, как мальчуган в толпе роняет игрушечного мишку, как женщина рядом с ним подбирает игрушку и возвращает владельцу.

— Пауза! — скомандовал Гидеон. — Видишь, у мальчишки на спине ранец.

— Вижу, — кивнул О’Брайен, пялясь на мигающий экран.

— Найди самый чёткий кадр с этим рюкзаком и увеличь. На нем фирменный знак. Мне надо знать, что это.

— Как прикажешь. — О’Брайен перебрал несколько кадров и нашел тот, где рюкзачок виден немного лучше. — Тоже мутно, конечно, — пожаловался он. — Тот, кто это мультиплексировал, подложил тебе здоровенную свинью.

— Они очень спешили.

— Придется все это расплести, иначе ничего не разглядеть. — Пальцы О’Брайена забегали по клавиатуре. Изображение в главном окне потускнело, зато расширилось.

— Что за полосы поперек картинки? — спросил Гидеон.

— Снижение четкости. Сейчас исправлю. — Новая серия команд, осветлившая и стабилизировавшая изображение. — Так вроде получше. Сейчас поработаем над резкостью… — О’Брайен полез в лабиринт программных меню.

— Щит, на нем девиз, — сообщил Гидеон, напрягая зрение.

О’Брайен сумел сделать изображение еще четче.

— «Pectus Est Quod Disertos Facit», — прочитал Гидеон.

— Что за абракадабра? Латынь?

— «Красноречивым делает сердце», — перевел Гидеон.

— Ну и глупость! — О’Брайен удрученно покачал головой. — Кто изрек этот напыщенный бред?

— Квинтилиан, «Обучение оратора». Вполне помпезно и бессодержательно для девиза частной школы. — Гидеон встал. — Спасибо, Том.

— Разве мне не полагается еще одна тысяча баксов?

— Не подавись сандвичем. Я с тобой свяжусь. — Прежде чем выйти, Гидеон обернулся. — Ты, наверное, еще не получил ответ от врача?

— Получил! Я как раз собирался тебе об этом рассказать.

— И что?

— Надеюсь, парень с этого рентгеновского снимка не из числа твоих друзей.

Гидеон замер.

— Это еще почему?

— Врач говорит, что ему крышка.

ГЛАВА 41

Гидеон сел на виниловый табурет в круглосуточной закусочной и заказал кофе, яйца пашот, картофельные оладьи, тост и мармелад. Пышная официантка в униформе из 1950-х годов, приняв заказ, ушла, напевая арию.

— Вам бы на оперную сцену, — бросил он ей вслед рассеянно.

Она оглянулась с безмятежной улыбкой.

— Я как раз оттуда.

Нью-Йорк, Нью-Йорк… Но благодушествовать не получалось. Он не мог пошевелиться.

«Надеюсь, парень с этого рентгеновского снимка не из числа твоих друзей…»

А вдруг врач, к которому обратился О'Брайен, ошибся? Так бывает иногда. Хотя вряд ли…

Что лучше: знать или пребывать в блаженном неведении? Прожить свой последний год, ни о чем не догадываясь? У Гидеона было странное чувство: будто он уже покинул свое тело, перестал принадлежать к миру живых. Все его приоритеты претерпели молниеносную переоценку. Что толку теперь знакомиться с женщиной, заводить семью? Заниматься карьерой тоже ни к чему. Можно курить, преспокойно накапливать в себе холестерин. Все, буквально все утратило прежний смысл.

Он отхлебнул кофе, пытаясь стряхнуть странное ощущение.

«Всему свое время. Еще успею обо всем подумать. Сейчас нужно довести до конца порученную работу».

Гидеон заставил себя сосредоточиться на Трокмортонской академии. Он не ошибся, говоря о девизе частной школы. На сайте учебного заведения нашлись кое-какие важные сведения. Заведение было солидное, тщательно оберегающее информацию о своих учащихся и преподавателях. С другой стороны, слабые места есть у всех. О слабом месте Трокмортонской академии буквально вопил ее напыщенный лозунг «Pectus Est Quod Disertos Facit». Ее изъяном было высокомерное себялюбие. На нем можно было сыграть.

Теперь требовался план, как злоупотребить этой слабостью. В академии трудились отнюдь не идиоты. О том, чтобы явиться туда, прикинувшись суперуспешным, полным осознания своей важности менеджером миллиардного хедж-фонда, вздумавшим отдать туда учиться собственного сынка, нечего было и мечтать. Таких субъектов там видели нередко и успели изучить. На них там иммунитет. Прикинуться знаменитостью, выдуманной или существующей? Нет, из-за «Гугла» такие штучки больше не проходят. Тут требуется прямо противоположное: игра на их надеждах, предположениях, а то и предрассудках.

В голове у него уже начал созревать план. Недостатком плана было то, что для его осуществления требовалось два человека. Джексон исключалась: она занималась собственной частью задания, к тому же ему не хотелось делить с ней лавры. Для его целей подходила Орхидея. Совестно, конечно, снова ее использовать, но цель в данном случае оправдывает средства. И потом, разве она не говорила, что ждет его звонка?

На соседний табурет взгромоздился клиент со сложенным номером «Нью-Йорк пост». Гидеон разозлился: три часа ночи, а какому-то ослу приспичило сидеть с ним чуть ли не в обнимку!

Официантка принесла заказ Гидеона и обратилась к его соседу. Тот заказал кофе и плюшку. Она налила ему кофе, принесла плюшку и удалилась в кухню.

— Как жизнь? — промямлил сосед Гидеона, разворачивая газету.

Гидеон раздраженно покосился на него и решил не отвечать.

— Наверное, у вас проблемы с наличными, — пробормотал сосед, изучая первую страницу.

Гидеон почувствовал прикосновение к своей ноге и, посмотрев вниз, увидел, что сосед держит под столом толстую пачку денег. Прежде чем он успел отреагировать, пачка перекочевала в карман его пиджака. При этом сосед не переставал читать газету. Гидеон вскинул голову и вгляделся в его лицо.

Это же Гарса, старый знакомый, правая рука Эли Глинна в «ЭИС»!

Гидеон почувствовал изумление пополам со злостью. Все его попытки оставаться невидимым не стоили, оказывается, ломаного гроша!

— Это очень кстати, — проговорил он, стараясь скрыть замешательство. — А то я уже переживал, что Глинн не пришлет своего мальчика на побегушках.

Гарса нахмурился. Его прежняя невозмутимость дала трещину.

— Это у вас вместо благодарности?

— Благодарность? Уверен, вы знали о ситуации гораздо больше, чем рассказали, вводя меня в курс дела. Я чувствую себя как использованный презерватив.

Гарса сложил газету, допил кофе, отодвинул тарелочку с плюшкой, встал и положил на стойку несколько долларов.

— Вы справлялись с задачей — до поры до времени. На вашем месте я бы не ныл, а встревожился из-за того, что мы сумели вас засечь. Если это удалось нам, удастся и Кивающему Журавлю.

И он вышел в темноту, оставив на свету, на стойке, газету с жирно набранным заголовком:

«УБИЙСТВО НА МОТТ

Жителю Чайнатауна порвали горло»

Ниже красовалась фотография Роджера Мариона.

ГЛАВА 42

Человек по прозвищу Кивающий Журавль медленно шел по тротуару за окнами закусочной. Кру еще находился там, болтал с пухленькой официанткой. Мужчина, передавший ему деньги, ушел. Он не представлял интереса для Журавля — тому был нужен Кру.

Он присел на выступ цоколя брошенного дома по соседству, поставил рядом с собой банку с пивом в жирном бумажном пакете, опустил голову. Строй мусорных баков, ожидающий утренних мусорщиков, отбрасывал длинную тень и дополнительно скрывал его лицо. Молодая

шумная компания перешла улицу на углу и исчезла в темноте. Какое-то время оттуда доносились вопли и хохот, потом все стихло.

Держа правую руку в кармане плаща, он разминал пальцы, поскрипывая острыми как бритва наперстками. Он был обучен применению многих экзотических видов оружия, включая одежные щетки, духовые музыкальные инструменты, трости, вилки, но эти заточенные и отполированные наперстки — его собственное изобретение.

В детстве, в китайском учебном храме, он постигал американскую культуру — кинематограф, литературу, видеоигры, музыку. Особенно музыку, ибо она — душа народа. По собственной инициативе он освоил блюз-гитару с медиатором и научился исполнять сочинения Большого Билла Брунзи, Скипа Джеймса и особенно Слепого Уилли Джонсона. «Hard Time Killing Floor Blues» — вот настоящая американская музыка!

Если я излечусь от убийственной страсти,

То со дна поднимусь и забуду напасти…

Он напевал себе под нос, перебирая пальцами воображаемые струны в бездонном кармане. Ногти с острыми насадками клацали, как вязальные спицы.

Заметив краем глаза движение внутри закусочной, он, не переставая напевать, посмотрел туда и увидел Кру. Тот вышел из закусочной и стал переходить улицу своей неподражаемой прыгающей походкой. Потом направился по тротуару прямо на Кивающего Журавля. Журавль, по-прежнему сидя с опущенной головой, в надвинутой на глаза шляпе с обвислыми полями, поджидал его, все так же напевая себе под нос и клацая ногтями.

Он позволил Кру пройти мимо, смеясь про себя: все оказалось еще проще, чем он думал, — прикончить Кру можно в два счета. Но теперь имелись причины не убивать его — отличные причины. На углу Си-авеню кандидат в мертвецы махнул рукой, и рядом с ним тут же затормозило такси. Кивающий Журавль запомнил номерной знак и запел немного громче.

Через полчаса он встал, потянулся и зашаркал по тротуару. На ходу позвонил на «горячую линию» такси и лимузинов и объяснил, что забыл электронную записную книжку в машине, которую поймал в половине четвертого утра на углу Тринадцатой улицы и Си-авеню, чтобы ехать на Центральный вокзал. Его соединили с водителем. Тот, ясное дело, никакой электронной записной книжки не находил и вообще не понял, чего от него хотят, так как пассажир с Тринадцатой улицы доехал не до Центрального вокзала, а до угла Парк-авеню и Пятидесятой улицы, там еще напротив отель «Уолдорф Астория»…

Кивающий Журавль поблагодарил таксиста и попросил прощения за путаницу.

Бросив бесформенный плащ в мусорный бак, Кивающий Журавль поймал на Си-авеню такси для себя.

— В «Уолдорф», — процедил он водителю сквозь зубы.

ГЛАВА 45

Гидеон Кру бросил толстую пачку денег на кровать в своем номере, глубоко вздохнул и позвонил по мобильному телефону Орхидее.

— Чего тебе надо?

Мольбы и извинения, брань и претензии заняли немало времени, но в конце концов она согласилась принять участие в предложенном им хитроумном плане.

Закончив разговор, Гидеон подошел к окну, выходящему на Парк-авеню, и внимательно оглядел широкую улицу внизу. Его не покидало ощущение, что его преследуют, но теперь в паранойе был виноват, по всей видимости, Гарса. По пути в гостиницу Гидеон дал таксисту специальные наставления, как сбить с толку преследователей, поэтому невозможно было вообразить, что его сумели выследить. Откуда тогда это чувство, как у муравья под увеличительным стеклом?

Он заказал доставку своего чемодана из камеры хранения «Уолдорфа», где оставил его перед отлетом в Гонконг. Разложив на кровати свой театральный набор, стал готовиться к роли персонажа из «Смерти коммивояжера» — неприметного жителя пригорода. Отражение в высоком зеркале на дверце платяного шкафа полностью его удовлетворило.

Часы показывали начало пятого. Не снимая грима, Гидеон покинул «Уолдорф» через запасной выход и зашагал на восток по Пятьдесят первой улице. Орхидея ждала его, согласно инструкции, перед парком Гринэкр.

— Прошу прощения, мисс, — обратился он к ней, приблизившись.

Девушка зло оглядела его с ног до головы и сказала ледяным тоном:

— Убирайся. У меня встреча.

— Тут такое дело, я тоже хочу встречаться…

Казалось, она сейчас в-него плюнет.

— Пошел вон! Или так двину по яйцам, что стерилизую всю твою семейку!

Гидеон довольно засмеялся, радуясь успеху своего перевоплощения.

— Это я, Гидеон. Здорово замаскировался?

Орхидея пригляделась.

— Ты делаешь успехи. — Она бросила сигарету и сердито растоптала ее каблуком. — Как у тебя хватило наглости позвонить мне после того, как ты так мерзко со мной поступил?

— Я поселился в «Уолдорфе». — Гидеон взял ее под руку и увлек за собой. — Слушай! — Он сунул ей в ладонь деньги. — Ты снимешь в «Уолдорфе» номер для мистера и миссис Телл, поднимешься туда, ляжешь в постель, выключишь свет. Дверь не запирай. Я приду через полчаса.

— Это ты слушай! Ты...

Но Гидеон уже отпустил ее и исчез в дверях отеля «Метрополитен». В пустом холле второго этажа он избавился от грима, после чего вернулся в «Уолдорф» как Гидеон Кру. В своем номере он опять загримировался, спустился, представился мистером Теллом, встречающимся здесь с женой, достиг по пустым коридорам номера, снятого Орхидеей, проскользнул в дверь и запер ее изнутри.

Она села в постели, не пытаясь прикрыть простыней наготу.

— Больше не позволю морочить мне голову!

Он сел рядом и сжал ей лицо ладонями.

— Знаю, я мерзавец, но потерпи меня еще немножко. Завтра мы прикинемся Мистером и Миссис Средний Класс и попытаемся записать нашего умницу сыночка в Трокмортонскую академию. Веселье гарантировано. Денежки тоже.

Она прищурилась.

— Мне не нравится, как ты со мной обращаешься. Уверена, это уже не репетиция, а подозрительное дерьмо. Хочу знать, что происходит на самом деле.

— Конечно, хочешь, но нам надо поспать, впереди длинный день.

Она окинула его недоверчивым взглядом.

— Поспать? — Она бросилась ему на шею и повалила на кровать. — Смой этот дурацкий грим! Я тебе кое-что покажу, и ты забудешь про сон.

ГЛАВА 44

Кивающий Журавль сидел перед церковью Святого Варфоломея и пощипывал струны гитары, положив на асфальт раскрытый футляр для сбора мелочи. В девять часов утра тротуар кишел банкирами и брокерами, торопящимися на работу и пробегающими мимо него не оглядываясь.

Когда я буду умирать,

Прошу по мне не горевать…

Он пел под бренчание гитары низким хриплым голосом. Много лет тренировал эту манеру, подражая Слепому Уилли. Он уже успокоился, хотя ранним утром, когда чуть не проворонил Кру, был близок к панике. Здорово тот провел его своим фокусом с гостиничными номерами и с появлением девчонки! Кивающий Журавль чуть не остался с носом. Если бы не прыгающая походка Кру, он бы потерпел унизительное поражение.

Один должок есть за тобой:

Вези меня скорей домой.

Когда Кру и его сообщница вышли на улицу, он решил их не преследовать, потому что знал: они обязательно вернутся. Кивающий Журавль давно понял, насколько опасно и, того хуже, контрпродуктивно увлекаться преследованием жертв. В этом не было нужды: каждый живет по схеме, закладывает петли, но неизменно возвращается вспять, поэтому правильнее изучить схему и дождаться возвращения, чем повторять все бесцельные метания объекта. Преследовать нужно, когда объект нарушает собственную схему и ступает на неизведанную тропу.

Там будет проще умирать.

О, как же просто умирать!

Финансисты пробегали мимо, погруженные в мысли о деньгах, пригибаемые золотом к земле. Его раздражало, что никто не кидает мелочь в футляр от гитары: хозяева мира спешили, не удостаивая его даже взглядом. Но вскоре его ожидание было вознаграждено: в футляр упала целая двадцатка.

Меня согреет Иисус,

И я на небо вознесусь.

Так-то лучше! Америка! Чудесная все-таки страна. Жаль, что она все равно обречена погибнуть.

ГЛАВА 45

Гидеон Кру вылез из машины и окинул взглядом здание приемной комиссии Трокмортонской академии. Это было возведенное в XIX веке псевдоренессансное сооружение из серого гранита, окруженное безупречно подровненными кустиками, симметричными клумбами и выкошенными лужайками. Надпись на бронзовой табличке на стене гласила, что здание называется «Суивин-коттедж» — черт бы побрал склонность «белой кости» к показному самоуничижению! К чему называть такие громадины коттеджами? На самом деле от здания за километр разило деньгами, привилегиями и высокомерием.

— Какая глупость! — возмущалась на стоянке Орхидея, стараясь оттянуть пониже полы оранжевого пиджака. — Не понимаю! У нас идиотский вид. Нас вытолкают в шею, да еще попинают по заднице.

— Не исключено, — согласился Гидеон, тащивший под мышкой толстую пачку бумаг, для изготовления которых потребовался напряженный многочасовой труд. Пригладив клетчатые брюки и пиджак и поправив полиэстеровый галстук, он зашагал к парадному подъезду.

— Не пойму, зачем ты так вырядился! — прошипела ему вслед Орхидея. — Мы здесь смотримся как на корове седло.

Он взял ее за руку, чтобы успокоить.

— Положись на меня. Обещаю, скоро ты все поймешь.

В комфортабельном зале ожидания они сразу привлекли внимание секретаря.

— Чем я могу вам помочь? — произнесла она нарочито нейтральным тоном.

— Хэлло! — воскликнул Гидеон и от души тряхнул ее удивленно протянутую руку. — Мы мистер и миссис Кру, собираемся записать в школу нашего сына Тайлера.

— Вам назначено?

— Да.

— Кто вас примет? — последовал высокомерный вопрос, как с амвона.

Гидеон порылся в своих бумагах.

— Мистер Ван-Ренсселаэр. — Он намеренно исказил почти до неузнаваемости старинную нью-йоркскую фамилию.

Она встала и исчезла — ни дать ни взять за алтарем. Но отсутствовала недолго.

— Вас приглашает мистер Ван-Ренсселаэр, — тщательно проартикулировала она, чтобы ему стало стыдно за кашу во рту.

Прием вел именно такой человек, какого Гидеон ожидал здесь увидеть: высокий, расслабленный, дружелюбный, одетый вполне просто. Длинноватые волосы и модные очки выдавали если не совершенно непредвзятого, то по крайней мере считающего себя толерантным и умеренным педагога.

«То, что надо!»

Ван-Ренсселаэр тепло поприветствовал посетителей, профессионально подавив тревогу при виде их одежды и манер.

— Большое спасибо за согласие нас принять! — воскликнул Гидеон после приветствий. — Мы хотели бы отдать нашего сына Тайлера во второй класс. Это особенный мальчик!

— Конечно. Разумеется, здесь у нас, в Трокмортонской академии, действует тщательно продуманная процедура собеседований с родителями и ребенком, учительских рекомендаций, тестирования в строгом соответствии с возрастом. К несчастью, желающих гораздо больше, чем мы можем принять. Боюсь — я, кажется, уже объяснял это по телефону, — в настоящий момент свободных мест во втором классе нет.

— Но Тайлер особенный!

Ван-Ренсселаэр так и остался стоять.

— Как я объяснял, мы с радостью познакомим вас с территорией, но было бы неверно зря расходовать ваше бесценное время, при том что прием вашего сына на учебу к нам невозможен. Разумеется, в случае появления свободного места мы с вами свяжемся. А теперь приступим к экскурсии.

— Спасибо. Но я все-таки оставлю вам работы Тайлера. — И Гидеон водрузил на стол перед Ван-Ренсселаэром высокую стопку тетрадей, на которую тот уставился с нескрываемым отвращением.

— Сейчас в этом нет необходимости.

— Позвольте оставить по крайней мере симфонию.

— Простите, что вы сказали?

— Симфонию. Тайлер сочинил симфонию.

В кабинете повисла тишина.

— Сколько, вы сказали, Тайлеру лет?

— Семь.

— Ему, видимо, помогали при написании этой… симфонии?

— Какое там, Господи Иисусе! — вдруг подала голос Орхидея, и ее прокуренный хрип проник в самые потайные уголки просторного кабинета. — Мы же ничего не смыслим в классической музыке! — Она хрипло хохотнула.

Гидеон, пряча улыбку, вытянул из стопки листы с нотами. Ван-Ренсселаэр, поколебавшись, взял их.

— Он прибег к услугам гэридж-бенда, — пустился в объяснения Гидеон. — Отличный звук, много духовых. Вот и компакт-диск с записью. Обязательно послушайте!

Ван-Ренсселаэр стал перебирать ноты.

— Уверен, ему помогали…

— Никто ему не помогал, поверьте. Мы даже не знали, что он этим занят.

— Вы не музыканты?

— Мне по вкусу Леди Гага, — призналась Орхидея с нервной ухмылкой.

— Откуда же у… у Тайлера интерес к музыке?

— Понятия не имеем. Он у нас приемный, из Кореи.

— Корея… — повторил Ван-Ренсселаэр.

— Ага. Наши знакомые усыновили детишек из Азии, вот и мы решили, что это было бы здорово, раз у нас… в общем, раз мы не можем иметь своих детей. Так у нас с друзьями появились общие темы для разговора. Но если бы только симфония! Полюбуйтесь на его рисунки. Можете их забрать — это копии.

Он нашел в стопке рисунки. Чего только не раскопаешь в Интернете! Прежде чем копировать, он добавлял внизу подпись «Тайлер Кру».

Ван-Ренсселаэр стал изучать рисунки.

— Это наша собака. Тайлер в ней души не чает. А это старинная церковь, он нашел ее в книжке…

— Шартрский собор… — прошептал Ван-Ренсселаэр.

— Что? — Чертовски трудно было отобрать в той уйме, которая вывалилась на него из Сети, то, что требовалось, — правильное сочетание детской непосредственности и художественного мастерства.

— Потрясающе! — негромко проговорил Ван-Ренсселаэр, перебирая листочки.

— Мы же говорим, наш Тайлер особенный, — поддакнула Орхидея. — Он уже обогнал по уму меня. — Она положила в рот пластинку жвачки и заработала челюстями. — Хотите?

Ван-Ренсселаэр не ответил, поглощенный детскими рисунками.

— Надо вам сказать, — поднажал Гидеон, — Тайлер при всем том самый обыкновенный ребенок, не из этих, упертых. Обожает смотреть с нами за компанию «Гриффинов» и хохочет до упаду. Особенно ему нравится серия, где Питер спьяну валится во дворе, а мимо как раз едут копы, и...

Орхидея хохотнула:

— Животики надорвешь!

— «Гриффины»? — в ужасе переспросил Ван-Ренсселаэр.

— В общем, вот в этой пачке сонеты его сочинения, другие рисунки и музыкальные пьесы.

— И все сам?

— Я помогал ему с карикатурами, — гордо сознался Гидеон. — Но в музыке, литературе и живописи мы ничего не смыслим. У меня, знаете ли, спорт-бар в Йонкерсе.

Ван-Ренсселаэр ошалело переводил взгляд с Гидеона на Орхидею.

— С математикой у него тоже неплохо. Не пойму, откуда что берется. Читать он научился, к примеру, в два с половиной года. Тут у меня письма его учителей... — И он предъявил два письма, которые сам составил и распечатал на поддельных школьных бланках. — Вот это от математика — Тайлер обогнал весь класс, это от директора.

В письмах расхваливалась гениальность мальчишки и содержались намеки на отрицательное влияние семьи, несмотря на которое...

— А вот результаты его тестов. Кто-то проверил его ай-кью, и...

Ван-Ренсселаэр заглянул в результаты. Его лицо превратилось в неподвижную маску, руки заходили ходуном.

— Думаю... — начал он медленно. — Учитывая обстоятельства... Возможно, мы все же найдем для Тайлера место в Трокмортоне. Конечно, сначала надо будет взглянуть на него самого. Ну и вся процедура приема, естественно.

— Отлично! — захлопала в ладоши Орхидея, полностью вошедшая в роль.

— Прошу, присядьте! — спохватился Ван-Ренсселаэр.

— Минуточку. — Гидеон сел. — Сначала я хочу кое в чем убедиться. Во-первых, в классе будут другие ученики-азиаты? Мне бы не хотелось, чтобы он чувствовал себя изгоем.

— Совершенно справедливо, — поспешил с ответом Ван-Ренсселаэр, превратившийся в скромного продавца образовательных услуг.

— Сколько их там? Не только во втором классе — во всей начальной школе. Мне нужны цифры.

— Для этого мне потребуются списки классов. — Ван-Ренсселаэр вызвал секретаря и дал ей задание. Уже через минуту она вернулась с листом бумаги. Проглядев список, Ван-Ренсселаэр передал его Гидеону. — Она обвела кружком ребят азиатского происхождения.

Гидеон стал складывать листок.

— Боюсь, я не могу вам его отдать. Мы тщательно охраняем семейные тайны наших учащихся.

— Похвально, похвально... — Он пробежал список глазами. Ничего себе, целых пятнадцать фамилий! Он постарался запомнить все пятнадцать. — Еще я слышал, — сурово продолжил он, — об эпидемии гриппа.

— Грипп? Не думаю.

— Так мне сказали. Это было еще седьмого июня, до выпуска. Что, дескать, слегло две трети начальной школы.

— Вряд ли. — Ван-Ренсселаэр снова вызвал секретаря. — Принесите данные по посещаемости в начальных классах за седьмое июня.

— Сию минуту.

— Кофейком не угостите? — Гидеон, освоившись в кабинете, высмотрел в углу кофеварку.

— Что?.. О, конечно, прошу меня извинить! Надо было самому вам предложить, какая невнимательность с моей стороны!

— Ничего страшного. Мне со сливками и с тремя кусочками сахара.

— Мне сливки и четыре сахара, — обнаглела Орхидея.

Ван-Ренсселаэр сам занялся кофе. Тем временем вернулась секретарша. Гидеон потянулся за листами, которые она принесла, и врезался в

Ван-Ренсселаэра, несшего две полные чашки. Весь его стол оказался залит кофе.

— Ах, простите! — взмолился недотепа-посетитель. — Какая неуклюжесть! — Он принялся собирать жидкость своим носовым платком и устроил на столе отвратительное месиво.

За уборку принялись все трое, к ним присоединилась секретарша с рулонами бумажных полотенец.

— Простите, простите... — твердил безутешный Гидеон.

— Ничего, — отвечал ему Ван-Ренсселаэр, старавшийся сохранить спокойствие при всей неприглядности картины на столе. — С кем не бывает! — В следующее мгновение он просиял. — Мы с радостью увидим Тайлера, и как можно скорее. Может, прямо сейчас назначим дату и время?

— Я вам позвоню, — бросил ему Гидеон уже на бегу. — Оставляю вам бумаги. Нам пора!

Спустя несколько минут они уже выезжали из кованых ворот. Орхидею скрутило от хохота.

— Ну ты даешь! Видал выражение его лица? «Ну и типы, кошмар какой-то!» — вот что было на нем написано. Знаю я таких — вечно им хочется минета, потому что их женам не нравится, когда...

— Ладно, ладно, — перебил ее Гидеон, не одобрявший такое направление беседы. — Я видел, что он загорелся спасти Тайлера от таких родителей, как мы.

— Зачем понадобилось это представление? Только не надо рассказывать про врастание в образ!

Списки классов и данные о посещаемости 7 июня лежали у Гидеона в кармане. По ним он определит, кто из учеников-азиатов отсутствовал на уроках на следующий день после приземления самолета Ву в аэропорту имени Дж. Ф. Кеннеди. Он рассудил, что ребенок, находившийся после полуночи в аэропорту, на следующий день непременно проспал школу.

— Именно врастание в образ! — заверил ее Гидеон Кру. — Даю честное слово. А ты у нас настоящая звезда!

ГЛАВА 46

— Я одного хочу: чтобы ты объяснил, что, мать твою, происходит!

Гидеон и Орхидея миновали угол Пятидесятой улицы и Парк-авеню. Гидеон прибавил шагу. Он целый день уклонялся от вопросов,

обдумывая свои дальнейшие действия, а ее все больше бесила уклончивость «подельника».

Он ушел вперед, но Орхидея нагнала его.

— Чтоб тебе пусто было! Чего как воды в рот набрал?

Гидеон вздохнул:

— Устал врать, особенно тебе.

— Вот и скажи правду!

— Это опасно.

Они прошли мимо кованых ворот сквера при церкви Святого Варфоломея, откуда доносились звуки старого блюза в исполнении уличного музыканта. Он вдруг остановился и прислушался, ловя гитарные аккорды, заглушаемые полуденным автомобильным потоком.

— Погоди. — Он удержал Орхидею за плечо.

— Хватит, надоели потемки...

Гидеон слегка сжал ей плечо, и она умолкла.

— Постой спокойно, не дергайся.

Он стал внимательно слушать перебор струн и хриплый голос певца.

Что-то худо мне стало, Господи,

Значит, ждать недолго конца...

— В чем дело? — прошептала Орхидея.

Вместо ответа Гидеон сжал ей плечо еще сильнее. Отвернувшись, он сделал вид, будто отвечает на звонок мобильного — это был повод, чтобы стоять и слушать.

Я не против сдохнуть, о Господи,

Если б не слезы мальца...

Гидеон узнал «Предсмертный блюз» Слепого Уилли. Возникло легкое ощущение дежа-вю, и он стал вспоминать, когда последний раз слышал те же струны блюз-гитары. Си-авеню! Он узнал не гитару, а бродягу, исполнявшего старые блюзы. Этот самый обормот напевал себе под нос ночью, когда он выходил из закусочной. Он вспомнил темную улицу и подпиравшего стену бродягу...

Верно, час мой скоро настанет

В землю лечь под груду камней...

Он напряг слух. У певца получалось очень неплохо. Ни вульгарности, ни выпендрежа, просто и одновременно слезоточиво, настоящий «дельта-блюз». Но слова были не те — Гидеон знал наизусть: совсем другая, незнакомая ему версия:

...Где толпа немых истуканов

Ожидает смерти моей.

В следующее мгновение его осенило, и он побелел. Скрывая страх, захлопнул крышку телефона — мол, разговор окончен — и потянул Орхидею к крыльцу «Уолдорфа». Внутри он почти побежал, протащил ее через холл, мимо огромной вазы с цветами, к ресторану «Аллея павлинов».

— Ты что, спятил?!

Не обращая внимания на крик и на протянутое метрдотелем меню, он, волоча ее за собой, пробежал через весь ресторан и влетел в кухню.

— Вы куда? — Голос метрдотеля потонул в звоне посуды.

— Сэр, сюда нельзя...

Но Гидеона было не остановить. Миновав двойные двери, они с Орхидеей оказались в длинном коридоре, заставленном огромными холодильниками.

— Немедленно возвращайтесь! — надрывался метрдотель. — Кто-нибудь, вызовите охрану!

Гидеон резко повернул, распахнул очередные двери и выскочил в какой-то проход. Как ни пыталась Орхидея вырваться, он крепко держал ее за руку. Они сбежали по ступенькам, выскочили на хозяйственный двор и устремились прочь от отеля, к Пятидесятой улице, по проулку. Рискуя оказаться под колесами машин, они перебежали через дорогу на другую сторону улицы, миновали бегом еще два квартала, ворвались в ресторан «Четыре сезона», взбежали на второй этаж, где была бильярдная, и снова проникли в кухню.

— Опять?!

Кросс через кухню под возмущенные крики — и вот уже они на Лексингтон-авеню, напротив входа на станцию подземки «Пятьдесят первая улица». Перебежав через улицу, они ринулись вниз по ступенькам. Гидеон дважды приложил карточку к дисплею на турникете, и они оказались на платформе, как раз когда на нее

прибывал поезд северного направления. Гидеон затолкнул Орхидею в вагон и запрыгнул туда сам, чуть не оставшись прищемленным дверьми.

— Совсем обезумел?! — простонала задохнувшаяся от бега Орхидея.

Гидеон упал на сиденье. В голове мелькал сумасшедший калейдоскоп мыслей. Он узнал голос, который слышал на Си-авеню. В этот раз голос исполнял редчайшую версию композиции Слепого Уилли, выпускавшуюся только на виниловых пластинках для продажи в Европе и в странах Дальнего Востока.

«Если нам удалось вас найти, то удастся и Кивающему Журавлю», — вспомнил он слова Гарсы.

Что ж, так и вышло.

Гидеон размеренно дышал и внимательно разглядывал пассажиров в вагоне, хотя не мог себе представить, как Кивающий Журавль ухитрился бы их выследить.

— Прости. — Он взял Орхидею за руку.

— Довольно с меня твоих безумств! — крикнула она.

— Знаю, знаю. — Он похлопал ее по руке. — Я поступил с тобой нехорошо, вовлек в историю, которая оказалась гораздо опаснее, чем я воображал. Свалял дурака. Возвращайся домой и не высовывайся. Я свяжусь с тобой, когда минует опасность.

— И не подумаю! Я больше от тебя не отстану! — Она так орала, что на них оборачивался весь вагон.

— Обещаю позвонить. Даю слово.

— Не позволю так с собой обращаться!

— Пожалуйста, Орхидея! Ты мне очень нравишься, честно. Как раз поэтому я не могу тебя во все это втягивать. — Он пристально посмотрел на нее. — Я позвоню.

— Почему бы тебе не рассказать все как есть? — У нее из глаз вдруг брызнули слезы, по щекам побежало сразу несколько струек. — Ты попал в беду, ведь так? Думаешь, я не вижу? Почему ты не разрешаешь тебе помочь? Почему все время отталкиваешь?

У него не хватило совести возразить.

— Да, я влип, здорово влип. Но ты не в силах мне помочь. Так что возвращайся к себе. Я за тобой вернусь, обещаю. Так или иначе — мы еще увидимся. А теперь мне пора.

— Нет! — Она вцепилась в него как утопленница.

Но что толку? Он должен был от нее избавиться — ради ее же безопасности. Поезд выкатился на перрон станции «Пятьдесят девятая улица», со стоном затормозил, двери раскрылись. В последний момент Гидеон вырвался и выскочил из вагона. Он хотел еще раз попросить прощения, но двери уже захлопнулись. Только в окне удаляющегося вагона виднелось ее бледное заплаканное лицо.

— Я позвоню, честное слово! — крикнул он, надеясь, что, хотя поезд уже набрал ход, Орхидея его услышит.

ГЛАВА 47

Гидеон с понурым видом ехал по Нью-Джерси в гуще дневного транспортного потока. Он оставил позади туннель «Холланд» и устремился в арендованном «шевроле» на север, оставлял позади один за другим слившиеся воедино, как две капли воды похожие друг на друга городки: Кирни, Норт-Арлингтон, Рутерфорд, Лоди... Все улицы в них были одинаковые — узкие, шумные, уставленные трех-четырехэтажными кирпичными домами, с пыльными выцветшими витринами магазинов, с низко свисающими клубками телефонных проводов, способными вызвать приступ клаустрофобии. Порой на глаза попадались остатки бывших центров городского притяжения: афиша давно закрытого кинотеатра, заброшенный пластмассовый киоск, некогда торговавший газировкой... Лет пятьдесят — шестьдесят назад все это были отдельные, уважающие себя небольшие города, полные света и жизни, по ним разгуливали школьницы и молодые люди в шляпах. От всего этого остались одни угрюмые воспоминания, вытесняемые латиноамериканскими и итальянскими лавками снеди, магазинчиками скидок и сотовых телефонов.

В графстве Берген Гидеон проехал еще полдюжины одинаковых грустящих городков. Места назначения можно было бы достигнуть гораздо быстрее, но ему хотелось отвлечься, просто бездумно порулить.

Его захлестывали непрошеные и неконтролируемые чувства. Встреча с Кивающим Журавлем повергла его в смятение, а то, как ему пришлось поступить с Орхидеей, вызвало жгучий стыд. Он твердил себе, что так будет лучше для нее самой, безопаснее, что лучше ей не связываться с человеком, которому отмерен от силы год жизни. Но лучше ему от этого не становилось. Он ее использовал, употребил с вопиющим цинизмом!

По мере приближения к границе штата Нью-Йорк улицы постепенно становились шире и многолюднее, количество машин на них убывало, жилища были все просторнее, стояли все менее кучно. Время от времени Гидеон косился на листок бумаги, одиноко подрагивавший на заднем

сиденье. На нем было выведено: «Фу Лиан, Берген-Дафа-центр, Олд-Таппан».

Благодаря данным, которые стащил в кабинете Ван-Ренсселаэра, он без труда выяснил имя единственного мальчика-азиата, бывшего в тот день в аэропорту имени Кеннеди: Джи Лиан. После этого без труда установил, кто его мать. Он не знал, что такое «Дафа-центр», но там работала эта женщина, значит, ему туда. Минут через пятнадцать он испытал удивление: то место, куда он ехал, оказалось особняком на вполне ухоженном участке: внушительный дом из камня с отдельным гаражом и сторожкой у ворот. Все вместе, судя по табличке, и называлось «Берген-Дафа-центр».

Гидеон оставил машину на стоянке рядом с главным зданием и поднялся по ступенькам к дверям, украшенным узором из кованого железа. За дверями располагался изящный вестибюль. На стене висело со вкусом выполненное объявление: «Занятия по „Фалуньгун“ с 15.00 до 17.00 и с 19.00 до 22.00 по будням». Надпись обрамляли китайские узоры и иероглифы.

Молодая азиатка за столиком заулыбалась при его приближении.

— Чем вам помочь? — спросила она без малейшего акцента.

Гидеон ответил улыбкой на улыбку.

— Я бы хотел поговорить с Фу Лиан.

— Сейчас у нее занятие. — Она указала на открытую дверь, из-за которой слышались голоса и музыка.

— Спасибо, я дождусь, пока она закончит.

— Если хотите, можете посмотреть.

Гидеон заглянул в скромный маленький зал. Там группа под руководством миниатюрной женщины выполняла медленные упражнения, двигаясь в унисон под гипнотизирующую музыку, в которой выделялись колокольчики и барабаны. Женщина давала указания на мелодичном китайском. Он попытался рассмотреть ее получше. Она показалась ему моложе, чем женщина в зале аэропорта, но была достаточно на нее похожа, чтобы он заключил: в аэропорту с мальчиком находилась его бабушка.

Гидеон стал ждать конца урока. То, что он видел в зале, производило сильное впечатление: движениям под музыку была присуща какая-то универсальная красота.

«Фалуньгун», — повторил он про себя.

Где-то он уже слышал это звукосочетание, каким-то образом оно ассоциировалось у него с экзотическими религиозными практиками. Обязательно нужно разузнать об этом побольше!

Занятие завершилось минут через десять, и люди стали расходиться, тихо переговариваясь. Гидеон ждал в дверях. Маленькая женщина с сияющим лицом, которая только что провела урок, заметила его и подошла.

— Вы ко мне? — спросила она.

— К вам. — Гидеон широко улыбнулся. — Меня зовут Гидеон Кру. Мой сын Тайлер будет с осени учиться в Трокмортонской академии. Мы недавно переехали сюда из Нью-Мексико. Он поступает в класс, где учится ваш сын Джи.

— Очень мило, — улыбнулась женщина. — Добро пожаловать. — Они обменялись рукопожатиями, и она представилась.

— Он наш приемный ребенок, родился в Корее, — продолжил Гидеон. — Мы хотим, чтобы мальчик чувствовал себя в школе как дома. У него остаются трудности с английским языком, поэтому мы с женой очень рады, что в классе есть еще один азиатский ребенок. Новая школа в новом месте — это само по себе нелегко. Вот я и решил познакомиться с вами и с некоторыми другими родителями.

— Я расскажу Джи про вашего мальчика. Джи очень добрый. Знаю, он постарается сразу подружиться с вашим сыном.

Гидеону стало неудобно.

— Спасибо. Это именно то, что нужно. — Он уже собирался уйти, потом внезапно обернулся. — Извините меня за беспокойство. Я тут любовался вашими занятиями и рад возможности с вами поговорить. Меня впечатлили движения, музыка. Что это?

— Мы занимаемся «Фалуньгун», если точнее, «Фалунь Дафа», — обрадованно отозвалась женщина.

— Очень любопытно! И очень красиво. Для чего это? Для улучшения физической формы?

— В частности, для этого. Это целая система духовного и телесного совершенствования, способ познания своего природного «я».

— Похоже на религию?

— Ни в коем случае. Скорее новая наука. Хотя и с применением принципов буддизма и даосизма. Можно назвать это «путь души и ума». Религия — совсем другое.

— Я бы не прочь узнать об этом больше.

Она принялась с жаром излагать то, что повторяла, наверное, очень часто.

— Практика Дафа требует соблюдения основополагающих принципов: правдивость, сострадание, выдержка. Мы все время стараемся установить таким способом и с помощью пяти простых упражнений и медитации гармонию в самих себе. Со временем упражнения преобразят ваше тело и ум, свяжут вас с глубочайшими истинами Вселенной. В некотором смысле вы встанете на путь возвращения к себе настоящему.

«Эта тема ей явно очень близка», — поразился Гидеон. Ее рассказ произвел на него впечатление. Наверное, в этом что-то было, и он почувствовал это «что-то», просто слушая и наблюдая за группой.

— К вам может поступить любой?

— Разумеется! Мы всем рады. Как вы заметили, у нас занимаются самые разные люди, с любым образом жизни, любого происхождения. Большинство — люди с западными корнями. Хотите попробовать?

— Пожалуй. Это дорого?

Она засмеялась:

— Придете, послушаете, позанимаетесь столько, сколько захотите. Обычно мы проводим занятия на английском языке по вечерам. Если со временем почувствуете, что они вам помогают, то, конечно, мы будем только приветствовать помощь нашему центру. Но плата за занятия не взимается.

— Это зародилось в Китае?

Женщина впервые замялась.

— Это связано с китайскими традициями и верованиями. Но в Китае это под запретом.

«Чрезвычайно интересно развить эту тему, — подумал Гидеон, — но у меня задача поважнее — найти пожилую женщину, бабушку».

— Спасибо за увлекательный рассказ, — произнес он вслух. — Я обязательно приду на ваши занятия. А теперь вернемся к теме школы. Мне сказали там, что у Джи есть бабушка и что они с внуком души друг в друге не чают.

— Это, должно быть, моя мама, основательница «Берген-Дафа-центра».

— Вот оно что! Можно с ней познакомиться?

Он еще не договорил, а уже понял, что зашел слишком далеко. Лицо женщины перестало быть таким открытым, как еще минуту назад.

— Извините, она занимается Дафа в другом месте и не участвует в повседневной работе центра. — Помолчав, женщина спросила: — А зачем, собственно, вам с ней знакомиться?

— Раз она так близка с внуком, — стал он выкручиваться, не забывая про улыбку, — раз возит его в школу, я подумал, было бы неплохо с ней увидеться… Но это, конечно, совсем не обязательно.

Он сообразил, что совершил еще одну ошибку. Выражение лица женщины стало непроницаемым.

— Она никогда не возит его в Трокмортон. Удивительно, что в школе вообще о ней знают. Мне странно, что о ней знаете вы.

«Влип! — удрученно подумал Гидеон. — Надо было вовремя прикусить язык».

— О ней говорили в школе… Может, бабушку вспоминал сам Джи?

Она немного смягчилась.

— Да, это на него похоже.

— В общем, не хочу больше отнимать у вас время. — Гидеон попятился, невинно улыбаясь. — Вы очень любезны.

Она сменила гнев на милость и даже вручила ему брошюру.

— Здесь расписание ознакомительных занятий. Надеюсь скоро увидеть вас с нами. А о вашем сыне, Тайлере, я обязательно скажу Джи. Может, устроим им совместную игру еще до начала занятий в школе?

— Было бы чудесно! — воскликнул Гидеон с чарующей прощальной улыбкой.

ГЛАВА 48

Орхидея вышла из закусочной на Пятьдесят первой улице и быстро зашагала в направлении Парк-авеню, вскрывая на ходу только что купленную пачку сигарет. Обертку она, не останавливаясь, бросила в урну. Домой не хотелось, девушка решила пройтись и попытаться привести в порядок мысли. Ее душила злость. Гидеон оказался настоящим мерзавцем, но это не отменяло того, что он попал в серьезный переплет. Теперь она в этом не сомневалась.

«Ему нужна помощь — что ж, я помогу. Уберегу его от преследователей, избавлю от мучений, от необходимости совершать поступки один другого невероятнее. Но как? Как ему помочь?»

Свернув за угол, она оказалась на Парк-авеню. Ливрейный привратник «Уолдорфа» распахнул перед ней двери, и она шмыгнула внутрь. Остановившись в центре огромного холла, Орхидея попыталась отдышаться. Взяла себя в руки, подошла к стойке. В памяти вовремя всплыла их вымышленная фамилия.

— Мистер Телл вернулся? Я миссис Телл.

— Сейчас позвоню в номер.

В номере не брали трубку.

— Я подожду его в холле, — сказала она.

«Должен же он вернуться, если вещи здесь».

Орхидея вытряхнула из пачки сигарету и приготовилась закурить.

— Прошу прошения, — донеслось от стойки, — курить в холле не разрешается.

— Знаю, знаю. Я выйду на улицу. — Но закурила она по пути к двери, чтобы их позлить.

Девушка делала затяжку за затяжкой, сердито вышагивая перед отелем взад-вперед. Докурила сигарету до фильтра и бросила окурок себе под ноги прямо перед носом у привратника, достала и зажгла следующую. Бродяга, обосновавшийся перед сквером церкви Святого Варфоломея, знай себе напевал под гитару. Чтобы убить время, она перешла улицу и стала слушать.

Мужчина в тонкой бесформенной полушинели перебирал струны и пел, сидя по-турецки на асфальте. Рядом лежал раскрытый футляр от инструмента, в него прохожие набросали уже немало мятых купюр.

Ноги еле держат, о Господи

Видно, смерть нашла подлеца…

Здорово у него получается! Лица не разглядеть — он низко склонялся к своей старой гитаре, да еще нахлобучил бурую шляпу, но скрипучий голос, печально повествующий о тяготах жизни, брал за душу. Ей даже показалось, что он поет не о себе, а о ней. Орхидее сделалось грустно и одновременно хорошо. Поддавшись порыву, она достала доллар и положила в футляр от гитары. Бродяга кивнул, не прерывая пения.

Ноги еле держат, о Господи.

Видно, смерть нашла подлеца…

Я не против сдохнуть, о Господи,

Если б не слезы мальца…

Последний горестный аккорд — и песне настал конец. Он отложил гитару и поднял голову.

Она удивилась, увидев перед собой азиата, к тому же очень даже ничего собой, без присущих братии уличных менестрелей признаков алкоголизма и наркомании, наоборот, с ясным и глубоким взглядом. Приобретенный на улице инстинкт тут же подсказал, что перед ней не бродяга, а нацепивший зачем-то тряпье серьезный музыкант.

— Вы отлично исполняете, вам раньше не говорили? — вырвалось у нее.

— Спасибо.

— Где вы научились так играть?

— Я апостол блюза. Я живу блюзом.

— У меня самой порой бывает такое же настроение…

От его пристального взгляда она покраснела. Он собрал деньги в футляре, спрятал их в карман, положил в футляр гитару и защелкнул замочек.

— На сегодня хватит, — сказал бродяга. — Пойду глотну кофейку в «Старбакс» за углом. Не возражаете составить компанию?

«„Не возражаете составить компанию“… Наверное, он студент колледжа Джуллиард, пробующий себя в суровой уличной обстановке. Да, не иначе», — размышляла Орхидея.

Ей понравилось его церемонное обращение, так резко контрастирующее с внешней запущенностью. В ней еще не погасла злость на Гидеона.

«Хорошо бы, он увидел меня с этим „апостолом блюза“ — это послужило бы ему хорошим уроком».

— Не возражаю, — отозвалась она. — Почему бы и нет?

ГЛАВА 49

Кивающий Журавль сидел за маленьким столиком, пил зеленый чай и покорно слушал женскую болтовню. Эта возможность сама упала ему в руки, и он знал, как ею воспользоваться, чтобы выманить Кру из укрытия, сбить с толку, принудить к обороне.

Просто чудесная возможность!

— Вы сегодня уже проходили мимо, — сказал он. — Я вас сразу приметил.

— Действительно!

— С вами был мужчина — ваш муж?

— Просто друг, — сказала она со смехом и наклонилась над столиком. — А вы? Вы же не с улицы, я права?

Кивающий Журавль не соизволил ответить.

— Вам меня не провести. — Она подмигнула. — Хотя, если честно, у вас неплохо получается маскироваться.

Он пил свой чай, словно ничего не произошло, хотя встревожился не на шутку.

— Друг? Близкий друг?

— Я бы не сказала… Вообще-то он странный.

— Да? В каком смысле?

— Выдает себя то за актера, то за продюсера. Одевается черт знает во что, выдает себя за другого, таскает меня за собой. Форменный псих! Врет, что разучивает роль, но я думаю, у него большие неприятности.

— Какие именно?

— Хотела бы я знать! Я не прочь ему помочь, но он не разрешает. Повез меня в Ривердейл, в привилегированную частную школу. Мы с ним притворялись там родителями вундеркинда. Он зачем-то стянул в школе бумаги. В «Уолдорфе» мы как сумасшедшие меняли среди ночи номера.

— Как странно!

— Ага, а потом навещали в больнице его друга, только тот уже отдал концы.

Кивающий Журавль оторвался от чашки с чаем.

— Сдается мне, он вовлечен в какие-то незаконные дела.

— Не знаю, он как будто честный. У меня от него голова идет кругом!

— Где он сейчас?

Девушка пожала плечами:

— Бросил меня в метро, взял и выпрыгнул из вагона. Сказал, что позвонит. Он вернется, ведь в номере остались все его вещи.

— Вещи?

— Он таскает с собой целый чемодан грима. И еще один, весь в замках. Понятия не имею, что в нем спрятано, он очень его бережет.

— Он хранит такой чемодан в номере?

— Нет, зачем в номере этот пластмассовый гроб? В камере хранения отеля.

Кивающему Журавлю очень повезло с этой болтушкой. Вытянув из нее все важные сведения, он опять заговорил о себе:

— Вы сказали, что я маскируюсь. В каком смысле?

— Да ладно, вы только посмотрите на себя! — Она захохотала. — Я знаю, кто вы на самом деле.

Он встал, взглянул на часы.

— В церкви Святого Варфоломея скоро начнется вечерняя служба.

— Что? Вы ходите в церковь?

— Да, слушать музыку. Я поклонник григорианского хорала.

— Ничего себе!

— Не возражаете пойти со мной?

Орхидея заколебалась.

— А что, и пойду! Только не думайте, что это свидание.

— Что вы! Мне приятно ваше общество. Чисто по-дружески.

— Хорошо, почему нет?

Через несколько минут они уже входили в церковь. Двери были не заперты, но в церкви царили пустота и сумрачность: на улице уже сгущались сумерки, а здесь еще не зажигали свет.

— Где же музыка? — удивилась Орхидея. — Здесь никого нет.

— Мы пришли рановато, — объяснил Кивающий Журавль. Он взял девушку под руку и вежливо повел по проходу вперед, к самым темным местам для певчих. — Здесь лучше всего…

— Ладно… — В ее голосе уже слышалось сомнение.

Кивающий Журавль упорно держал правую руку глубоко в кармане своей полушинели. На пальцах по-прежнему были наперстки. В темноте алтаря он вынул руку из кармана.

— Я слышу, как звенят наперстки для струн, — испуганно пожаловалась Орхидея.

— Конечно, — кивнул он. — А я все время слышу музыку. Бесконечный блюз. — Он поднял руку, помахал перед ее лицом пальцами, блеснув в темноте наперстками-когтями, и тихонько запел:

Я не против сдохнуть, о Господи,

Если б не слезы мальца…

ГЛАВА 50

Гидеон покинул учебный центр, но к машине не пошел, а побрел через лужайку к бывшей сторожке старого имения, ныне превращенной в небольшой частный дом. Шестое чувство подсказало, что там обитает пожилая поборница порядка: ровная кирпичная тропинка, цветник у входа, кружевные занавески на окнах и любопытные украшения внутри, которые он сумел разглядеть снаружи.

Он приблизился к двери как бы невзначай, но ему навстречу словно ниоткуда шагнули двое азиатов в черном.

— Чем вам помочь? — спросил один вежливо, преградив ему путь.

Гидеон не знал даже имени бабушки.

— Я пришел повидаться с матерью Фу Лиан.

— Простите, мадам Чун вас ожидает?

«Хорошо уже то, что не ошибся домом», — подумал Гидеон.

— Нет, но я отец мальчика, поступившего учиться в Трокмортонскую академию, и…

Ему даже не дали договорить. Вежливейшим образом, но вполне откровенно они подошли, взяли его с обеих сторон под руки и повели прочь от дома.

— Идемте с нами.

— Да, но Джи, ее внук, будет учиться в одном классе с моим сыном, и…

— Вам лучше пойти с нами.

Гидеон заметил, что его ведут не к машине, а к железной дверце в боковой стене главного дома. Его посетило неприятное воспоминание, как он проснулся в гонконгском отеле в окружении китайских агентов.

— Одну секунду… — Он уперся, роя каблуками землю.

Провожатые тоже остановились, напряглись и, оторвав его от земли, буквально понесли к двери.

Но тут от домика донесся голос. Азиаты замерли на месте. Оглянувшись, Гидеон увидел на ступеньках пожилую китаянку, манящую их к себе и что-то говорящую на своем языке.

Охранники поразмыслили и отпустили его. Сначала сделал шаг назад один, потом другой.

— Заходите! — позвала его хозяйка домика. — Скорее!

Гидеон покосился на охранников, но те не шевелились, и он поспешил на зов. Женщина пригласила его в гостиную.

— Пожалуйста, присядьте. Чаю?

— Спасибо, не откажусь, — ответил Гидеон, разминая помятые охранниками руки.

Вошел слуга, мадам Чун сказала ему пару слов, и он исчез.

— Простите мою охрану, — слегка улыбнулась хозяйка. — Моя жизнь подвергается сейчас опасности.

— Что за опасность? — осведомился Гидеон.

Женщина вместо ответа только опять улыбнулась.

Слуга принес изящный чайник и две крохотные фарфоровые чашечки. Пока женщина разливала чай, Гидеон тщательно ее изучал. Это точно та самая особа с видеозаписи. Ему стало страшновато рядом с ней находиться, слишком долгим и причудливым был его путь сюда. Впрочем, при встрече лицом к лицу она оказалась совсем другой: некачественная запись видеокамеры не передавала той жизненной энергии, которая ее переполняла. Он подумал, что вряд ли встречал раньше такого же энергичного человека в таких почтенных летах. Ее хотелось сравнить с юркой веселой птичкой.

Она подала ему чашечку, села на стул напротив, сложила руки на коленях и посмотрела на него так пытливо, что он покраснел.

— Вижу, у вас ко мне вопрос, — произнесла хозяйка.

Гидеон задал свой вопрос не сразу. Его мысль напряженно работала. Он заготовил несколько версий, придумал несколько сценариев, чтобы побольше из нее вытянуть. Но теперь, сидя перед мадам Чун, понимал, что ее не проведешь. Все тщательные построения, замыслы и испытанные временем ходы пришлось разом отвергнуть. Испытывая по неведомой причине страх, он не знал, что сказать. Надо было срочно

сочинить совершенно новую историю, в которой переплелись бы вымысел и правда, хотя мадам Чун, как он все лучше понимал с каждой секундой, незамедлительно его разоблачит.

— Лучше скажите мне всю правду, — молвила она с улыбкой, будто читая его мысли.

— Я...

Он не смог продолжить. Выложить все как есть значило обречь себя на поражение. От сильнейшего смущения Гидеон все гуще заливался краской.

— Тогда давайте-ка я сама вас поспрашиваю.

— Давайте, спасибо... — пролепетал он с огромным облегчением.

— Ваше имя?

— Гидеон Кру.

— Откуда вы, чем занимаетесь?

Он заколебался. Хотел было соврать, но, кажется, впервые в жизни решил не увиливать.

— Я живу в Нью-Мексико и работаю в Национальной лаборатории в Лос-Аламосе.

— Место рождения?

— Вашингтон, федеральный округ Колумбия.

— Ваши родители?

— Мелвин и Дорис Кру. Обоих уже нет на свете.

— Простите. — Она по-прежнему сверлила его своими блестящими черными глазами. — По-моему, вы профессиональный лжец. Но по всей видимости, у вас исчерпался запас лжи.

Ему нечем было крыть.

— Вот я и говорю: почему бы для разнообразия не сказать правду? Вдруг так вы скорее добьетесь желаемого?

«Похоже, старуха загнала меня в угол. Деваться некуда, путь к бегству отрезан. Как это произошло?»

Она ждала со сложенными на груди руками, с улыбкой на губах.

«Ну и черт с ней!»

— Я в некотором роде... специальный сотрудник, — выдавил Гидеон.

Ее тонко подведенные брови взлетели на лоб. Гидеон тяжело, до хрипа, вздохнул. Почему-то он не мог ей врать и испытывал от этого небывалое облегчение.

— У меня задание: выяснить, что привез в США Марк Ву, и найти привезенное.

— Марк Ву? Наконец-то вы заговорили дельно! На кого работаете?

— На Соединенные Штаты. Но не напрямую.

— А при чем тут я? — спросила она.

— Вы что-то передали Марку Ву перед тем, как он сел в машину. Сразу после этого его догнали и убили. Мне надо узнать, что вы ему дали. Кроме того, я хочу понять, действительно ли при нем были чертежи новейшего оружия и где они теперь.

Она медленно кивнула, отхлебнула чай, поставила чашку.

— Вы правша или левша?

— Левша, — сознался он, хмурясь.

Она опять кивнула, будто это что-то объясняло.

— Вытяните левую руку, пожалуйста.

Гидеон нехотя повиновался. Женщина осторожно взяла его левую руку своей правой. Сначала он чувствовал только прикосновение ее сухой кожи. А потом вскрикнул от неожиданности: его словно обожгло. Он дернулся, и она выпустила руку.

— Я постараюсь ответить на все ваши вопросы, — произнесла она, снова сложив руки на коленях. — Хоть вы и профессиональный лжец, что при вашем ремесле неизбежно, я вижу, чувствую, что в душе вы хороший человек. Думаю, помогая вам, мы поможем и себе.

Она отпила еще чаю.

— Марк Ву был ученым, он работал в Китае над секретным проектом. При этом он был последователем Фалунь Дафа. — Она несколько раз кивнула, держа длительную паузу. — Не знаю, известно ли вам, что в Китае Фалунь Дафа жестоко подавляется. Десятки тысяч людей, практикующих Фалунь Дафа, схвачены, подвергаются избиениям и пыткам, сидят в тюрьмах. Поэтому в Китае это учение ушло в глубокое подполье. В Китае у него миллионы последователей, но они живут в постоянном страхе.

— Почему в Китае так к этому относятся?

— Потому что мы — угроза для их монополии на власть. У Китая давняя история свержения империй харизматическими духовными движениями. Они не зря боятся. Дафа бросает вызов не только догмам коммунизма и тоталитарного правления, но и их новым подходам — ценностям материализма и необузданного капитализма.

— Понимаю. — Теперь Гидеону был ясен главный мотив бегства Ву. Но зачем тогда ЦРУ стало ловить его на «мед»?

— Из-за этих преследований китайские приверженцы Дафа вынуждены собираться подпольно, тайно. Но мы поддерживаем связь с нашими собратьями в Китае. Все мы друг с другом связаны. Дафа требует духа общности. Правительство пыталось заблокировать наши веб-сайты, заткнуть нам рот, но тщетно.

— Это и есть грозящая вам опасность?

— Да, но не только. — Она улыбнулась. — Вы забыли про чай.

— Ох, простите. — Гидеон поднял чашку и сделал глоток.

— Многие приверженцы Дафа — ученые и компьютерщики. Мы разработали мощную программу под названием «Фригейт». Возможно, вы о ней слышали.

— Звучит знакомо.

— Мы распространили ее по всему миру. Благодаря ей пользователи континентального Китая и других стран могут посещать веб-сайты, заблокированные их правительствами. Пользователи могут проникать за преграды, возведенные правительством вокруг сайтов, в том числе социальных сетей.

Слушая, Гидеон глотнул еще чая, распробовал его и счел восхитительным.

— Серверы «Фригейт» маскируют подлинные IP-адреса, позволяя людям осуществлять свободный онлайновый поиск. Здесь, в «Берген-Дафа-центре», у нас работает крупный узел серверов «Фригейт». По всему миру развернута целая сеть таких узлов.

Гидеон допил чай.

— Какое все это имеет отношение к Марку Ву?

— Самое непосредственное. Марк Ву вез нам секрет из Китая. Большой-пребольшой секрет.

— Вам? Хотите сказать — Фалуньгун?

Она кивнула.

— Все было готово. То, что он нам передал бы, мы бы установили на наших серверах «Фригейт». После этого секрет получил бы всемирное распространение.

Гидеон сделал стойку.

— Что за секрет?

— Мы не знаем. — Она извиняюще улыбнулась.

— То есть как? Как это возможно? Простите, не верю! — Эти слова вылетели без предварительного обдумывания.

Но мадам Чун пропустила их мимо ушей.

— Ву то ли не смог, то ли не пожелал нам его передать. Нашей задачей было распространить информацию, и только. Но ее не поступило.

— Это и было супероружие?

— Возможно. Хотя я сильно сомневаюсь.

— Почему? — Гидеон в изумлении уставился на нее.

— Потому что сам Ву описывал это совсем не так. Он говорил о новой технологии, с помощью которой Китай смог бы завоевать весь мир, начать «править миром» — так он, кажется, говорил. Но у нас не создавалось впечатления, будто это что-то опасное. К тому же я сомневаюсь, что он захотел бы огласить по всему миру планы создания нового оружия, ведь так они бы попали и к террористам. — Она помолчала. — Очень жаль, что его сразу убили.

— Если чертежи были при нем, то где же они теперь?

— Это нам тоже неизвестно. Он был очень скрытным.

— Но Ву наверняка сообщил, где и когда передаст их вам.

— Мы тщательно отобрали того человека, который бы их забрал. Один из наших связных, Роджер Марион, должен был взять их в номере гостиницы. Когда Ву прибыл в аэропорт, мы сообщили ему имя Роджера. — Она сделала паузу, будто припоминая. — Кстати, во время переговоров Ву сказал кое-что странное: мол, ему надо будет провести в своей комнате несколько минут для извлечения информации.

— Для извлечения? Не понимаю!

— Он использовал китайское выражение «кай йан», что значит «извлечь» или «вырезать». Я подумала, что информация хранилась на каком-то носителе, с которого ее надо было извлечь.

Гидеон не мог не вспомнить про рентген. Вдруг Ву привез информацию у себя внутри?

— Ву заучил наизусть цепочку цифр. Что это за цифры?

Она пристально посмотрела на него:

— Откуда вам известно про цифры?

Гидеон затаил дыхание, потом заставил себя ответить:

— После аэропорта я за ним следил и видел, как догнали его такси. После аварии я вытащил его из смятой машины. Он принял меня за Роджера Мариона и продиктовал цифры. Я попытался его спасти, но потерпел неудачу.

В этот раз молчание было продолжительным. Наконец женщина заговорила:

— Мы тоже не знаем значение этих цифр. Он сказал нам только, что их надо соединить с тем, что он привезет. Только после этого секрет перестанет быть секретом. Одно без другого не работает, нужно то и другое. Так он защищал свою тайну. То и другое он собирался передать Роджеру.

— И вы все это делали, довольствуясь одними уверениями Ву и не зная, о чем идет речь?

— Доктор Ву был очень продвинутым последователем системы Дафа. Он рассуждал чрезвычайно здраво.

Гидеон чувствовал, что вот-вот завладеет главной тайной.

— Как он описывал свою тайную информацию? Что это было: чертежи, микросхема? Что?!

— Он говорил об этом как о предмете, о вещи.

— Вещь?

— Он использовал слово «ву», а оно означает «вещь, предмет», что-то твердое. Китайцы называют этим же словом науку физику. Кстати, его фамилия и это слово не одно и то же. Произношение ниже.

Гидеон опять вспомнил рентген ног Ву. Ноги были переломаны, в них проникли фрагменты стали и пластика. Он очень внимательно изучил на снимках все эти осколки, но, возможно, что-то все же проглядел? Вдруг среди этих кусочков затесался искомый предмет? Он искал чертежи, микросхему, микроконтейнер. А если это было что-то совершенно другое, просто неровный кусочек металла?

Кусочек металла…

По словам О’Брайена, его знакомая по фамилии Эпштейн, физик как раз по этой части, говорила, что цепочка цифр смахивает на формулу сплава. Вот оно… Вот оно!

— Поймите, — продолжила мадам Чун, — доктор Ву не планировал побег в США. Он — преданный гражданин своей страны, патриот Китая. Но как ученый он считал, что таков его нравственный долг. Он собирался поведать о своем великом секрете всему миру, воспользовавшись нашими серверами, чтобы этот секрет уже никогда не смогли снова спрятать. Это должно было стать подарком, понимаете? Даром всему миру. От нас.

Получается, Минди ошибалась насчет мотивов Ву… Но сейчас у Гидеона появились заботы поважнее. Он лихорадочно размышлял.

«Ноги Ву нашпигованы металлом. Его тело до сих пор находится в морге, дожидается, чтобы я, „как самый близкий человек“, его затребовал. Господи, поспешить туда и вырезать осколок — только и всего! Но сначала надо еще раз изучить рентгеновские снимки и разобраться, что именно вырезать. Скорее к О’Брайену и к его знакомой!»

Он вспомнил о мадам Чун, не спускающей с него глаз.

— Мистер Кру, — сказала она, — вы должны понимать: завладев тем, что вез нам доктор Ву, вы должны будете передать это мне.

Пришла его очередь таращиться на нее.

— Надеюсь, вы понимаете? Это обязанность, от которой вы не сможете уклониться. — Мелодично выделив заключительные слова напутствия, мадам Чун одарила его лучезарной улыбкой.

ГЛАВА 51

Гидеон Кру вернулся в «Уолдорф» к одиннадцати часам вечера. Он воспользовался служебным входом, чтобы его не увидел Кивающий Журавль, который, как он опасался, по-прежнему музицировал перед церковью Святого Варфоломея. Размышляя об этом на обратном пути из Нью-Джерси, он сообразил, что оттуда, со ступенек, Кивающему Журавлю были отличны видны окна обоих его номеров, главный подъезд отеля и вход на Пятьдесят первой улице. Он не мог быть уверен, что враг знает об обоих номерах, но лучше исходить из худшего. Кивающий Журавль превосходно выбрал позицию.

Кляня себя за глупость, Гидеон поднялся в служебном лифте на этаж, где находился его запасной номер. Там он не стал включать свет на

случай, если Журавль продолжает наблюдение снизу. Правда, тот мог поджидать его прямо в номере… Гидеон замер и прислушался. Впервые он пожалел, что утопил в реке револьвер и не потребовал у Гарсы другой.

Больше всего его пугало не то, как успешно Кивающий Журавль вышел на его след, а то, как здорово тот владел блюзовой гитарой. Несмотря на услышанное от Джексон, он думал, что имеет дело с наемным китайским убийцей — карикатурой из фильма про кунг-фу, экспертом по боевым искусствам, ничего не смыслящим в американской культуре. Изъяном такого противника было бы чувство чужака, незнание города. Только теперь до него дошло, как сильно он заблуждался.

Гидеона прошиб озноб. В комнате стояла зловещая тишина, воздух был неподвижен. Переведя дух, Гидеон подошел к кровати и вынул из-под нее чемодан. Света из окна было достаточно, чтобы убедиться, что к чемодану не притрагивались. Он набрал комбинацию цифр и открыл чемодан. Взяв оттуда конверт с рентгеновскими снимками Ву и медицинским заключением, снова запер замок. Снял пиджак, засунул конверт под рубашку, надел пиджак.

Мысли о собственном рентгене и компьютерной томографии он постарался прогнать: отвлечься значило заведомо проиграть.

С улицы донеслось нарастающее завывание сирен. Гидеон поднял оконную раму и выглянул. В церкви неподалеку что-то происходило. Выходящие на Парк-авеню улицы были перегорожены каретами «скорой помощи» и машинами полиции, толпа любопытных прибывала на глазах. Полицейские расставляли заграждения и сдерживали зевак. Кивающего Журавля с гитарой видно не было: наверное, суматоха заставила его сменить наблюдательную позицию. В том, что он продолжает наблюдение, Гидеон не сомневался.

Он выскользнул из номера, неслышно затворив за собой дверь. В ярко освещенном коридоре было тихо. Гидеон торопился к Тому О’Брайену, причем попасть туда надо было так, чтобы исключить всякое преследование. Фокус с подземкой в первый раз себя оправдал, но во второй раз Кивающий Журавль уже не позволит так себя провести. Теперь он наверняка готов опознать Гидеона в любом обличье.

Вопрос требовал размышления. У отеля «Уолдорф» четыре выхода: один на Парк-авеню, один на Лексингтон-авеню и два на Пятьдесят первую улицу. Кивающий Журавль мог держать под наблюдением любой из них. Возможно, он даже видел, как Гидеон входил в отель.

«Дьявол! Как теперь добраться до Колумбийского университета? Идея! Толпа перед церковью может, по иронии судьбы, помочь оторваться от преследования. Скорее туда!»

Он спустился в лифте, прошел через холл и вышел через главную дверь.

ГЛАВА 52

Гидеон нырнул в толпу, выползшую на Парк-авеню. В Нью-Йорке толпа может собраться в любое время дня и ночи — есть чему удивиться! Он снова огляделся, но Киваюущего Журавля поблизости не обнаружилось — по крайней мере он не узнал его ни в ком из людей поблизости. Это как раз удивления не вызвало: дело приходилось иметь с чрезвычайно ловким противником.

Началось проталкивание сквозь толпу. Если удастся быстро достигнуть другого берега людского моря, то преследователю — если он здесь — придется сделать то же самое и тем самым выдать себя.

Когда он достиг середины людской гущи, она дружно ахнула. В дверях церкви появились санитары с носилками и покатили их вниз по полозьям для инвалидов. На носилках лежало тело в мешке. Кто-то, видимо, умер — учитывая наплыв полиции, насильственной смертью.

Толпа напирала, возбуждение нарастало. Санитары шустро катили носилки с телом сначала через церковный сквер, потом по временному коридору внутри полицейских ограждений, ведшему к «скорой». Обстановка способствовала бегству. Гидеон протолкался к ограждению, перемахнул через него, пересек узкое пустое пространство и нырнул под ограждение с другой сторону коридора, чтобы снова утонуть в толпе. На окрик копа можно не реагировать: полиции сейчас не до него.

Гидеон вырвался из толпы, проводившей его бранью, и заторопился по Парк-авеню прочь от столпотворения. На бегу он оглядывался: сначала чтобы узнать, преодолел ли кто-нибудь следом за ним ограждения, потом — не выпихнула ли кого-нибудь толпа. Но никого не увидел. Он свернул вправо, перебежал улицу на красный свет и — вот удача! — налетел на такси, как раз высаживавшее пассажира.

— Западная Сто двадцатая, между Бродвеем и Амстердам-авеню! — скомандовал он, садясь. — Быстрее!

Таксист отъехал от тротуара. Проезжая мимо толпы, Гидеон снова не разглядел в ней ни преследователя, ни желающего остановить такси, чтобы погнаться за ним. Оставались считанные минуты до полуночи. Он достал мобильный телефон и позвонил Тому О'Брайену.

— Привет! — раздался в ухе саркастический голос. — В кои-то веки звонишь в приличное время. Что у тебя?

— Я узнал, с какой тайной к нам пожаловал Ву. Это какой-то особый состав или сплав. И находится он в его ноге.

— Час от часу не легче!

— Я везу тебе рентгеновские снимки. У него в ногах полно посторонних предметов — на то и авария. Без тебя мне не найти то, что нужно.

— Мне понадобится Эпштейн, она все-таки физик.

— Я так и думал.

— А что потом?

— То есть?

— Мы опознаем кусок металла — и что дальше?

— Я еду в морг и выковыриваю эту штуковину.

— Как мило! Каким же образом?

— Я уже числюсь у них «близким Ву человеком». Меня ждут, я должен забрать тело. Не предвижу затруднений.

В телефоне раздался сиплый смех.

— Ты один такой на свете, Гидеон, тебе это известно?

— Ладно, готовься. Времени у меня в обрез.

Следующий звонок — Орхидее. Гидеон надеялся, что девушка будет рада услышать, что он почти покончил со всеми своими неприятностями и сможет с ней увидеться если не завтра, то не позднее послезавтра. Но телефон Орхидеи молчал. Ему стало гадко на душе: не иначе занята с клиентом!

ГЛАВА 53

— И тебе счастливого Рождества! — приветствовал О’Брайен ввалившегося без стука Гидеона.

— Это тот, о котором ты рассказывал? — спросила физик Эпштейн, кое-как устроившаяся на маленьком диванчике и еще не переставшая сердиться из-за того, что ее подняли с постели в такой поздний час. Волосы у нее были растрепаны, настроение хуже не придумаешь, а все потому, как считал О’Брайен, что, когда он разбудил ее среди ночи, она решила, будет кое-что более интересное. Он уважал эту женщину за постоянную готовность к здоровому интиму.

— Познакомьтесь: Эпштейн, Гидеон. Гидеон, Эпштейн.

— О’Брайен называет вас Сэди, — отозвался Гидеон, пожимая вяло протянутую руку.

— Всякий называющий меня Сэди рискует схлопотать по уху, — сонно пробормотала она. — Если у вас будет скучно, схлопочете оба.

— Скучать не придется, — пообещал О'Брайен и стал быстро излагать заранее заготовленную версию. — Помнишь те цифры? Мы раздобыли рентген контрабандиста, он попал в аварию. Он вез свою контрабанду в ноге, чтобы обмануть таможню…

Эпштейн махнула рукой, чтобы О'Брайен замолчал, и повернулась к Гидеону:

— Лучше ты расскажи.

Гидеон внимательно на нее посмотрел. От утомления ему было противно врать.

— Лучше тебе ничего не знать — целее будешь.

— Тебе виднее. Приступим?

Том О'Брайен, любитель загадок, возбужденно потер руки.

— Давай свои рентгеновские снимки! — поторопил он Гидеона.

Гидеон достал из-под рубашки большой конверт. О'Брайен смахнул мусор с маленького столика, разложил снимки, направил на них свет. Эпштейн попыталась рассмотреть снимки, не вставая с диванчика.

— Ну и мерзость!

— Я резюмирую. — О'Брайен не переставал потирать руки. — Бедняга вез в собственной ноге что-то очень сложное и запомнил соотношение различных элементов, из которых оно состоит. Таково мнение Эпштейн о цифрах, которые ты нам дал. Верно?

Женщина кивнула.

— Идем дальше. Теперь перед нами рентгеновские снимки, и мы должны разобраться, какие включения нам искать. Хочешь взглянуть поближе, Эпштейн?

— Не хочу.

— Почему? — О'Брайен уже начинал злиться.

— Потому что понятия не имею, что вы ищете. Сплав? Окись? Еще что-нибудь? Разные составы по-разному реагируют на рентгеновские лучи. Это может быть что угодно.

— А ты что думаешь? Ты же у нас физик по конденсированным средам.

— Сначала объясните, что здесь происходит, чтобы я могла начать гадать.

О'Брайен со вздохом посмотрел на Гидеона:

— Сказать ей?

Гидеон немного помолчал и произнес:

— Придется. Только это секретные сведения. Если кто-то еще узнает, что ты в это посвящена, твоя жизнь будет в опасности.

— Избавьте меня от своей шпионской муры! Ничего я никому не скажу, да мне никто и не поверит. Так что выкладывайте.

— Вот уже несколько лет, — начал Гидеон, — китайцы работают в одном из своих ядерных центров над проектом строжайшей секретности. В ЦРУ считают, это какое-то новое оружие, но то, что я узнал, их информацию не подтверждает. Больше похоже на научное открытие, благодаря которому Китай сможет, как там считают, подчинить себе весь мир.

— Это вряд ли, — покачала головой Эпштейн. — Продолжай.

— Один китайский ученый прибыл с этим секретом в США — не для того, чтобы передать его нам, а совсем с другой целью…

Эпштейн наконец сменила положение «полулежа» на сидячее и проявила некоторый интерес к рассказу Гидеона.

— Так он что же, привез этот секрет в собственной ноге?

— Совершенно верно. Секрет состоит из двух частей: штуковины у него в ноге и цифр, которые мы тебе называли. Как ты, наверное, уже заподозрила, одно без другого не работает. Ученый погиб в автокатастрофе. Это рентгеновские снимки, сделанные в отделении неотложной помощи.

Теперь Эпштейн проявила к снимкам неподдельный интерес.

— Судя по цифрам, — заговорила она, — мы имеем дело с композитным материалом, состоящим из ряда сложных химических соединений или сплавов. У тебя есть увеличительное стекло? — обратилась она к О'Брайену.

— Линза. — Он долго рылся в ящике и наконец нашел. Пригляделся к линзе, фыркнул и долго вытирал ее краем своей рубахи.

Эпштейн вставила линзу себе в глаз и снова наклонилась над снимками, изучая одно за другим белые пятнышки.

— Ну и нашпиговало его! Сколько здесь всего!

— Ужасная авария, — согласился Гидеон.

Она медленно двигалась от одного пятнышка к другому. Процесс получился тягостный. Прошла вечность, прежде чем Эпштейн, покончив с одним снимком, взялась за второй, еще раз вечность, пока настал черед третьего. Здесь ее внимание тут же привлек какой-то незначительный штришок. Эпштейн долго его рассматривала, потом выпрямилась. Линза выпала у нее из глаза. Она сияла. Преображение было таким разительным, что О'Брайен попятился от неожиданности.

— Что там? — спросил он почтительным шепотом.

— Невероятно! — прошептала она в ответ. — Думаю, я знаю, что это такое. Все вдруг соединилось и приобрело смысл.

— Что?! — хором крикнули Гидеон и О'Брайен.

Эпштейн широко улыбнулась:

— Вам действительно хочется узнать?

— Не томи, Эпштейн, нам не до игр! — взмолился О'Брайен, увидев в ее глазах блеск. В такое возбуждение эта женщина при нем еще не приходила.

— Это только догадка, — кивнула она, — но, кажется, хорошая... Одно это соответствует тем фактам, в которые вы меня посвятили, и этой диковине на снимке.

— Что? — повторил О'Брайен еще настойчивее.

Она дала ему линзу.

— Видишь вот это? Похоже на короткий гнутый проводок.

О'Брайен наклонился к снимку и увидел согнутую в нескольких местах проволочку среднего диаметра, длиной миллиметров шесть.

— Обрати внимание на концы проводка.

Он увидел на концах тени с размытыми краями.

— Ну и что?

— Я про тени. Рентгеновские лучи отразились от кончиков проводка. Проводок каким-то образом абсорбировал рентгеновские лучи и перенаправил их через кончики.

— Не понимаю. — О'Брайен выпрямился и вынул из глаза линзу.

— В это почти невозможно поверить! Материал, способный улавливать, фокусировать и перенаправлять рентгеновские лучи? Мне известен один-единственный материал, способный на такое.

О’Брайен и Гидеон переглянулись. На лице Эпштейн появилась озорная улыбка.

— Обращаю ваше внимание на то, что это провод.

— Господи, Эпштейн! — не выдержал О’Брайен. — Ты доведешь нас до нервного припадка. Что с того, что это провод?

— Для чего нужны провода? — спросила она.

О’Брайен со вздохом покосился на Гидеона. Тот точно так же боролся с нетерпением.

— Провода проводят ток, — изрек Гидеон.

— Совершенно верно.

— Ну и что?

— Это особенный проводник. Он пропускает через себя электрический ток, но по-своему.

— Ты меня вконец запутала, — пожаловался О’Брайен.

— Мы столкнулись с суперпроводником, работающим при комнатной температуре! — торжественно провозгласила она.

О’Брайен и Гидеон Кру переглянулись.

— И все? — простонал О’Брайен.

— Все?! — Эпштейн округлила глаза, не веря в подобное невежество. — Действительно, подумаешь! Священный Грааль энергетических технологий — эка невидаль!

— Я ждал чего-то, что перевернет мир… — проворчал О'Брайен.

— Это именно такая бомба, болван! Прикинь, девяносто девять процентов всей производимой в мире электроэнергии уходит на сопротивление при транспортировке от источника к пользователю. Девяносто девять процентов! — Она глубоко вздохнула. — Но проволока со сверхпроводимостью обеспечивает передачу электроэнергии без всякого сопротивления и, значит, без потерь. Если заменить все линии электропередачи в Америке на проводники, сделанные из этого материала, то потребление электроэнергии сократится на девяносто девять процентов.

Теперь до О’Брайена дошло.

— Боже правый!

— Все потребности США в электроэнергии можно будет обеспечить одним процентом всех имеющихся сейчас мощностей. Этот процент легко поставят существующие солнечные, ветровые, гидро- и атомные электростанции. Конец сжиганию угля и мазута! Колоссальное снижение стоимости транспортировки и производства. Электричество станет практически бесплатным. Эксплуатация автомобилей с электромоторами становится бесплатной, а это смертный приговор индустрии производства машин с бензиновыми двигателями. Сворачивается нефтяная и угольная промышленность. Конец добыче топлива из недр! Больше никаких парниковых газов, ОПЕК не сможет больше держать за горло остальной мир.

— Иными словами, — подал голос Гидеон, — страна, контролирующая это открытие, экономически возобладает над всеми остальными.

Эпштейн хрипло рассмеялась:

— Это еще что! Страна, владеющая этим материалом, будет контролировать всю мировую экономику и править миром.

— А остальным придется заткнуться и встать на задние лапки, — вставил О'Брайен.

Эпштейн покосилась на него:

— Это еще очень мягко сказано.

ГЛАВА 54

Пусть смолкнет разговор,

Пусть раздается смех:

Здесь смерть живым

На радостях поможет.

Было два часа ночи, и Гидеон Кру уже устал от девиза на двери морга. Он перечитывал его снова и снова и негодовал на иезуитское сочетание траура и самодовольства. На его вкус, ничего радостного в этом мрачном и зловонном заведении не было — как не было ничего радостного и смешного, кстати, и в самой смерти.

Он ждал уже сорок пять минут и окончательно извелся. Дежурная санитарка двигалась медленно, как водолаз по дну, перебирала бумажки, отвечала на звонки, бормотала себе под нос, щелкала, как кастаньетами, неприлично длинными кроваво-красными ногтями.

В конце концов он не выдержал и встал.

— Простите, я жду уже почти час!

Щелканье оборвалось, санитарка подняла на него глаза. Она оказалась крашенной в блондинку брюнеткой, о чем напоминали черные корни волос, непробиваемой уроженкой Нью-Йорка старой закваски.

— У нас тут убийство, персонал занят.

«Тоже мне невидаль для Нью-Йорка! — раздраженно подумал Гидеон. — Уж не то ли тело, которое я видел в мешке на носилках под церковью Святого Варфоломея?»

— Это все чудесно, но мой… мой партнер лежит в лотке вашего холодильника, и мне всего-то и нужно, что пять минут с ним наедине! — Он очень старался изобразить голосом скорбь. — Пять минут!

— Мистер Кру, — откликнулась девица без тени сочувствия, — полагаю, вы помните, что останки вашего партнера провели здесь в ожидании ваших распоряжений уже пять дней? За этот срок можно было найти время заглянуть к нам. Вот здесь написано, что мы пытались связаться с вами, — она потыкала пальцем в клавиатуру, — с полдюжины раз.

— Я потерял сотовый телефон, — нашелся Гидеон. — И к тому же отсутствовал.

— Пусть так. Но, явившись в час ночи, странно ожидать, что прямо к вашему приходу все будет готово. — И она окинула его взглядом, говорившим о закаленной неуступчивости.

Гидеон почувствовал себя понесшим заслуженное поражение глупцом. Она, без сомнения, права. С другой стороны, резак прожигал дыру у него в кармане, в сумке уже дымились рентгеновские снимки, к тому же он не мог не думать о зловещем Журавле, о том, чем тот занят сейчас, не подобрался ли совсем близко, не засел ли у самого морга. Чем дольше затягивалось ожидание, тем больше времени он предоставлял Киваюущему Журавлю.

— Сколько еще ждать?

Красные ногти опять защелкали, тасуя бумажки.

— Когда кто-нибудь освободится, я вас вызову.

Он послушно уселся и мрачно уставился на дурацкий девиз. Из-за двойных дверей из нержавеющей стали, исцарапанных носилками со скорбным грузом, доносились разнообразные звуки. За дверями разворачивались события, связанные, видимо, с недавним убийством. Теперь он почему-то не сомневался, что это именно жертва из церкви Святого Варфоломея. Старейший, самый почитаемый храм Нью-Йорка с самыми состоятельными прихожанами стал ареной убийства!

— Что за этими дверями? — поинтересовался Гидеон.

Дежурная снова посмотрела на него.

— Аутопсия, холодильники, кабинеты.

За двойными дверями снова зашумели, там разворачивалась какая-то бурная деятельность. Он посмотрел на часы: уже почти полтретьего ночи.

На столе дежурной ожил коммутатор. Она тихо ответила на звонок, потом взглянула на беспокойного посетителя:

— Сейчас вам помогут.

— Вот спасибо!

Из дверей вывалился мужчина в не слишком чистом белом облачении. Неаккуратное бритье оставило у него на шее кровавые точки и царапины. Он заглянул в свой блокнот.

— Джордж Кру?

— Гидеон. Гидеон Кру.

Сотрудник морга молча отвернулся и зашагал прочь.

— Мне бы хотелось немного побыть с ним наедине, — пробормотал Гидеон в спину своему провожатому.

Ответа он не услышал.

Они прошли по линолеуму длинного, ярко освещенного коридора и уткнулись в следующую дверь, за которой, видимо, находилась прозекторская. В дверные окна можно было разглядеть ряды столов из нержавейки и серой керамики, оранжевые баки для отходов, многочисленные контейнеры. Вокруг одного из столов толпились люди, в том числе детективы в штатском и полицейские в форме. На столе лежал, по всей видимости, тот самый убитый.

— Сюда, пожалуйста.

Гидеон проследовал за сотрудником в другую дверь, по следующему коридору. Наконец они оказались в длинном помещении, одна стена которого была занята металлическими ящиками с фирменным знаком «SO-Low INC.» над ручками. Холодильник!

Сотрудник сверился со своей памяткой, беззвучно шевеля губами, и, пройдя несколько лотков, остановился перед нужным. У него на поясе была цепочка с ключом, которым он отпер дверцу. Внутри находился глухо застегнутый на молнию серый пластиковый мешок. В ноздри

Гидеону ударил горький вишневый запах формальдегида, почти не перебивающий дух мертвой человеческой плоти.

— Это точно мистер Ву? — Гидеон неожиданно для себя занервничал.

— Так здесь написано. — Сотрудник сверил запись в памятке с ярлыком на мешке.

Гидеон нащупал в кармане пластмассовые ручки резака. Несмотря на холод морга, ручки были скользкими от его пота. Ему предстояло нелегкое дело. Он сглотнул и попытался собраться с силами.

— Хочу побыть с ним наедине. — Гидеон сопроводил свою просьбу подобием всхлипа. Получилось неважно, скорее как икота.

На сей раз он добился от сотрудника кивка согласия. Казалось, тому хотелось оставаться здесь не больше, чем самому Гидеону.

— Пять минут?

— Может, десять? — Второй всхлип удался Гидеону лучше. Сотрудник прохрипел что-то вроде «угу».

— Я подожду в коридоре.

— Большое спасибо.

Сотрудник вышел и захлопнул за собой дверь. Флуоресцентные светильники негромко гудели, шумела система кондиционирования воздуха, запах в холодильнике был такой сильный, что впору хлопнуться в обморок.

Десять минут! Значит, надо пошевеливаться. Он представил рентгеновский снимок с проводком и вспомнил, где именно он находится: внутри левого бедра, в легкодоступном для самого Ву месте, неглубоко — по той же самой причине. Если повезет, на коже остался шрам — если за эти пять дней не произошло сильного разложения…

Гидеон набрал в легкие побольше воздуху и потянул за застежку на мешке, мысленно сравнив ее с холодным червяком. Еще вдох, рывок — и вот перед ним лицо, голая безволосая грудь с V-образным наспех зашитым разрезом от вскрытия. Обтерли тело неаккуратно, оставив сгустки крови и какие-то ошметки. На теле были и другие шрамы, залатанные более тщательно — наверное, когда Ву еще был жив.

И вонь, тошнотворная вонь!

Левой рукой он достал из кармана резак, вытер его, открыл лезвие. Пора!

Последним рывком он полностью расстегнул молнию — и глаза чуть не вылезли из орбит. Хотелось орать, но из глотки вырвался только хрип.

— Ноги! Вашу мать, что случилось с его ногами?!

ГЛАВА 55

В нескольких кварталах к северу от автобусной станции Нью-Йоркского порта, на самом берегу Гудзона, громоздилось, занимая целый квартал, десятиэтажное здание почти без окон, сложенное из бурого известняка. Первоначально в нем располагалась фабрика и штаб-квартира компании «Нью-Амстердам бланкет», выпускавшей одеяла и другие шерстяные изделия. Потом, когда компания прекратила существование, здание превратили в склад со сдачей ячеек в розницу. Когда и это дело прогорело и было ликвидировано за неуплату налогов, складские ячейки, претерпев некоторые изменения, стали с ведома отцов города «временными» убежищами для бездомных. Заведение носило официальное название «Комплекс временного проживания имени Абрама С. Хьюитта», но имелось и неофициальное — «Муравейник», ибо здесь кишели тысячи отчаявшихся и опустившихся людей.

Складская ячейка, по совместительству квартира-студия Кивающего Журавля, находилась на седьмом этаже «Муравейника» и полностью его устраивала. Грязный плащ, надвинутая на глаза шляпа и всегда опушенная голова делали его неотличимым от остальных жильцов. Только обшарпанный гитарный футляр служил приметой, позволяющей выделить его на общем фоне нищеты и уныния.

В 2.45 ночи он появился в узком коридоре седьмого этажа и зашагал мимо клетушек, задраенных опускными железными шторами, слегка пиная коленом свой футляр. Из-за стен доносились кашель, храп и прочие, хуже идентифицируемые звуки. Дойдя до собственной двери-шторы, он отпер ее ключом, приподнял наполовину, поднырнул под нее, снова опустил и задвинул тяжелый засов. Дернул шнурок, включающий лампочку без абажура под потолком, огляделся. За щелью, выполняющей функции окна, чернела вентиляционная шахта.

Он знал, что в его норе никто не побывал: недаром он заменил «родной» замок более надежным, собственного приобретения, с пятиштырьковым барабаном и скобой из нержавейки, к которому за время его отсутствия никто не притронулся. Впрочем, контрольный осмотр жилья стал для него естественным, как дыхание. Осматривать было почти нечего: сиротский матрас, вытертое кожаное кресло, рисовая циновка, ящик с бутылочками газировки, несколько мотков туалетной бумаги. В одном углу находился переносной CD-плейер и стопка многократно использованных компакт-дисков с блюзами, в другом — несколько книжек карманного формата. Кивающий Журавль отдавал

предпочтение Хемингуэю, Марку Твену и литературе по боевым искусствам династии Тан, вроде «Бунтовщиков на болоте».

К категории украшений можно было отнести всего один предмет в комнатушке: изломанную и выцветшую фотографию горного хребта в горной системе Памир в провинции Синьцзян. Аккуратно положив гитару и повесив на железный крюк плащ и шляпу, Киваующий Журавль опустился на коврик и целых пять минут не спускал глаз с этой фотографии, сидя в позе крайней сосредоточенности.

Он появился на свет в этих горах, вдали от деревень. Его отец, бедный пастух, умер, когда Киваующему Журавлю еще не исполнилось года. Мать пыталась свести концы с концами, сынишка помогал ей как мог. Однажды, когда Киваующему Журавлю было шесть лет, рядом с их домиком остановился незнакомец. Он не был похож на тех, кого мальчик успел увидеть, и изъяснялся по-монгольски неважно, со странным акцентом. Он сказал, что приехал из Америки — места, о котором мальчик едва слыхал, и назвался миссионером, путешествующим по деревням, хотя Киваующий Журавль принял бы его скорее за бродягу, чем за пилигрима. За еду человек платил людям молитвой и обучением божественным речениям.

Мать мальчика пригласила прохожего на вечернюю трапезу, и тот согласился. За едой рассказывал о дальних краях, о своей неведомой вере. Он неловко обращался с палочками для еды, вытирал рот рукавом, то и дело отхлебывал из своей фляжки. Журавлю не понравилось, как гость разглядывал влажными глазами его мать. Тот то и дело затягивал унылую песню на совершенно чужой для мальчика мотив. После ужина, за чаем, гость стал заигрывать с хозяйкой дома, а когда она вырвалась, повалил ее на пол. Киваующий Журавль кинулся на него, но был отброшен в угол. Когда мерзавец стал насиловать женщину, сын снова попытался ее защитить, но противник был силен, он стукнул мальчика камнем, и тот лишился чувств. Очнувшись, он нашел мать задушенной.

Через несколько дней шаолиньские монахи забрали его в свой храм. Жизнь в монастыре пришлась ему не по вкусу, понравились только уроки кунг-фу. Освоив все, чему его могли там научить, он сбежал и отправился сначала в Хух-Хото, потом в Чанчунь, где, обитая на улице, превратился в ловкого воришку. Его поймала полиция и, оценив талант, направила в «Учреждение-610» для специальной подготовки.

Не проходило дня, чтобы Киваующий Журавль не предавался этим горьким воспоминаниям, глядя на выцветшую фотографию своей далекой родины. Это было его медитацией. После нее он вставал и долго занимался дыхательными упражнениями и разминкой, затем в полнейшей тишине выполнял все двадцать девять элементов ката

«летящая гильотина». После них, дыша немного учащенно, опускался на свой рисовый коврик.

Гидеон Кру почти достиг своей цели. Кивающий Журавль уже не сомневался, что добудет с его помощью искомое. Приведя его к цели, Кру будет убран со сцены. Наставало время для финта, для неожиданного удара сбоку. Этой цели послужит девчонка.

«Не давай врагу передышки, — писал Сан Цзу. — Нападай, когда он не подготовлен, появляйся там, где тебя не ждут».

После той ночи на Памире Кивающий Журавль ни разу не улыбнулся. И все же сейчас он чувствовал внутри себя тепло, удовлетворение от совершенного насилия и ожидание нового применения силы.

Запустив руку в разошедшийся шов матраса, он достал твердый обтекаемый предмет из пластика, который прятал в набивке. Отключив взрывное устройство, стерегшее предмет — коробку — от чужих рук, он поднял крышку. Внутри лежало шесть сотовых телефонов, паспорта — китайский, швейцарский, британский и американский, много тысяч долларов в различных валютах, пистолет «глок-19» с глушителем и светлый шелковый платочек с изысканной вышивкой.

Платок он достал осторожно, с любовью. Платок матери. Расстелив его у себя на коленях, он дотянулся до кармана плаща и вынул свои наперстки, все в крови и мелких ошметках, утратившие свой характерный блеск.

Он взял бутылочку с газировкой, намочил бумажное полотенце и разложил перед собой наперстки. Давно уже он присвоил каждому из них имя китайского божества. Сейчас, очищая их по очереди, любовно называл каждый наперсток по имени. Наперсток для мизинца звался Ао Гуань в честь царя-дракона Восточного моря, некогда посеявшего хаос во всем грешном мире. Наперсток для безымянного пальца имел название Фей Лиань, в честь Летучего Занавеса, бога ветров. Наперсток для среднего именовался Цзу Лон, в честь бога Огня, наперсток для указательного — Цзи Юшухуа, в честь бога бескрайней Внешней Тьмы. И главный из пяти, для большого пальца, назывался Лей Гон, в честь князя Грома, расправлявшегося со смертными, сходившими с верного пути.

С помощью наперстка на большом пальце Кивающий Журавль выдергивал из горла своих жертв трахею, тогда как остальные четыре просто кромсали живую плоть. Главный наперсток сегодня оказался грязнее других, и для его мытья понадобилось больше воды.

Наконец наперстки-когти засияли как новенькие, его полная любви забота вернула гармонию и равновесие им и всему окружающему миру.

Теперь они могли спокойно ждать возможности снова сделать свое дело. Кивающий Журавль просто последует их зову.

Он трепетно завернул свои когти в материнский платок, убрал их в деревянную шкатулку и, растянувшись на матрасе, заснул, баюкаемый ночными звуками беспокойного «Муравейника».

ГЛАВА 56

— Где ноги?! — Гидеон редко терял самообладание, но теперь это случилось. Он совершенно вышел из себя.

Прибежал сотрудник морга.

— Спокойно, спокойно...

— Мне никто не говорил! У меня не спросили разрешения!

— Послушайте, не надо крика...

— Да пошел ты! Хочу и буду! — надрывался он на весь коридор. На его крик должен был вот-вот сбежаться весь морг, как бы ни двусмысленно это звучало.

— Здесь нельзя кричать, — вразумлял его сотрудник. — Если вы не успокоитесь, мне придется позвать охрану.

— Валяй, зови! И спроси у них, кто спер ноги — ноги моего любимого! — Даже безумствуя, он не должен забывать свою роль.

В холодильник ворвался еще один сотрудник морга, за ним охранник.

Гидеон набросился на них:

— Мне надо знать, куда девались ноги Майка!

— Прошу прощения, — отозвался один из сбежавшихся на крик. В отличие от остальных, поддавшихся панике, он сохранил спокойствие, поэтому Гидеон распознал в нем главного. — Я старший смены. Успокойтесь, сэр. — Он повернулся к сотруднику, сопровождавшему Гидеона: — Принесите медицинское заключение умершего.

— Мне нужно не медицинское заключение, а его ноги!

— В заключении должно быть написано про ноги, — объяснил старший, беря Гидеона под локоть. — Поймите, так мы узнаем, что произошло. Я подозреваю... — Он помялся. — Наверное, их пришлось ампутировать.

Слово «ампутировать» повисло в воздухе, как дурной запах.

— Но... — Гидеон не договорил, потому что сообразил, что к чему. Раздавленные нижние конечности бедняги лечению не подлежали.

Наверное, их оттяпали, борясь за его жизнь. Нужно было это понять при первом же взгляде на рентген Ву.

Сотрудник вернулся в сопровождении белокурой дежурной, несшей свежеотпечатанный лист. Старший смены взял его, просмотрел и подал Гидеону.

Так и есть: ампутация нижних конечностей через несколько часов после доставки пострадавшего в больницу — скорее всего вскоре после рентгена… Гидеон вернулся к только что прочитанному. С тех пор прошла неделя. Никаких ног он уже не получит. Он судорожно глотнул. Разочарование было так велико, что он временно лишился дара речи.

— Полагаю, порядок восстановлен, — заключил старший, и персонал стал расходиться.

Гидеон откашлялся.

— Что дальше стало с… с ними?

Старший смены все еще участливо поддерживал его под руку.

— Наверняка их отправили в отходы.

— На свалку, что ли?

— Нет, медицинские отходы сжигают.

— О!.. Сколько же на это уходит времени?

— Понятно, что долго их не хранят. Поймите, как мне ни жаль, ног уже нет. Знаю, какой это удар для вас, но… Словом, ваш друг все равно мертв. — Старший указал на тело. — То, что вы здесь видите, только бренная оболочка. Ваш друг уже совсем в другом месте, и там ему ноги ни к чему. По крайней мере я в это верю. Если вы, конечно, не возражаете против таких речей.

— Нет, не возражаю, просто… — Гидеон осекся. Он не мог смириться с тем, что все кончено, что он потерпел поражение.

— Мне очень жаль, — повторил старший.

Гидеон кивнул.

— Чем еще вам помочь? — вежливо поинтересовался врач.

— Спасибо, не надо, — отозвался удрученный Гидеон. — Здесь мне больше нечего делать. — Он застегнул молнию на мешке и задвинул поддон с телом в ящик. Нетрудно было представить, что на все это скажет Эли Глинн.

Покидая холодильник, он впервые обратил внимание на монументальную чернокожую женщину в дверях. На ней была одежда для хирургической операции, но маску она опустила на подбородок.

— Эй! — окликнула она Гидеона. — Я вас невольно подслушала. Доктор Браун, патологоанатом.

Старший смены поздоровался с доктором Браун, и все замолчали.

— Напомните ваше имя, сэр, — тихо попросила она Гидеона.

— Гидеон Кру.

— Я располагаю кое-какой информацией, которая вас, возможно, немного утешит, мистер Кру.

Гидеон приготовился к очередному изложению религиозных воззрений.

— Мистер Коррелли прав, говоря, что стандартная процедура в нашей стране состоит в отправке ампутированных конечностей в отходы. Но в данном случае такого произойти не могло.

— Почему?

— Потому что у нас в Нью-Йорке действует необычная, возможно, даже уникальная система. Отнятая конечность, в случае если пациент никак не оговорил, как с ней поступить, помещается в ящик и отправляется на нью-йоркскую «землю горшечника» для захоронения.

Гидеон уставился на нее:

— Земля горшечника?

— Да, место, где хоронят нищих. Название восходит к Библии: на «земле горшечника» был зарыт Иуда.

— В Нью-Йорке есть такой участок?

— Совершенно верно. Когда умершего не забирают родственники или когда они не могут оплатить погребение, город зарывает останки на «земле горшечника». Так же поступают с невостребованными конечностями. Ноги вашего друга захоронят там.

— Где же находится эта… «земля горшечника»?

— На Харт-Айленд.

— Харт-Айленд… — повторил Гидеон. — Где это?

— Насколько я понимаю, это необитаемый остров в заливе Лонг-Айленд, напротив Бронкса.

— Значит, ноги зароют там?

— Вне всякого сомнения.

— А можно их как-нибудь… переместить?

— Можно, — кивнула патологоанатом. — После обеззараживания все тела, конечности и прочее помещают в пронумерованные ящики и зарывают так, чтобы их можно было извлечь для нового вскрытия или судебно-медицинских надобностей. Так что не беспокойтесь, ноги вашего друга честь по чести предали земле.

— Какое облегчение! — Гидеон постарался скрыть охватившее его возбуждение. Он еще не успел поверить в свою удачу.

Старший смены дружески потрепал его по плечу:

— Надеюсь, это все меняет.

— Еще как! — охотно согласился с ним Гидеон. Хотя… В следующее мгновение он устремил на патологоанатома умоляющий взор. — Мне бы хотелось их посещать, оплакивать. Вы ведь меня понимаете?

При всем своем самообладании доктор Браун не скрыла, что понимает его неважно.

— По-моему, оставшегося здесь тела для оплакивания более чем достаточно.

— Но это только его часть! — Гидеон прибег к дрожи в голосе, намекая, что в любой момент может сорваться на визг.

Подумав, доктор Браун сказала:

— Иногда, очень редко, патологоанатомам приходится забирать оттуда конечности. Это всегда страшная возня, кучи бумаг, волокита на несколько недель. Поймите, Харт-Айленд полностью закрыт для посещения. Захоронениями занимаются заключенные с Рикерс-Айленд.

— Но если конечность можно выкопать, значит, место ее захоронения известно? Там что, ведут учет?

— Пронумерованные ящики опускают в траншеи в строгом порядке. Заполнив траншею, они ставят на ее краю бетонный маркер и отрывают новую.

— Как мне найти номер и место? У вас есть такая информация?

Патологоанатом взяла у старшего смены медицинское заключение и изучила его, сведя брови.

— Номер указан здесь. Думаю, исходя из него можно узнать место.

Гидеон протянул руку:

— Вы позволите?

Она дала ему распечатку, и он, достав из кармана карандаш, переписал номер: 695–998 MSH.

— Огромное вам спасибо, просто огромное!

— Вам еще нужна помощь? — спросила патологоанатом. — Если нет, то я, с вашего позволения, вернусь в анатомичку. У нас сейчас кадровый голод, меня некем заменить.

— Спасибо, это все, что мне требуется. Я вам очень признателен, доктор Браун. Не провожайте, я найду выход.

— Я обязана отвести вас в комнату ожидания.

Гидеон проследовал за своей монументальной спасительницей в коридор, мимо прозекторской, где по-прежнему кипела жизнь. Там топталось не меньше десятка детективов и полицейских, другие ждали в коридоре, почти полностью его перегородив. Протискиваясь, Гидеон увидел журналистов, что-то кричавших за двойными дверями и размахивавших руками.

— Убийство из ряда вон? — спросил Гидеон провожатую.

— Небывалая жестокость! — бросила на ходу доктор Браун. — Простите! — Она отодвинула от дверей сразу нескольких агрессивных телеоператоров. Увидев ее профессиональное обмундирование, пресса стала хором засыпать ее вопросами, но вместо ответа услышала: — Желаю удачи!

Закрывшиеся двери не охладили пыла журналистов.

— Подозреваемые! — крикнул один. — Подозреваемые есть?

— Где именно в церкви было спрятано тело?

Гидеон проталкивался сквозь толпу, выкрикивающую вопросы перед закрытыми дверями.

— Очевидцы, улики?

Он отпихнул локтем горластого здоровяка и бросился к выходу.

— Правда, что у жертвы выдрано горло, как у прошлой, в Чайнатауне?

Гидеон остановился как вкопанный. Кто задал этот вопрос? Он оглянулся, высмотрел в беснующейся толпе репортера, привставшего на цыпочки, с диктофоном в вытянутой руке, и подскочил к нему:

— Вы что-то кричали про выдранное горло?

— Вы свидетель? — вцепился в него репортер. — Я Бронвик, из «Пост».

Желтые зубы торчком, как у хорька, совершенно неуместный в Нью-Йорке акцент лондонского кокни.

— Может быть. Ответьте на мой вопрос: у жертвы вырвано горло?

— Еще как! Кошмарное убийство! Ее тело нашли под скамьей в церкви Святого Варфоломея. Ей чуть не оторвали голову, совсем как тому парню в Чайнатауне. А теперь ваше имя, сэр! Ваша связь с этим делом?

Гидеон схватил его за грудки.

— Ей, говоришь? Убитая — женщина? Как ее звали? — Его охватило отвратительное чувство, словно его нервы пожирают насекомые.

— Молодая женщина, между двадцатью и тридцатью…

— Имя! — Он сильно тряхнул фальшивого лондонца. — Назови ее имя!

— Полегче, дядя. Ее звали Мэрилин. — Он заглянул в свои записи. — Мэрилин Криди. Теперь я бы не прочь услышать, что знаете вы сами, сэр.

Гидеон оттолкнул репортера и побежал. Он бежал долго, пока хватало сил.

ГЛАВА 57

Над Центральным Бронксом занималась заря, о чем свидетельствовало грязно-желтое пятно в небе над автострадой Мошолу. Гидеон Кру уперся взглядом в поцарапанное окно экспресса «Лексингтон-авеню», ничего не видя, не слыша и не чувствуя. Он провел в поезде уже несколько часов, мотаясь между южной конечной остановкой, Утика-авеню в Квинсе, и северной, Вудлоун в Бронксе, застряв на бессмысленной серой территории животного, бездумного существования.

Много лет он не плакал, но в этот раз по его щекам бежали слезы — слезы ярости, грусти, негодования на собственные эгоизм и глупость.

Теперь это позади. Он перешел, нет, переполз на другую сторону, и его мозг медленно, но верно возвращался в привычное рабочее состояние.

Многое прояснилось. Киваюший Журавль убил Орхидею, спрятал труп так, чтобы его не сразу нашли — так ему легче было скрыться. Причин для убийства две. Во-первых, она могла что-то знать и поэтому должна была умереть. Вторая — и главная — причина состояла в том, что этим убийством Киваюший Журавль заставлял Гидеона «засветиться». Он все верно рассчитал: теперь смерть грозила ему самому. Раз Гидеон обрек

Орхидею на такую ужасную гибель, то теперь его долгом было за нее расквитаться.

Именно на это Киваюший Журавль и рассчитывал.

За долгие часы в вагоне метро Гидеон все продумал до мелочей. То, что ищут они оба, зарыто на острове Харт. Оба могут заняться там раскопками, но вернется оттуда только один. Гидеон знал, что должен вырвать победу. И потому решил опять ввести в игру Минди Джексон. Она уже доказала, на что способна, пусть теперь послужит ему секретным оружием.

Он достал телефон и набрал ее номер. Удивительно, но она сразу ответила:

— Гидеон?

— Ты где? — спросил он.

— В городе. Бьемся над этой женщиной, но пока безуспешно. Что у тебя? Что-то нашел?

— Все.

Молчание в трубке словно накалилось. Потом она холодно произнесла:

— Выкладывай.

— Сначала обещай мне кое-что. Мы будем действовать так, как я скажу.

Снова молчание, грозящее никогда не закончиться.

— Обещаю. Дальше.

— Ву вез не чертежи оружия, а проводок в собственной ляжке. Этот проводок сделан из новейшего, революционного материла. Цифры — это формула, состав. Сложить то и другое — вот и результат.

— Что за новейший материал?

— У него сверхпроводимость при комнатной температуре.

Он объяснил всю важность этого и удивился, как быстро она все уловила, включая потенциальную опасность.

— После аварии Ву ампутировали обе ноги, — продолжил он. — Их зарыли в братской могиле на Харт-Айленд, на нью-йоркском «поле горшечника». Сначала мне надо кое-что доделать, а вечером я вырою там эти самые ноги.

— Как ты их найдешь?

— Конечности снабжены бирками и помещены в пронумерованные ящики. Номер я раздобыл. Предстоит кое-какая... сортировка. Я все продумал. На Сити-Айленд, справа от моста, есть пункт проката гребных лодок, называется «Мэрфис Бейт энд Тэкл». Встречаемся там в девять вечера.

— Сколько плыть до острова-кладбища?

— От Сити-Айленд — примерно милю. Остров расположен посреди залива Лонг-Айленд, напротив Сэндс-Пойнт. Захвати снайперскую винтовку.

— С ума сойти! Как ты умудрился...

— Там будет Кивающий Журавль, — перебил он ее.

— Господи Иисусе!

— Не забывай о нашем договоре. Все делаем так, как я говорю. Никаких высадок армий ЦРУ на острове. Это только спугнет нашего Журавля. Только ты да я.

Он отключил связь. Подобрав с пола вагона бумажку, он стал быстро писать.

Кивающий Журавль бренчал на своей исцарапанной гитаре напротив церкви Святого Варфоломея. Полиция укатила, ограждения убрали, в церкви поработали уборщики. Все вернулось в нормальное состояние. Утро было чудесное, райскую голубизну неба нарушали легкие облачка. Оставалось только ждать.

Любимая, сюда скорей!

Мне только хуже от врачей,

От лихорадки я слабею...

Он увидел Кру, сначала шедшего по Сорок девятой улице навстречу потоку пешеходов, потом свернувшего на Парк-авеню. Самое время! Кивающему Журавлю пришелся по сердцу его вид: взъерошенный, с ввалившимися глазами, краше в гроб кладут! Он перешел Парк-авеню и направился прямиком к Кивающему Журавлю, собирающему денежки в раскрытый гитарный футляр. Журавль знай себе бренчал, ласково мурлыча песенку. Кру уже приблизился, уже задевал носками ботинок его футляр, а он все играл и пел. Знал, что при таком скоплении народу Кру не позволит себе глупостей.

Ты исцелишь меня за день,

Врачу меня лечить не лень,

Но он провозится неделю.

Кру бросил в футляр, к россыпи мелочи и немногочисленным купюрам, смятую бумажку. Бросил — и остался стоять. Журавль допел песню и наконец поднял голову. Их взгляды встретились. Почти минуту они смотрели друг на друга. Кивающий Журавль читал в глазах Кру лютую ненависть, и она грела его лучше всякого солнца. Потом его враг отвернулся и зашагал обратно той же дорогой, какой пришел, в сторону Лексингтон-авеню.

Проводив его взглядом, Кивающий Журавль взял бумажку, развернул и стал читать.

«Встречаемся на Харт-Айленд в полночь. Там зарыты ампутированные ноги Ву. Место, где они лежат, будет записано на бумажке у меня в кармане. Чтобы получить ее или проводок, тебе придется меня убить. Или я убью тебя. Так или иначе, один из нас умрет на Харт-Айленд.

Так ты спланировал, так тому и быть.

Г. К.».

Кивающий Журавль медленно скомкал записку в кулаке. Его лицо выражало глубокое удовлетворение.

ГЛАВА 58

Где торгуют наркотиками, там можно разжиться и стволом. Центром наркоторговли в Нью-Йорке, по крайней мере уличного уровня, был, по иронии судьбы, квартал с райским названием «Маунт-ден» в южной части Центрального Бронкса. Гидеон ехал туда по линии метро D, проложенной из Манхэттена на север, с пачкой наличности в кармане, ощущая, что она словно горит и прожигает дыру. Это был далеко не самый умный способ вооружиться, но он слишком торопился, чтобы умничать.

Когда поезд отъехал от остановки «Сто шестьдесят первая улица. Стадион „Янки“», только что вошедший в вагон мужчина сел рядом с Гидеоном. Тот не сразу понял, что это Гарса, напяливший для маскировки черный берет художника и пятнистый плащ.

— Что вы вытворяете? — спросил Гарса совсем не тем учтивым тоном, каким изъяснялся при знакомстве с Гидеоном.

— Я делаю свою работу.

— Вы сорвались с поводка. Полегче, помедленнее! Следующий шаг обсудите с нами.

— К вам это больше не имеет отношения, — ответил Гидеон, даже не думая переходить на шепот. — Теперь это мое дело. Личное.

— Вот и я о том же. Вы принимаете все слишком близко к сердцу. Никогда не встречал такого непрофессионализма! Напрасно Эли вам доверился. Своей беспечностью вы того и гляди сорвете всю операцию.

Гидеон не ответил.

— Сунулись в Трокмортонскую академию, прикинулись папашей — что за дурачество? С этого момента мы хотим знать, что вы делаете и куда направляетесь. Если вам взбрело в голову, что вы способны переиграть Кивающего Журавля, значит, вы просто дурак.

Гидеон чувствовал, что о Харт-Айленд Гарса ничего не знает. Ему понравилось, что он обошел Глинна на целую голову.

— Я справлюсь сам.

— Не справитесь. Вам нужны тылы. Не будьте таким болваном!

Гидеон усмехнулся.

— Где вы с ним встречаетесь?

— Не ваше дело.

— Если совсем отобьетесь от рук, Кру, мы вас уберем. Богом клянусь, так и будет!

Гидеон заколебался: такое осложнение ни к чему.

— Квинс, парк «Корона».

— Какой еще парк?

— Ну, где была Всемирная ярмарка. У Глобуса.

— Когда? — спросил Гарса, помолчав.

— В эту полночь.

— Почему там?

— Просто место встречи, не хуже и не лучше других.

— Место встречи… — повторил Гарса, качая головой.

— Кивающий Журавль убил мою хорошую знакомую. Теперь в живых останется один из нас двоих. Я же говорю, вас это больше не касается. Покончу с этим делом — вернусь к вашему. И не пытайтесь мне помешать.

Гарса долго молчал, потом кивнул. На следующей остановке он вышел с гримасой отвращения на лице.

Кру сошел на остановке «Сто семидесятая улица. Гранд-Конкурс» и зашагал мимо необитаемых домов в сторону парка. Парком называлось подобие свалки: грязь вместо травы, повсюду мусор. Там он замедлил шаг до прогулочного и стал озираться — настоящий клиент для наркодилеров. Таковой подскочил к нему почти сразу же с бормотанием: «Травка, травка...»

Гидеон с готовностью остановился. Дилер представлял собой сгорбленного недомерка с торчащей в лохмах расческой, в свисающих с задницы штанах.

— Тебе чего? Курим, нюхаем, ширяемся?

— Пистолет.

Дилер поперхнулся.

— За хорошие деньги. Крупный калибр, высокое качество.

Недомерок сначала сделал вид, будто не слышит, потом пробормотал что-то вроде «жди здесь» и затрусил прочь.

Гидеон приготовился ждать. Ожидание продлилось минут двадцать, потом парень вернулся и поманил его за собой.

Они покинули парк и вошли в брошенный дом на Моррис-авеню с выбитыми окнами и повсеместным запахом мочи. Как ни опасно это было, Гидеон предпочитал такой путь униженной мольбе на коленях, чтобы пистолетом его одарил Гарса. Не хотелось быть слишком ему обязанным. Гидеон знал, что находится в опаснейшем положении, но страха не чувствовал, только злость.

Дилер подошел к заплеванной лестнице и свистнул. Сверху донесся ответный свист.

— Третий этаж! — скомандовал дилер.

Гидеон стал подниматься по ступенькам, стараясь не наступать на использованные презервативы, пузырьки из-под крэка, рвоту. На третьем этаже его ждали двое в дорогих спортивных костюмах и белых кроссовках — пуэрториканцы, следившие за своей внешностью. Тот, что повыше ростом, видимо, главный, имел на лице ухоженную пятидневную щетину, пальцы у него были унизаны кольцами, на шее висели цепи, от него удушающе разило дорогим лосьоном. У второго, мелкого, украшения заменяла лихорадка на губах.

— Сперва посмотрим на деньги, — молвил высокий с самоуверенной ухмылкой.

— Только когда увижу пушку.

Высокий засунул руки в карманы и сделал шаг назад, глядя на Гидеона сверху вниз. Богатырский рост служил ему средством устрашения. При этом глаза у него были глупее некуда.

— Есть у нас пушка, есть!..

— Вот и покажи. Времени у меня в обрез.

Парень пониже, с лихорадкой на губах, расстегнул куртку и показал рукоятку пистолета.

— «Беретта», девять миллиметров.

— Сколько стоит?

— А сколько у тебя есть?

Гидеон и так с трудом сдерживал злость, а сейчас она достигла точки кипения.

— Слушай, молокосос, назови цену сам. Подойдет — заплачу, нет — уйду.

Дылда кивнул, кусая губы:

— Покажи ему.

Парень с лихорадкой достал пистолет и отдал Гидеону. Тот осмотрел оружие, несколько раз щелкнул затвором.

— Обойма?

Нашлось и это. Гидеон нахмурился:

— Без патронов?

— Недоставало нам тут еще пальбы!

Гидеон обдумал услышанное и был вынужден согласиться. Придется проверить оружие в деле позже. Он вставил в пистолет пустой магазин, подбросил его на ладони, попробовал ход курка. Оружие было как будто в отличном состоянии.

— Беру.

— Две тысячи.

За семисотдолларовый пистолет — многовато. Он еще раз к нему пригляделся. Серийный номер спилен, но не беда, при помощи кислоты

его можно восстановить. Он нащупал в кармане перехваченные резинкой пачки по пятьсот долларов и извлек четыре, требуемую сумму. Положил пистолет себе в карман и отдал дылде деньги.

Когда уже собирался идти, сзади раздалось:

— Погоди!

Гидеон оглянулся и увидел два направленных на него дула.

— Давай сюда остальное! — приказал дылда.

— Это что, ограбление клиента? — не поверил своим ушам Гидеон.

— Правильно соображаешь!

У Гидеона имелись еще две тысячи и не было намерения рисковать жизнью в этой зловонной дыре. Он достал деньги и уронил их на пол.

— Это все.

— И пистолет отдавай.

— Не многовато будет?

— Тогда поцелуй на прощание свою белую задницу! — Оба ухмылялись, держа его на мушке.

— Белую задницу? — недоверчиво повторил Гидеон и направил на них свой пистолет.

— Кретин, забыл, что ли, что он не заряжен?

— Если я верну вам пистолет, вы обещаете отпустить меня живым?

— Да кому ты нужен!

У Гидеона так тряслись руки, что подонки не удержались от смеха. Дылда потянулся за пистолетом, и в этот самый момент, воспользовавшись тем, что они оба отвлеклись, Гидеон выбил пистолет из руки Лихорадки, одновременно сильно пнув его по колену и отпрыгнув, чтобы не оставаться на линии огня Дылды. Лихорадка со стоном осел, Дылда выстрелил, пуля пробила Гидеону рукав куртки. Он с душераздирающим воплем бросился на Дылду, и тот рухнул, как гнилое дерево. Сидя на нем верхом, Гидеон одним могучим движением отнял у него пистолет и вставил дуло ему в глаз, сильно надавив на глазное яблоко.

Мерзавец заорал от боли, попытался отвернуться, но нажим на глаз усилился, и дурная голова перестала мотаться.

— Прекрати, ты мне глаз выдавишь! Пожалуйста!

Лихорадка уже подобрал свое оружие и стоя целился в Гидеона.

— Брось, а то выстрелю! — бешено проорал Гидеон. — Убью сначала его, потом тебя!

— Брось! — взвизгнул Дылда. — Делай, как он говорит!

Лихорадка захромал в темноту, оставшись при оружии.

Гидеон понял, что у него только бегство на уме. Пусть уматывает! Гидеон услышал топот, потом звук падения — Лихорадка в панике споткнулся. Снова топот, потом тишина.

— Похоже, мы с тобой остались наедине, — проговорил Гидеон.

По руке текла теплая струйка — видимо, пуля все-таки задела плечо. Из рукава торчал клок материи. Саму рану он не чувствовал.

Дылда бормотал что-то несвязное. По-прежнему вдавливая дуло ему в глаз, чтобы не рыпался, Гидеон забрал свои деньги. В процессе обыска он нащупал пачку побольше, на все пять тысяч, и присвоил ее, а также нож. Потом сорвал с шеи мерзавца золотые цепи, с пальцев кольца с драгоценными камнями, переложил в свой карман его бумажник. Туда же переместились ключи от машины, от квартиры, мелочь и полдюжины патронов калибра девять миллиметров, предусмотрительно извлеченные Дылдой из магазина «беретты».

Теперь можно было вынуть у него из глаза дуло. Дылда лежал и хныкал, как ребенок.

— Значит, так, Фернандо, — произнес Гидеон, заглянув в водительское удостоверение. — У меня твои ключи, я знаю твой адрес. Если попытаешься меня найти, я заявлюсь к тебе в гости и пришью твою семью, собаку, кошку и золотую рыбку.

Дылда вместо ответа закрыл руками лицо и задрыгал ногами.

Покидая поганое строение, Гидеон удостоверился, что поблизости нет Лихорадки, и быстро зашагал к станции метро «Гранд Конкурс». По пути выбросил в канализационный люк ключи, цапки и бумажник, оставив себе деньги и оружие.

Теперь у него было два пистолета. Он нырнул в подъезд и изучил свою добычу. Вторая пушка оказалась автоматической моделью «таурус-миллениум» тридцать второго калибра с полной обоймой. Он загнал в магазин «беретты» ее девятимиллиметровые патроны и засунул оба пистолета под ремень. Потом снял куртку и осмотрел плечо. Рана оказалась не простой царапиной, но кость задета не была. Он надел куртку и посмотрел на часы. Два часа ночи.

На пути к станции метро он купил в аптеке бинт и перевязал в общественном туалете плечо. После этого, повинуясь импульсу, приобрел в киоске блокнот, бумагу, ручки и большой плотный конверт. Оставалось составить в ближайшем кафе завещание.

ГЛАВА 59

Кафе оказалось приятным местом, что было особенно неожиданно на таком мрачном, безнадежном фоне. Боевая официантка лет шестидесяти, но проворная, как девчонка, с забранными в пучок волосами и ярким гримом, сразу подскочила к ночному посетителю.

— Что тебе принести, милый?

Именно такое общение было ему сейчас необходимо. Впервые за долгое время у него на сердце потеплело, он даже попробовал улыбнуться.

— Кофе, глазунья, бекон, белый тост.

— Я мигом!

Она убежала, а Гидеон открыл блокнот и задумался. Он любил всего две вещи в целом свете: свою рыбацкую хижину в горах Хемес и рисунок Уинслоу Хомера. Рисунок пусть вернется в Музей живописи Мертона в Киттери, штат Мэн, где он его раздобыл много лет назад. Что до хижины… Хорошо бы она попала к любящему хозяину, который не допустит, чтобы строеньице развалилось. На худой конец можно продать ее девелоперу. Даже в случае победы над Киваюшим Журавлем — а это из разряда самой настоящей случайности — он все равно будет смотреть в лицо скорой смерти.

Официантка поставила перед ним завтрак.

— Пишем Великий Американский Роман? — осведомилась она.

Гидеон, зажав в пальцах ручку, размышлял о своей вероятной скорой смерти и в очередной раз приходил к заключению, что у него нет на свете ни единой близкой души. Большую часть взрослой жизни он провел отталкивая, а не привлекая людей к себе. Ни семьи, ни друзей, ни коллег по работе, с которыми было бы приятно проводить время… Самым близким своим приятелем он вынужден был назвать Тома О'Брайена, но эти отношения всегда смахивали скорее на сделки. К тому же Тому не хватало честности. Выходило, что единственным настоящим другом Гидеона была проститутка, да и та по его вине отправилась на тот свет.

— Долить кофейку? — спросила официантка.

— Да, спасибо.

В голове внезапно возникло еще одно имя. Вот человек, заслуживающий его доверия, — Чарли Дайкович! После гибели генерала Такера он не поддерживал с ним отношений, не набивался в друзья. Чарли честный, славный малый.

Гидеон застрочил в блокноте, стараясь унять дрожь пальцев. Задача не из легких. Дайкович получит хижину со всем содержимым, за исключением произведения Уинслоу Хомера. Он назначал Дайковича своим душеприказчиком и возлагал на него обязанность анонимно вернуть рисунок в Музей живописи Мертона. Живым он избегал любых подозрений и не хотел, чтобы его заклеймили вором после смерти.

Составление документа заняло не много времени. Перечитывая его, он вспомнил свое тайное место рыбалки на речке Чихуахуэнос. Он не один год исследовал, будоража воду своей удочкой, русла всех речек на северном склоне гор Хемес, прежде чем наткнулся на это местечко, лучше которого не сыщешь в целом свете. Немного подумав, Гидеон перевернул письмо и начертил для Дайковича карту: пусть и он порадуется! Под картой написал, какую наживку там лучше использовать в зависимости от времени года. Он счел это самой весомой частью своего наследства.

Только бы Дайкович оказался любителем-рыболовом!

Закончив писать, он подозвал официантку.

— Еще кофе? — спросила она.

— Хочу попросить об услуге.

Она просияла.

— Вот письмо. Это моя последняя воля и завещание. Нужны два свидетеля.

— Брось, милый, тебе же не больше тридцати, откуда такие мысли? — На всякий случай она долила ему чашку до краев. — Я тебя вдвое старше, и то ни о чем таком не думаю!

— Я смертельно болен. — Выпалил — и сам подивился, зачем откровенничает с первой встречной.

Официантка ласково погладила его по плечу.

— Жаль, конечно, только учти: ни в чем нельзя быть до конца уверенным, тем более в таком деле. Молись Богу, и он сотворит для тебя чудо. — Она обернулась. — Глория! Подойди-ка, джентльмену нужна помощь.

Второй официантке было лет двадцать, ее пухлое личико пылало от радости, что она может быть кому-то полезной. Гидеона растрогали эти два чужих существа с добрыми сердцами.

— Сейчас я это подпишу, — сказал он, — а вы обе засвидетельствуете это своими подписями. Ниже напишите свои фамилии печатными буквами.

Сначала расписался он, потом они. Когда Гидеон поднялся, пожилая официантка порывисто его обняла.

— Молись, — повторила она. — Для Него нет ничего невозможного.

— Я вам очень благодарен. Вы обе — сама доброта.

Он написал записку для Эли Глинна — пусть проследит, чтобы Дайкович получил письмо, — и адресовал все вместе Глинну в «Эффектив инжиниринг солюшнз» на Двенадцатой улице. Сунув под тарелку всю пачку денег, которая еще час назад принадлежала наркоторговцу, он поспешно покинул кафе.

По пути на станцию метро Гидеон опустил письмо в почтовый ящик, ужасно жалея себя, такого одинокого, неудачливого, так или иначе обреченного совсем скоро на смерть. Вдруг официантка права? Надо попробовать помолиться. Все остальное в его загубленной жизни не принесло удачи.

ГЛАВА 60

Гидеон доехал в метро до противоположного конца ветки и сел в автобус до Сити-Айленд. К полудню добрался до прокатной конторы Мэрфи на Сити-Айленд-авеню. Вокруг кружили чайки. Трудно было поверить, что эта сонная рыбачья деревня — тоже Нью-Йорк.

В тесном помещении конторы было три стеклянных прилавка и один детина в футболке.

— Чем я могу вам помочь? — обратился он к Гидеону с акцентом, выдающим уроженца Бронкса.

— Вы Мэрфи?

— Он самый.

— Я хочу арендовать лодку.

Оформление заняло считанные минуты. Мэрфи проводил клиента на пристань, где стояла дюжина лодочек из стекловолокна, каждая с мотором в шесть лошадиных сил, якорем и канистрой.

— Обещают шторм, — предупредил Мэрфи, отвязывая лодку. — Советую вернуться до четырех.

— Обязательно, — пообещал Гидеон, приобретший для прикрытия удочку и коробку для наживки.

Через несколько минут он отчалил, запустил мотор, оставил позади мост Сити-Айленд и оказался на просторе залива Лонг-Айленд. Остров Харт находился на северо-востоке, примерно в полумиле. Пока что он казался длинным низким пятном и тонул в тумане. Потерять остров из виду было бы, впрочем, трудно: на нем высилась труба высотой метров пятьдесят. Ветер крепчал, лодчонка подпрыгивала на волнах. В небе сгущались тучи, чайки с возмущенными криками ловили крыльями сносивший их ветер.

Гидеон заглянул в заранее приобретенную лоцию и опознал перечисленные в ней ориентиры: Скалу Казней, Блозес, острова Дэвидс, Высокий, Крысиный. Необходимо было освоиться в этих водах, ведь возвращаться придется — если доведется — уже в темноте.

Лодочка со слабым мотором тащилась со скоростью пешехода, однако зловещий остров выступал из тумана все отчетливее. Примерно в километр длиной, он был покрыт рощицами и развалинами кирпичных строений. Примерно в трехстах метрах от земли Гидеон повернул румпель и поплыл вдоль берега, изучая его в бинокль. Заметная с большого расстояния труба оказалась частью разрушенного объекта на восточном побережье — видимо, бывшей электростанции. На берегу через равные промежутки стояли большие щиты с одинаковой надписью, обыгрывающей на все лады одно и то же грозное слово:

ДЕПАРТАМЕНТ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ,

Г. НЬЮ-ЙОРК

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

ВЫСАДКА НЕ БЕРЕГ, ПРИЧАЛИВАНИЕ,

ЯКОРНАЯ СТОЯНКА СТРОГО ЗАПРЕЩЕНЫ!

НАРУШЕНИЕ ЗАПРЕТА КАРАЕТСЯ

В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ!

Достигнув северной оконечности острова, Гидеон увидел людей и заглушил мотор, чтобы как следует разглядеть в бинокль происходящее. За шеренгой дубов он опознал отряд заключенных в оранжевых робах, копающихся посреди поля. Рядом с ними неподвижно стоял экскаватор. Часть заключенных разгружала из кузова грузовика сосновые гробы и ставила их на край свежевырытой траншеи. За их работой наблюдали вооруженные до зубов охранники, время от времени начинающие жестикулировать и отдавать приказания.

Гидеон, позволив лодке дрейфовать вдоль берега, изучал все это в бинокль и делал записи в блокноте.

Наконец, удовлетворившись, он снова запустил мотор и продолжил плавание вдоль восточного берега острова. Показался длинный песчаный пляж, покрытый всевозможными дарами морских волн, главным образом мелким мусором, плавником, остовами старых лодок. Пляж кончался бетонной стеной — волноломом брошенной электростанции с подпирающей небо трубой. На кирпичном фасаде главного корпуса электростанции было намалевано предупреждение длиной в сотню фунтов и высотой в тридцать:

ТЮРЬМА НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ!

Гидеон решил оставить лодку у волнолома, рядом с затопляемой морем впадиной, за опасными с виду рифами. Он провел ее между рифами, потом окончательно заглушил мотор, спрыгнул в воду и вытянул лодку на берег.

Часы показывали час дня.

ГЛАВА 61

Гидеон перелез через низкую стену волнолома, спрятался среди деревьев и стал озираться. Слева от него простиралось открытое пространство, вдалеке виднелась недействующая электростанция. Справа сгрудились скромные домишки, целый поселок с уличными фонарями, тротуарами, проезжей частью. Все вместе смахивало на старомодное предместье, если не считать состояния поселка: это были руины. Домишки грозили рухнуть, окна в них зияли черными глазницами, крыши провалились, фонарные столбы и здания заросли плющом, из густой сетки трещин в асфальте тянулись к свету кусты, местами даже деревца.

Гидеон напряженно ждал. Издали, с края острова, доносился рокот экскаватора, опять приступившего к рытью братской могилы. При этом центр острова оставался пустым. Распечатка карты из «Гугл» помогла рекогносцировке, после которой Гидеон прокрался по заросшей улице к полю и достиг по нему комплекса разрушенных построек, замеченного раньше. Табличка на кирпичном фасаде первой постройки сообщала о ее назначении и времени создания: «Силовая станция. 1912». Через разбитое окно можно было полюбоваться остатками оборудования: чугунными маховыми колесами, рваными приводными ремнями, сломанными датчиками, паровыми трубами и огромной печью с котлом. Все это заросло сорняками, побеги которых тянулись наружу через провал в крыше.

Гидеон повернул на север, к могилам, стараясь не показываться из-за деревьев. Он шел медленно, то и дело сверяясь с картой, все вокруг замечая и запоминая. Пейзаж вокруг был воистину постапокалиптический, словно здесь когда-то существовал, а потом сгинул кусочек цивилизации. Попыток спасти что-либо не было предпринято: здесь долго жили и трудились люди, а потом, лет пятьдесят назад, их потомки снялись с места и ушли не оглядываясь. После них остались заросшие по крышу сорняками автомобили, магазин с заплесневелыми продуктами на полках, дома с вываливающимися дверными рамами, гниющей под висящими клочьями обоями мебелью. Где-то на вешалке рядом с входной дверью остался сложенный зонт, где-то уже несколько десятилетий лежала на столе старая шляпа. Оседающая церковь была распахнута всем ветрам, в лавке мясника остался внушительный ассортимент ножей, на центральной площади валялась обезглавленная кукла Барби. На краю поселка Гидеон наткнулся на поле для бейсбола: трибуны заросли почти до полной неузнаваемости, на самом поле успел вырасти лесок.

Гидеон обошел остатки туберкулезного диспансера и два корпуса общежития колонии для несовершеннолетних, на перемычке между которыми еще можно было прочесть лозунг «БОГ и ТРУД». Дальше ему попались провалы в земле — заросшие фундаменты. Казалось, все вокруг уничтожено взрывом неимоверной силы. Он снова заглянул в свою карту и нашел за общежитием большой бетонный круг на земле с несколькими ржавыми люками — ходами в шахты некогда развернутых в этом месте ядерных стратегических ракет.

Дальше на север постройки уступили место полю сорняков, усеянному пронумерованными бетонными надолбами в известковых «шапках». До Гидеона донеслись звуки работающего экскаватора. Он нырнул в заросли на краю поля и продолжил путь на север. Вскоре заросли кончились, и его взгляду открылось новое заросшее поле. Здесь ему пришлось плюхнуться на живот и дальше передвигаться ползком, то и дело поднося к глазам бинокль. В трехстах метрах от него кипела работа.

На краю длинной траншеи были рядами сложены гробы. Заключенные передавали их один за другим своим товарищам, стоящим на дне траншеи, а те укладывали их батареями, четыре штуки в ряд, в шесть этажей. Гидеон проследил за вырастанием одной батареи из двадцати четырех гробов, потом еще одной. Сбоку на каждом гробу был номер, выведенный толстым черным маркером, на крышке — тоже.

Учет вел бригадир, тоже из заключенных, позади него маячили надзиратели с карабинами наперевес и с револьверами на ремнях. Сложив сорок восемь гробов, заключенные вылезли из траншеи и накрыли верхний слой железным листом. Теперь настал черед экскаватора. Выпустив черную вонючую струю выхлопа, он надвинул на

лист кучу земли и разровнял ее своей обратной лопатой. Сильный ветер гнул верхушки деревьев и то и дело обдавал Гидеона запахом свежевырытой земли, формалина и гниения. На дальнем краю поля виднелся открытый кирпичный ангар — укрытие, где стоял второй экскаватор.

Гидеон обошел поле, подбирая наблюдательный пост получше и гадая, где могли бы зарывать ящики поменьше, с ампутированными конечностями. Искомое обнаружилось поблизости, в траншее, параллельной первой. Ее совсем немного присыпали землей, и недавно привезенные ящики, недостаточное для окончательного зарывания количество, торчали наружу. При помощи бинокля Гидеон убедился, что эти ящики невелики, в самый раз для рук-ног-туловищ, и на них есть отметки. Железный лист, слегка присыпанный землей, накрывал их только с одного края — слабая защита от стихии в ожидании подвоза новых ящиков.

Это захоронение требовало тщательного осмотра. Траншея, похоже, глубокая, издали дна не разглядеть. Предстояло подобраться ближе. Но сделать это и не попасться... Немыслимо.

Поэтому он выпрямился во весь рост, засунул руки в карманы и небрежной походочкой двинулся по открытому полю.

ГЛАВА 62

Его мгновенно заметили.

— Эй! Эй! — Двое из охраны побежали к нему, вытаскивая на бегу револьверы.

Гидеон шагал им навстречу, надеясь подойти к облюбованной траншее, прежде чем его остановят. Так и вышло: когда они подбежали, он уже стоял на ее краю и смотрел вниз.

— Покажи руки! Руки!

Гидеон, сама невинность, поднял на них удивленные глаза:

— В чем дело?

— Не двигаться! Руки! — Один охранник припал на колено и наставил на него револьвер, другой осторожно приблизился с карабином наготове.

— Руки за голову!

Гидеон подчинился.

Один был белый, другой черный, оба здоровяки в полной экипировке. Одеты в синие гимнастерки с белыми надписями на спине: «NYC

CORRECTION SSD». Тот, что с карабином, обыскал Гидеона и вывернул его карманы, где обнаружилась карта «Гугл», блокнот, бумажник и кусок пергаментной бумаги.

— Чисто!

Второй охранник выпрямился и убрал револьвер в кобуру.

— Документы!

Гидеон, не опуская рук, заговорил, заикаясь от страха:

— Я ничего не сделал, клянусь! Я просто турист!

— Документы! — повторил охранник. — Живо!

Гидеон дрожащими пальцами вынул из бумажника свои водительские права штата Нью-Мексико и подал их охраннику.

— Тут что, нельзя находиться?

Они тщательно изучили его права.

— Ты не видел предупреждения?

— Какие предупреждения? Я турист из...

— Заткнись! — Чернокожий, видимо, старший по званию, нахмурился. — Вдоль всего берега натыканы щиты с предупреждением, их нельзя пропустить. Говоришь, не видал?

У старшего заработала рация: голос спрашивал, разобрался ли наряд с нарушителем.

— Какой-то тип из Нью-Мексико. Все под контролем, — отозвался тот.

Повесив на пояс рацию, старший прищурился:

— Выкладывай, как сюда попал и чего тебе здесь понадобилось.

— Я просто... просто удил рыбу с лодочки. Решил побродить здесь, посмотреть, что за остров...

— Неужели? Ты что, слепой?

— Нет, но я ничего не видел... Это волнение на море... В общем, я как-то не обратил внимания... — Гидеон старался, чтобы его оправдания звучали как можно менее убедительно.

Белый охранник помахал пергаментом:

— А это что?

Гидеон залился краской и ничего не ответил. Охранники переглянулись.

— Похоже на карту для поиска кладов. — Белый поднес пергамент к носу Гидеона.

— Я... Я... — Он опять замолчал.

— Лучше не ври. Ты — кладоискатель! — Белый охранник осклабился.

Немного поколебавшись, Гидеон понуро опустил голову.

— Да...

— Давай, и поподробнее!

— Я приехал в отпуск, из Нью-Мексико. На Манхэттене, на Канал-стрит, купил карту. Понимаете, у меня такое хобби — поиск кладов.

— Канал-стрит? — Охранники снова переглянулись, белый закатил глаза, черный пытался, изучая карту, сохранять серьезность.

— Судя по карте, ты угодил не на тот остров.

— Да что вы?!

— Вот тут помечено крестиком, но это Дэвидс-Айленд. Он вон там! — Черный дернул подбородком.

— Разве не это Дэвидс-Айленд?

— Это Харт-Айленд.

— Я не привык к океану, вот и заплутал.

— Ага, в трех соснах! — Охранники снова рассмеялись, но уже не презрительно, а весело.

— Вы правы...

— Какой такой пират зарыл здесь сокровища? Капитан Кидд?

Оба вдоволь нахохотались, потом черный посерьезнел.

— В общем, мистер Кру, вы сознательно нарушили запрет. Не отпирайтесь, вы видели знаки. Не пытайтесь нас обмануть.

Гидеон опять понурился.

— Да, видел. Простите!

Радио снова ожило: теперь о нарушителе осведомлялся другой, начальственный голос.

— Капитан, задержан кладоискатель. При нем карта и все такое. Приобретено на Канал-стрит. — Старший наряда сделал паузу, и Гидеон услышал в динамике смех. — Какие будут приказания?

Простояв несколько секунд с приложенной к уху рацией, старший сказал:

— Слушаюсь! Отбой. — Он усмехнулся. — Тебе крупно повезло: мы не станем тебя задерживать за преступное проникновение на запретную территорию. Где твоя лодка?

— На берегу, неподалеку от высокой трубы.

— Я отведу тебя к лодке, понял? К твоему сведению, к этому острову даже приближаться нельзя.

— А вы чем тут занимаетесь?

— Ландшафтным дизайном. — Новый взрыв смеха. — Двигай!

Гидеон побрел за охранником через поле, потом по дороге.

— Нет, правда, что это у вас за ящики? Зачем вы их зарываете? Похоже на гробы.

— Гробы и есть, — ответил охранник, немного поколебавшись.

— Это что же, кладбище?

— Оно самое. Общественное кладбище города Нью-Йорка. Такие называются «землями горшечника».

— Первый раз слышу.

— Когда у умершего нет родни или денег на погребение, его хоронят здесь. За могильщиков у нас заключенные с Рикерс-Айленд, так что нам здесь только туристов на лодках не хватало!

— Вот это да! Сколько же здесь тел?

— Миллион с хвостиком! — произнес охранник гордо.

— С ума сойти!

— Самое крупное кладбище в мире. Существует еще с Гражданской войны.

— Невероятно! Всех хоронят по христианскому обряду?

— Так сказать, по межконфессиональному. Кто у нас тут только не отпевает умерших: пасторы, проповедники, раввины, имамы. Все по очереди.

Они шли мимо старой электростанции, мимо ангара с провалившейся крышей, где ржавела среди зарослей древняя динамо-машина.

— Где твоя лодка-то? — спросил охранник, глядя из-под ладони через поле в сторону берега.

— Там, рядом с волноломом.

Вместо того чтобы свернуть в поле, охранник стал описывать крюк, не сходя с дороги.

— Почему мы так идем? — спросил Гидеон.

— По полю нельзя.

— Чем оно опасно?

— Не знаю. На острове много опасных мест.

— Правда? Откуда вы знаете, где опасно, где нет?

— У нас есть карта, на ней отмечены места, куда мы ни ногой.

— Она у вас при себе?

Охранник вытащил карту.

— У нас приказ не заступать без нее на дежурство.

Гидеон взял карту и долго изучал, пока охранник не забрал, не сложил и не спрятал. Сделав большой крюк, они спустились на пляж и подошли к лодке.

— Можно мне мои вещи? — робко напомнил Гидеон.

— Да пожалуйста!

Он получил назад свою карту, блокнот и все остальное, вынутое бдительными стражами порядка из его карманов.

— Дэвидс-Айленд открыт для посещения? — спросил он.

— Там парк, но я бы на твоем месте не стал там копаться, — ответил охранник со смехом. — Хочешь, дам хороший совет?

— Будьте так добры.

— Карта, которую ты купил, — подделка.

— Подделка? Откуда вы знаете?

— Ты же купил ее на Канал-стрит! Видел, сколько там продают часов «Ролекс», сумок «Луи Вюттон», духов «Шанель» и тряпок от «Прада»?

Это центр сбыта всякой «липы». Хотя согласен, поддельная карта для кладоискателей — уже выход на другой уровень… — Он добродушно усмехнулся и дружески положил руку Гидеону на плечо. — Лучше не трать зря время, а то опять попадешь в переплет. Поверь, никаких сокровищ ты по этой карте не найдешь.

— Грустно слышать… — Гидеон разыграл крайнюю степень огорчения.

— А мне грустно от того, что у нас в Нью-Йорке столько жуликов, надувающих туристов. — Охранник задрал голову вверх. Небо над ними успело почернеть, разыгрался ветер, море покрылось белыми барашками. — На твоем месте я бы выбросил из головы Дэвидс-Айленд и сматывался из залива. В шторм здесь бывает несладко, а сейчас, сдается мне, как раз назревает шторм, и нешуточный.

ГЛАВА 63

В десять вечера Гидеон, вырядившись как турист студенческого возраста, прогуливался по Сити-Айленд-авеню, наблюдая издали за конторой Мэрфи. В рюкзаке у него лежало два нелегальных пистолета, запасные патроны, нож, фонарь, шахтерский фонарик, ручной фонарь, складная лопата, складной ломик, веревка, киянка, болторез, карты, две пары очков ночного видения и блокнот. От порывов ветра старый фанерный щит прокатной конторы Мэрфи все сильнее раскачивался на расшатанных опорах. Пахло соленой водой и водорослями. Южная кромка неба то и дело озарялась молниями. Гроза вот-вот должна была грянуть и здесь.

Он уже заждался Минди. Они должны были встретиться ровно в десять, то есть уже несколько минут назад. Гидеон полагал, что она давно здесь, просто прячется и ждет, чтобы он показался первым.

И тут из темного сквера у него за спиной, как по заказу, раздался ее негромкий голос:

— Хэлло, Гидеон!

Вот она — спортивная, подтянутая, тоже с рюкзаком, в задорном шерстяном берете, ветер треплет короткие волосы.

Минди нежно чмокнула его в щеку.

— Какой милый сюрприз! — усмехнулся Гидеон.

— Не будь ослом! — Улыбка до ушей. — Это часть прикрытия: ты сам говорил, что нам надо прикинуться парочкой экскурсантов-молокососов.

— Говорил.

Они перешли улицу. Рядом с прокатной конторой Мэрфи раскинулась лодочная пристань. Проход к причалам был перегорожен сетчатым забором. Гидеон оценил ситуацию, убедился, что вокруг нет ни души, и мастерски перемахнул через забор. То же самое без труда сделала Минди. Следующий забор их тоже не задержал.

— Лодки там. — Гидеон указал на запертый эллинг.

Не зря он запасся болторезом. Замок эллинга сопротивлялся считанные секунды — и вот они уже сидят в «Эвинраде» с полной канистрой горючего и парой весел.

От причала отошли на веслах. Хватило нескольких минут, чтобы они почувствовали всю силу ветра.

— Какой у тебя план? — крикнула Минди, отворачиваясь от брызг.

— Уверен, Киваюший Журавль уже на острове. Очень важно, чтобы он думал, будто я приплыву один. Так что ложись на дно и не высовывайся.

— Слушаюсь, босс. — Она спряталась за планширом.

Отплыв на безопасное расстояние, Гидеон опустил в воду винт мотора, завел его и направил лодку в защищенный от ветра канал, выходящий к мосту Сити-Айленд. За мостом простирался залив. Даже в темноте издали были видны бегущие по нему пенные волны. Предстояло рискованное плавание.

— Я тебя слушаю, — напомнила о себе Минди со дна лодки.

— Я высажу тебя на южной оконечности острова, а сам поплыву на север, где зарывают гробы, и пристану там. Ты пойдешь пешком, ориентируясь по карте, которую я для тебя нарисовал. Иди так, как там указано, потому что этот остров — настоящая смертельная ловушка. К тому времени, когда я выйду к траншеям, ты уже засядешь в зарослях и будешь меня прикрывать. Я нахожу ногу, вырезаю из нее проводок, и мы смываемся.

— А Киваюший Журавль?

— Время его появления непредсказуемо. Траншеи с гробами находятся на открытом пространстве, ты обязательно его заметишь. Заметила — и сразу делай из него решето. Промедление чревато гибелью.

— Не очень благородно.

— К черту благородство. У тебя проблема — не сумеешь всадить пулю ему в спину?

— Такому, как он, — вряд ли.

Он кивнул на ее рюкзак:

— Ты захватила хорошую снайперскую винтовку, как я сказал?

— Не снайперская, но тоже ничего: полуавтоматическая «Кел-Тек Саб. 2К» калибра девять миллиметров. И бронежилет. А ты?

— Две пушки, броня для тела — я тоже во всеоружии. — Гидеон достал непромокаемый конверт с картой. — Ты без труда сориентируешься, но учти: это не остров, а заряженный капкан, так что иди отмеченным мной путем, не вздумай срезать. Вот здесь график, следуй ему.

— Что, если он уже дожидается тебя прямо в этой траншее с руками-ногами? Только ступишь на поле — схлопочешь пулю.

— Я поеду через поле на экскаваторе. Там, в ангаре, их целых два, оба — настоящие танки.

Перед ними вырос мост, за ним шумел залив. Ветер завывал все сильнее, волновался даже обычно спокойный канал.

— Расскажи мне про остров.

— Сначала, в Гражданскую войну Севера и Юга, там находился лагерь для военнопленных. Многие умерли, их похоронили там. В 1869 году город приобрел остров с целью устроить там муниципальное кладбище. Но оно заняло только половину территории. Остальную землю использовали в разных целях. Чего там только не было: женская психиатрическая лечебница, исправительная колония для несовершеннолетних, туберкулезная больница, изолятор для больных желтой лихорадкой, тюрьма... В пятидесятые годы военные развернули там пусковую установку ядерных «Аяксов» шахтного базирования. Теперь там не живут, только хоронят. Ничего не вывезено, не законсервировано — просто оставлено гнить под открытым небом.

— А захоронения?

— Их производят в двух параллельных траншеях: одна для ампутированных конечностей, другая для... в общем, для целых тел. Я прикинул, что за день зарывают примерно по шесть ящиков с конечностями. На каждом ящике два номера: номер, присвоенный в больнице, и порядковый номер — его ставят заключенные, занимающиеся захоронением, чтобы при необходимости останки можно было опознать. Внутри ящика, на самой конечности, есть бирка с информацией для идентификации. С тех пор как Ву отрезали ноги, прошло дней десять, так что нам надо отойти ящиков на шестьдесят — семьдесят вглубь. Ящики ставят в траншее по четыре поперек, в восемь этажей. В одном ряду получается тридцать два ящика. Нам понадобится второй или третий ряд.

— Что потом?

Гидеон похлопал по своему рюкзаку:

— Я взял рентгеновские снимки. Работенка предстоит грязная — придется выковыривать проводок.

— Как думаешь, когда ждать Журавля?

— Говорю же, он непредсказуемая птица. Поэтому тебе надо все время находиться в засаде и покинуть ее, только когда завяжется борьба, и ты сможешь надеяться на элемент неожиданности. Поняла?

— Все ясно. Как насчет плана «Б»?

— Есть, не волнуйся. А также планы «В» и «Г». Нам играет на руку непредсказуемость самого острова. — Гидеон мрачно усмехнулся. — Кивающий Журавль играет, как шахматист, а мы предложим ему сразиться в кости.

ГЛАВА 64

В широком заливе они сразу почувствовали силу шторма: лодка подпрыгнула на волне, ухнула вниз, через борт хлынула вода. Молнии сверкали все ближе, раскаты грома напоминали артиллерийскую канонаду.

Гидеон направил лодку по ветру.

— Начинай вычерпывать!

Минди, хватаясь обеими руками за борта, добралась до носа лодки, схватила старое пластмассовое ведро и принялась возвращать океану его подношение. Занятие было малоосмысленное, так как волны то и дело окатывали их с головы до ног.

— Господи, — простонала Минди, черпая как заведенная, — не лодка, а ванна!

За кормой таяли огоньки Сити-Айленда, впереди зияла темнота. Гидеон достал из кармана компас и скорректировал курс. Странно было попасть в такое волнение во внутренних водах! Мотор надсадно чихал, грозя заглохнуть. В этом случае их ждало морское дно.

Но мотор еще жил, плавание продолжалось, Минди черпала и выплескивала воду, будто внутри у нее тоже заработал мотор. До острова не было даже мили, но лодку сносило ветром. Она не летела, а ползла под дождем, к тому же сильное течение увлекало ее на север, мимо острова, в открытое море.

Если они промахнутся мимо острова, то им преградит путь Скала Казней.

Гидеон, снова сверившись с компасом, решил побороться с течением, отвернув на юг. От нового удара волны лодка так накренилась, что они чуть не оказались за бортом. Слабый мотор отреагировал на это предсмертным хрипом.

— Кажется, живыми мы туда не попадем, — простонала Минди.

Она еще не договорила, а в темноте уже прорезалась береговая линия, окаймленная белой пеной. Гидеон повернул лодку к южной оконечности острова. Они находились от него с подветренной стороны, и по мере приближения волнение стихало.

— Приготовься прыгать, — тихо предупредил он свою спутницу, подавая ей очки ночного видения. — Это тебе пригодится. Никакого света. Следуй моему графику. В назначенное время будь на позиции. И ради Бога, дождись удобного момента и стреляй наверняка.

— Я занимаюсь такими делами гораздо дольше тебя, — фыркнула Минди, надевая очки.

Лодку прибило к большим скользким камням.

— Пора!

Она прыгнула в пену, и в следующее мгновение Гидеон так круто развернул лодку, что винт показался над водой. Мгновение — и Минди утонула в темноте. Гидеон заглушил мотор и постарался отплыть на веслах подальше от берега, чтобы с острова его нельзя было ни разглядеть, ни расслышать. Приходилось одновременно и грести, и вычерпывать воду под ударами волн и под дождем.

Кое-как произведя навигационное счисление пути, он повернул на запад и поплыл параллельно берегу, а потом, решив, что позади осталась половина острова, снова направил лодку к суше. В темноте уже можно было различить главный ориентир — высокую трубу. Он нашел на берегу место, где приставал днем, и на полной скорости направил туда лодку. Когда она ткнулась носом в берег, он выпрыгнул и затащил ее в траву.

Потом, стараясь не высовываться, стал готовиться к пересечению острова: надел и настроил очки ночного видения, проверил оружие, заглянул напоследок в карту. Для пущей неожиданности выбрал неудобный кружной путь — через самые опасные, ежеминутно грозящие обрушением развалины.

Скорее всего Киваюший Журавль давно уже был где-то здесь, успел освоиться и занять удобную позицию, как карауляший муху паук. Гидеон полагал, хотя не сказал этого Минди, что знает позицию своего врага. На острове было одно-единственное место, которое он сам избрал бы своей позицией, выигрышное во всех отношениях. Если он понял, что за субъект Киваюший Журавль — а он считал, что тот уже не представляет для него загадки, — то тот непременно сделает своей сильнейшую наступательную позицию.

Дождь уже превратился в ливень, гром гремел, не переставая, молнии сверкали все чаше. Это было ему на руку. Наручные часы показывали половину одиннадцатого. Минди должна была выйти на заданную позицию через двадцать минут.

Гидеон Кру пополз по мокрой траве к густым кустам восковницы, видя в своих очках окружающее в тошнотворно-зеленых тонах. Дождь мешал верно оценить расстояние от кустов до деревьев. Он чувствовал себя слабовидящим, угодившим в страну призраков.

Гидеон продрался сквозь кусты к развалинам строения, входившего некогда в комплекс исправительной колонии для несовершеннолетних, и проник через разбитое окно внутрь, в царство плесени. Прохудившаяся крыша пропускала воду. Когда-то здесь изготовляли обувь, и все вокруг до сих пор было усеяно башмаками. Их были тысячи, все сморщенные, как опавшие листья, вперемешку с битым стеклом, ржавыми инструментами, железными подставками и полусгнившими деревянными пресс-формами. Гидеон стал красться вдоль стены с револьвером в руке, стараясь не наступать на стекло.

Вскоре он очутился в длинном гулком коридоре. Шум грозы проникал сюда, почти не смягчаемый хлипкими стенами. Дверь, которой заканчивался коридор, висела на одной петле. Она вела в полную сорняков спальню — скопище ржавых кроватных сеток на ножках и одновременно музей настенных росписей самого разнузданного содержания. Очередной раскат грома и пучок молний за пустым окном Гидеон переждал, стоя неподвижно. В свете молний железные ложа отбрасывали на стены кладбищенские тени. Он прочел надпись огромными, от пола до потолка, буквами: «Я хочу умереть».

Гидеон ускорил шаг. За спальней миновал анфиладу комнатушек, заваленных сломанными полками, рваными картонными коробками, папками — все мокрое, заплесневелое, гниющее. На куче макулатуры неподвижно, как изваяние, восседала здоровенная крыса.

Вскоре Гидеон опять оказался под открытым небом и убедился, что ливень усиливается. Оставив позади развалины, он вышел на участок самых старых захоронений, больше похожий теперь на лес. В глубине чащи наткнулся на заваленные листвой и ветками бетонные столбики,

тянущиеся вдаль нескончаемыми рядами. Под ними находились общие могилы. Тут и там наружу торчали кости.

Не выходя из зарослей, он достиг задней стенки ангара с экскаваторами. Днем обратил внимание, что это почти новые «катерпиллеры» модели «450E». Перед вторым выходом в море он успел разобраться, как завести такую машину без ключа, хотя надеялся, что найдет ключи прямо в замке зажигания.

Он ждал, уверенный, что остается невидимым, прислушивался и присматривался. Каждая вспышка молнии демонстрировала ему все, что его окружало, и раз за разом убеждала, что Кивающего Журавля рядом нет. Но это ничего не значило: он не сомневался, что враг где-то неподалеку.

Гидеон медленно обошел ангар, прячась в сорняках. Двигался с удвоенной осторожностью. Больше всего его интересовали края крыши ангара. Крыша представляла собой бревна, опирающиеся на старые кирпичные стены и накрытые железными листами. Все находилось на разных стадиях загнивания, но до обрушения дело пока не дошло.

Главное, крыша могла выдержать вес человека.

Он подошел к углу ангара, где зияла дыра. Проскользнул в нее и увидел два железных агрегата. Очки ночного видения превращали их в огромных зеленых жаб.

Прижимаясь спиной к стене, Гидеон двинулся к ближнему «Катерпиллеру». Дверца кабины была приоткрыта. Он взлетел на сиденье и неслышно закрыл дверь.

В замке зажигания торчал ключ.

Он посмотрел на часы. Минди уже десять минут как должна была находиться в назначенном месте. Пора приступать к первому раунду боя.

Он взялся за ключ, сделал глубокий вдох и включил зажигание. Двигатель ожил с глухим урчанием. Чудесно! Управлять экскаватором мог бы даже хронический идиот — так по крайней мере утверждала инструкция. Он быстро опустил стабилизаторы и поднял обратную лопату над кабиной — это должно было обеспечить защиту. Потом привел в действие рычаг управления и опять сделал глубокий вдох.

Хватило легкого движения пальцев для взмаха ковшом емкостью в четверть тонны — так человек размахивается кулаком. Удар — и крыша взломана изнутри, на землю полетели обломки бревен, хлынула вода. Сначала казалось, что сейчас рухнет вся крыша, но когда ковш опустился, крыша со скрипом легла на прежнее место, в ней просто зияла рваная дыра.

От следующего удара ковшом в крыше появилась новая продольная дыра. Зацепив ковшом край бревна, Гидеон сильно его дернул. Все повалилось вниз: гнилые бревна, листы железа, прямо в ковш хлынул бурный поток дождевой воды. Два выстрела, звон от попадания в лопату и свист рикошета подтвердили, что Гидеон все верно рассчитал.

Он без колебаний перевел стрелу в походное положение, поднял стабилизаторы, включил переднюю передачу и выскочил на экскаваторе, как на мустанге, в поле. Обратная лопата висела теперь сзади, служа защитой от пуль. Почти тут же начался обстрел, лопата звенела от попаданий, как колокол, но успешно загораживала кабину и Гидеона.

Он угадал, как поступит противник. Кивающий Журавль засел на крыше ангара. Откуда ему не только было видно кладбище с траншеями, но он имел возможность открыть огонь по тому, кто попытается подобраться к экскаваторам.

Проломивший крышу ковш наверняка стал для него неплохим сюрпризом. Жаль, конечно, что мерзавец не сломал себе шею, зато появилось доказательство, что не так уж он неуязвим и вовсе не машина для убийств, каким его описывал Гарса.

Гидеон мчался по грязному полю, насколько хватало сил у его неуклюжего «скакуна». Стрельба сзади стала прицельной, пули пробивали крышу кабины, обдавая водителя пластиковой крошкой. Тот пригнулся и был вынужден вести экскаватор не глядя. Пули дырявили ветровое стекло. Лопата не могла служить стопроцентной защитой.

Рискнув и приподняв голову, он убедился, что почти достиг места назначения. Еще одна пуля пролетела мимо, следующая зацепила волосы… Еще мгновение — и Журавль разнес бы ему затылок, но именно этого мгновения ему не хватило: Гидеон успел распахнуть дверцу, вывалиться наружу и перекатиться через край траншеи. Побывав на дне, в грязной воде, он снова высунулся и стал, как солдат из окопа, рассматривать поле боя при помощи своего прибора ночного видения. Стрельба наконец прекратилась.

Он захватил траншею. Минди пока не давала о себе знать, зато противник просчитался и даже мог быть ранен.

Гидеона охватило чувство, близкое к эйфории. Пока что он опережал Кивающего Журавля, и тот был вынужден огрызаться.

Стоя по щиколотку в грязной жиже, Гидеон сосредоточился на батарее ящиков. Здесь, в траншее, ему не грозили пули. Он надеялся, что Минди уже засела в роще и застрелит Кивающего Журавля, если тот попытается перейти поле.

Однако терять время нельзя. Гидеон снял очки, убрал их в рюкзак, надел на голову шахтерский фонарь и включил его. Перед ним громоздилась стена сосновых ящиков высотой десять футов и шириной пять. Ящики уже забрызгало грязью. С озаряемого молниями неба продолжал лить дождь. В траншее стояла невыносимая вонь, смесь запахов гнилого мяса, грязных носков и прокисшего сыра.

Он прочитал номера на ящиках верхнего ряда: 695-1078 MSH, 695-1077 SLHD, 695-1076 BGH. 1076-998-78. От ног Ву его отделяли семьдесят восемь ящиков. В слое ящиков, открытых взгляду, их, судя по номерам, не было. Он вырвал из рюкзака киркомотыгу и воткнул ее в ящик внизу, дернул и с грохотом обрушил весь ряд. Многие ящики развалились, во все стороны полетели руки и ноги с бирками, зловоние стало почти осязаемым.

Благодаря падению переднего ряда гробов обнажился следующий. Его разглядывание при помощи фонаря мало что дало: номера уже были покрыты слоем грязи. Пришлось оттирать грязь сначала с одного гроба, потом с другого, и так далее.

Его работу прервал зловещий звук: ожил второй экскаватор. Гидеон понял, что совершил ошибку, не проверив замок зажигания в другой машине.

Нарастающий рев подсказывал, что второй экскаватор покинул ангар и приближается на максимальной скорости.

Гидеон надел очки и снова выполз на гребень траншеи. Второй экскаватор приближался, разбрызгивая грязь, с задранной, как жало скорпиона, обратной лопатой. Противник, по примеру Гидеона, загородился ею от пуль. Еще минута — и он будет рядом.

Существовал единственный выход: вернуться в собственный экскаватор, стоящий здесь же. Когда он опускал лопату, град пуль пробил кабину. Опущенная лопата служила щитом, но при этом лишала обзора.

Гидеон Кру выбрал такое положение обратной лопаты, чтобы можно было что-то видеть поверх ее края, и помчался навстречу другому экскаватору. Двадцать тонн металла рванулись вперед по глубокой грязи. Он бросил на педаль акселератора рюкзак, вдавив ее в пол. Теперь можно высунуться и открыть огонь из «беретты». Выстрелы были неточны, пули отскакивали от лопаты другого экскаватора. Два железных мастодонта сближались, скорость каждого достигала двадцати километров в час. Кивающий Журавль снова открыл огонь. Он стрелял лучше, так что Гидеону пришлось низко пригнуться.

До столкновения оставалось пятнадцать — двадцать секунд. Гидеон крепко пристегнулся ремнем, в голове мелькали варианты дальнейших действий — как ни странно, их оказалась добрая сотня.

Столкновение сопровождалось могучим сотрясением, оглушительным скрежетом железа о железо. Гидеона бросило на ветровое стекло, и без того продырявленное пулями. Он молниеносно включил задний ход и стал вертеть машину на месте, виртуозно «играя» джойстиком. Кивающий Журавль делал то же самое со своим экскаватором.

Гидеон раздвинул стрелу и нанес тяжелым ковшом боковой удар по кабине Журавля. Как ни силен был удар, Кивающий Журавль сумел к нему подготовиться и в последний момент подставил под него свой ковш.

От этого столкновения экскаватор Гидеона развернуло, фонтаном ударила гидравлическая жидкость, кабина оказалась под обстрелом. Одна пуля ударила в бронежилет, опрокинув Гидеона и на какое-то время лишив способности дышать.

Но и не дыша, Гидеон смог заметить, что от удара ковш его экскаватора случайно оказался в выигрышном положении, и обрушил эту железную махину на крышу неприятельской кабины. Журавль снова оказался начеку, нанес ответный удар и опрокинул экскаватор Гидеона. Ковш машины Гидеона скользнул по краю кабины Журавля, брызнул фонтан искр. Гидеон попытался предотвратить опрокидывание, выдвинув стабилизаторы.

Кивающий Журавль задрал свой ковш еще выше, готовя смертельный удар. При этом сам он оказался на виду. Гидеон бросил джойстик и, держа обеими руками «беретту», всадил всю обойму в кабину Журавля, обрушив ее ветровое стекло и превратив убежище противника в груду разбитого пластика. Но Кивающий Журавль нырнул на пол и оказался под защитой своей лопаты — туда пули залететь не могли.

Гидеон вновь пустил свою машину вперед, задрав стрелу с ковшом, чтобы раздавить кабину противника. Но Кивающий Журавль не дал это сделать, задрав свою лопату. Одновременно он тоже выпрямил стрелу с ковшом и обрушил его на кабину Гидеона. Грохот, лязг… Кабина сложилась внутрь, на Гидеона повалились провода и куски обшивки.

Он упал на пол, чтобы в последний момент не быть расплющенным. Его обратная лопата была теперь бесполезной, сиденье было раздавлено, управлять экскаватором он больше не мог. Скорчившись на полу, Гидеон слышал, как Кивающий Журавль заносит свою обратную лопату для еще одного сокрушительного удара.

«Пора выбираться наружу…»

Он рванул дверцу, но та не открылась.

Ковш Журавля упал сверху, все круша, почти заперев Гидеона в клетке, образованной обломками. Но, снова поднимаясь, ковш зацепил зубцом часть рамы кабины, и среди обломков открылась дыра. Гидеон, воспользовавшись шансом, нырнул туда, на лету выхватил «таурус» и открыл огонь по Журавлю. Плюхнувшись в грязь, он покатился. Кивающий Журавль опять занес ковш, видимо, чтобы раздавить его как мокрицу. Гидеону осталось только вскочить и припустить к укрытию — траншее, до которой было теперь с полсотни метров.

Пули поднимали фонтанчики грязи у него под ногами, потом одна ударила в спину, защищенную бронежилетом, и швырнула лицом в грязь. Он завозился, корчась от боли и безуспешно пытаясь встать. Фонтанчики грязи приближались к его лицу, потом его накрыло ревом железной махины. Он вдруг осознал, отчетливо, что добраться до спасительной траншеи ему не суждено…

Но тут послышалась стрельба из зарослей, по кабине экскаватора Журавля опять защелкали пули.

Минди!

Кивающему Журавлю пришлось перенести огонь на нее и остановить экскаватор. Гидеон воспользовался передышкой, чтобы скатиться в траншею. Оттуда он снова открыл огонь. Когда магазин опустел, перезарядил его трясущимися руками и продолжил стрельбу.

Кивающий Журавль попал под перекрестный огонь. Он вращал машину, используя погрузчик как щит, но поскольку стрельба по нему велась с двух сторон, от этого маневра было мало проку. Тогда, оглушительно взревев дизелем, он погнал машину прочь, из-под огня. Гидеон еще раз перезарядил «беретту». Минди покинула заросли и бежала через поле, стреляя на бегу. Прикрывая ее, Гидеон истратил всю обойму. Она спрыгнула к нему в траншею в тот момент, когда с дальнего края поля в их сторону опять полетели пули.

— Тебе было сказано оставаться среди деревьев! — крикнул Гидеон, перекрывая шум ливня и вой ветра.

— Ты ищи ногу, а я буду тебя прикрывать.

Гидеон понял, что она права.

Минди расположилась на гребне траншеи и продолжила стрельбу. Пули Кивающего Журавля падали рядом, все ближе. Гидеон вернулся к ящикам: спешно стирая с каждого грязь, он светил на номера. И вот наконец: 695–998 MSH.

— Нашел! — крикнул он.

— Скорее! — отозвалась Минди сверху, не прекращая огонь.

Он обрушил вниз ящики верхних рядов, оголил ящик с нужным номером и вырвал его из пирамиды. От напряжения у него болели спина и грудь, к тому же попадания пуль стоили ему, видимо, пары ребер. Он со всей силы вонзил киркомотыгу в крышку ящика, потом отчаянным рывком оторвал сломанные доски и направил внутрь ящика луч фонаря.

— Чтоб я сдох! Рука!

ГЛАВА 65

Гидеон оторвал от мертвого пальца бирку. На ней значилось: «Микулски Анна, Сент-Льюк. 6569346C-41».

— Сволочи, они все перепутали! — простонал он.

— Ищи дальше! — крикнула, не оборачиваясь, Минди и присела. Пули Кивающего Журавля рыхлили гребень траншеи, забрызгивая их обоих грязью.

Гидеон, окинув безумным взглядом груду ящиков, схватил наугад один, сорвал с него крышку и вытряс что-то вроде сгнившего легкого. Отбросив орган пинком ботинка, он взялся за другой ящик, за третий, за четвертый: срывал крышки и отшвыривал все, кроме ног, — на них он изучал бирки. Многие ящики от его поспешных действий развалились сами, и ему приходилось теперь копаться в конечностях и в менее узнаваемых частях тел и органах, проверяя бирки и отбрасывая ненужное, то есть все. Вся эта плоть, проведя дни, а то и недели в теплом летнем грунте, находилась на стадии активного гниения и разваливалась прямо у него в руках.

— Опять экскаватор! — предупредила Минди.

— Задержи его! — Гидеон откинул подальше чьи-то потроха и набросился с киркомотыгой наперевес на следующий ряд ящиков, срывая крышки одну за другой. На него посыпались руки-ноги. Он напал на настоящую жилу ампутированных конечностей. — Не серчайте, братцы! — прохрипел он.

— Он приближается! Его не остановить — он поднял лопату!

— Еще немножко! — Гидеон ковырялся в куче конечностей, читая бирку за биркой и отшвыривая все новые руки и ноги.

А потом ему попались две раздавленные ноги. Он бы узнал их, даже если бы с ними в ящике не лежала драгоценная бирка, на которой значилось: «Ву Марк, „Маунт-Синай“ 659347A-44».

— Нашел! — Он извлек из ящика левую ногу и водрузил ее на целую крышку. Нога уже загнила и порвалась в колене. Но ему требовалось бедро. Из рюкзака были извлечены резак и рентгеновский снимок. Положив фонарь, он поднял снимок, сличил его с ногой и нашел место, где резать.

— Ради Бога, поторопись! Он опустил лопату и гонит в нашу сторону гору грязи! Ее пулями не пробить!

Гидеон сделал глубокий вдох, всадил лезвие в плоть и сделал длинный надрез, вынул скальпель, сделал другой надрез в сантиметре от первого, потом еще один. Проводок находился прямо под кожей, но нога была такой грязной, так нашпигована осколками, что трудно было правильно выбрать место для разреза.

— Чего ты копаешься? — крикнула Минди.

Гидеон уже слышал рев приближающегося экскаватора, чувствовал дрожь земли.

Еще один разрез, перпендикулярный предыдущему.

— Господи!.. — донесся до него испуганный голос Минди, не прекращавшей стрельбы.

Мотор рычал уже почти над ними.

Лезвие на что-то наткнулось. Гидеон запустил в разрез пальцы, нащупал и вытянул наружу тяжелый U-образный обрезок проволоки длиной примерно в сантиметр.

— Готово! — Он сунул бесценную находку в карман.

Экскаватор навис над ними, гора земли вперемешку с костями обрушилась им на головы, как волна. Она сбила с ног Гидеона и целиком засыпала Минди. Та заорала, а потом Гидеон лишился зрения и слуха...

Очнувшись, Гидеон обнаружил, что по самую грудь ушел в топкое месиво. Сломанные ребра терлись друг о друга и причиняли страшную боль. Он потряс головой, чтобы избавиться от грязи в глазах, выплюнул гадость изо рта и предпринял попытку освободиться. Но ему на затылок наступил тяжелый башмак, и он чуть не захлебнулся грязью.

— Не торопись, дружок, — раздался безразличный голос. — Отдай мне проводок.

— Помоги ей. Ее завалило, — прохрипел Гидеон.

Ботинок надавил ему на затылок еще сильнее.

— О ней не беспокойся. Подумай о себе.

— Она задохнется!

Кивающий Журавль поиграл биркой на ноге Ву, лежащей перед ним.

— Я знаю, проводок у тебя. Отдай его мне. — Он опустил руки в грязь и стал ощупывать карманы Гидеона, забрал «беретту», «таурус», резак.

— Дай мне встать!

Кивающий Журавль убрал ногу и отступил. На шее у него болтались очки ночного видения.

— Вылезай. Только медленно.

Гидеон завозился в грязи.

— Лопату! — простонал он.

Кивающий Журавль бросил ему лопату. Гидеон стал яростно разбрасывать грязь, морщась от боли. Наконец он вернул себе способность шевелить ногами и выполз на поверхность, то есть на дно траншеи. Выпрямившись, немного подышал и хотел было откапывать Минди.

— Проводок! — Кивающий Журавль приставил к его виску свой «тек-9».

— Сначала надо откопать ее!

— Дурак. — Кивающий Журавль сильно ударил его по голове рукояткой пистолета, отнял лопату и вставил дуло пистолета ему в ухо. — Проводок!

— Пошел ты!

— Тогда я заберу его у мертвеца. — Он еще глубже загнал горячее дуло пистолета Гидеону в ухо. — Прощай!

ГЛАВА 66

Мануэль Гарса, одетый в мятую форму сотрудника Санитарного управления из бездонных закромов «ЭИС», брел по велосипедной дорожке вдоль северного берега нью-йоркского пруда Мидоу-Лейк. Издали доносился гул автострады Ван-Вика. Был уже двенадцатый час ночи, бегуны, велосипедисты и мамаши с колясками давно разошлись по домам, лодки тихо покачивались у пристаней.

Он собирал специальным раздвижным штырем редкий мусор и складывал его в пластиковый пакет, прикрепленный к поясу. Прикидываться дворником было разумно в 1980-е годы, когда Нью-Йорк тонул в мусоре, теперь же, когда город аж хрустел от чистоты,

дворники бросались в глаза сильнее, чем тогда. Пора бы «ЭИС» придумать другое прикрытие: пассажир общественного транспорта, бездомный, марафонец...

Он хмуро наколол еще одну бумажку. При мысли об «ЭИС» на ум снова пришел Эли Глинн. Гарса работал с ним с незапамятных времен, но так и не научился его понимать. Всякий раз, стоило Гарсе подумать, что на начальника повлиял возраст или какая-то особенно трудная операция и он смягчился, как Эли Глинн спешил опровергнуть его умозаключения. Его действия оставались непредсказуемыми. Как в тот раз в Литве, когда он грозил взорвать ядерное устройство из-за отказа клиента расплатиться. И ведь не шутил, а действительно нажал кнопку, запускающую реакцию, чем и принудил клиента капитулировать. Или взять роковую экспедицию на Огненную Землю, когда их преследовали, и Глинн взорвал целый айсберг, чтобы...

Гарса постарался прогнать неприятные воспоминания и побрел в сторону от озера, к служебной электротележке Управления парков. Только этим утром, после встречи Гарсы с Кру в поезде метро, Глинн отклонил предложение Гарсы отправить на помощь к Кру несколько бригад, чтобы успешно завершить операцию. Внимательно его выслушав, Глинн покачал головой:

— Мы этим не занимаемся. — Обычный для Глинна ответ без попытки что-либо объяснить.

Гарса залез в электротележку, убрал штырь и отпер ящик под сиденьем. Чего там только не было: девятимиллиметровый «глок» с глушителем, обрез карабина, полицейский электрический «тазер», полицейская рация, очки ночного видения, медицинский набор первой помощи и несколько разнокалиберных федеральных, штатных и местных личных значков. Он с удовлетворением закрыл ящик и покатил на север, к Музею искусств Квинса.

Поскольку Глинн отказал Гидеону Кру в помощи, Гарса взял инициативу в свои руки. Кру получил задание огромного значения, из тех, что меняют мир. Гарса не собирался бросать его на произвол судьбы, учитывая, что успеху задания мешал такой опасный персонаж, как Кивающий Журавль.

Кру сообщил, что встреча назначена у Глобуса. Гарса уже видел вдалеке этот серебряный шар с фонтаном у основания, установленный неподалеку от шоссе Лонг-Айленд. Беда в том, что Кру не уточнил, где именно встречается с Кивающим Журавлем — под самим Глобусом или где-то поблизости. То, что эта штуковина торчала строго посередине парка «Флашинг-Мидоуз-Корона», второго по величине парка Нью-Йорка, не облегчало задачу. Будь его воля, он усадил бы в засаду по всему парку полицейских в форме и без, агентов «ЭИС», снайперов,

пожарных, специалистов по угону, водителей-асов, журналистов, да мало ли кого еще! А так все приходилось делать самому.

С самого начала вся эта затея была обречена на провал. Во-первых, зачем было поручать такую важную миссию совершенно непроверенному субъекту, какому-то Кру? В распоряжении Глинна хватало опытных, обстрелянных сотрудников. Но нет, ему понадобился Кру, не прошедший через огонь и воду, не имеющий за плечами десятилетий трудного роста, в отличие от самого Гарсы. Гидеон Кру действовал по наитию, по зову своего гнева, под действием адреналина, а не по твердому расчету. Гарса был образцом уравновешенности, но даже его такие мысли заставляли кипеть от негодования.

Было уже почти половина двенадцатого. Глобус поблескивал впереди, как метеор. Времени оставалось в обрез: короткая рекогносцировка — и определение оптимальной позиции для наблюдения за разворачивающейся ситуацией. Он свернул к Глобусу и прибавил скорость.

ГЛАВА 67

Гидеон знал, что умрет, но ровным счетом ничего не чувствовал. По крайней мере проще и не так больно.

Вдруг раздался вопль, послышалась частая стрельба. Гидеон обернулся и увидел чудовище — человеческую фигуру, залепленную грязью, вырвавшуюся из жидкой кучи. Фигура бежала, палила из винтовки и выла, как привидение. Пули отшвырнули Кивающего Журавля в сторону, но он, даже падая, ожесточенно отстреливался.

— У меня нет патронов! — заорала Минди, бросила винтовку и нашарила в грязи свой пистолет.

Гидеон упал на Кивающего Журавля и попытался вырвать у него пистолет в надежде, что он мертв. Но тот оказался жив — тоже благодаря бронежилету. Оба покатились по грязи, борясь за «тек-9». Кивающий Журавль был сильнее, он сбросил с себя Гидеона и завладел пистолетом.

Минди попыталась огреть его доской по голове, но убийца успел увернуться, и удар пришелся ему по плечу. Он нетвердой рукой поднял пистолет. До Гидеона дошло, что теперь у них одна надежда — бегство.

— Бежим! — крикнул он.

Минди выскочила из траншеи как ошпаренная, Гидеон последовал за ней. Пули неслись им вслед, но они уже мчались по полю, исчезая в кромешной темноте, и попасть в них можно было только чудом.

На какое-то мгновение все стихло, только гром продолжал громыхать, но и тот затихал.

— Перезаряжает! — крикнула Минди на бегу.

Беглецы достигли леса, и от новых выстрелов на них посыпалась листва. Они продирались сквозь подлесок до тех пор, пока окончательно не лишились сил.

— Где твое оружие? — прохрипел Гидеон.

— Обронила. Но есть запасное. — Она достала военный «кольт-45». — Где проводок?

— У меня в кармане.

— Бежим дальше!

Она устремилась на юг. Гидеон, превозмогая боль, старался не отставать. В драке он лишился очков ночного видения и фонаря. Им приходилось двигаться на ощупь сначала в поле, потом в чаще, царапаясь о ветви и колючие кусты. У Гидеона не было ни капли сомнения, что Кивающий Журавль преследует их по пятам.

— Ничего не получится, — простонал он. — У него прибор ночного видения. Нам надо на открытое место, там мы хоть что-то увидим.

— Согласна, — кивнула Минди.

— Тогда за мной!

Гидеон, вспоминая карту, повернул на восток. Деревья расступились, и они побежали по другому кладбищу, где под ногами затрещали чуть присыпанные черепа. Они выскочили на широкую заросшую дорогу, за которой стояли низкие строения исправительной колонии. В южном секторе небосвода еще теплился свет — там находился Нью-Йорк. Этого зарева хватило, чтобы сориентироваться. Гидеон пустился бежать, Минди метнулась за ним.

— Где лодка? — крикнула она.

— У берега, под трубой.

Сзади по ним опять началась пальба, и Гидеон инстинктивно плюхнулся на живот. Минди приземлилась рядом, перевернулась на спину и повела ответную стрельбу. До них донесся крик боли, после чего стало тихо.

— Я попала! — выдохнула она.

— Вряд ли. Он — само коварство.

Они вскочили и помчались к развалинам спальных корпусов. Ворвавшись внутрь через разломанную дверь, Гидеон устремился из комнаты в комнату, преодолевая в прыжках развалившиеся койки. Выбежав с противоположной стороны, он резко свернул в разрушенную часовню, пробежал сквозь нее, выскочил в окно-розетку, повернул назад.

— Что мы делаем? — раздался за спиной запыхавшийся голос. — Ты же сказал, что лодка под трубой...

— Мы действуем наугад. Надо его запутать, а потом затаиться.

Задыхаясь, чуть не теряя сознание от боли в ребрах, Гидеон устремился через густой лес к берегу, но теперь уже не так быстро и как можно тише. Деревья расступились, и они выскочили на знакомую ему бейсбольную площадку с заросшими трибунами и с исчезнувшим под молодой порослью игровым полем.

Посреди поля Гидеон остановился и прислушался. Из-за завывания ветра и шума дождя различить другие звуки было почти невозможно.

— Уверена, мы от него оторвались, — прошептала Минди, вынимая из карманов патроны и заряжая «кольт». — Неплохое место. — Она кивнула на заросший склон, бывший раньше трибунами.

Гидеон согласился, и они заползли под скамьи. Растительность здесь была такая густая, что они почувствовали себя как в пещере. Дождь барабанил по металлическим сиденьям над их головами.

— Здесь он нас никогда не найдет, — сказала Минди.

Гидеон покачал головой:

— Рано или поздно все равно отыщет, куда бы мы ни забились. Мы немного подождем и побежим к лодке. До нее уже недалеко.

Он прислушался и различил шум прибоя, как его ни заглушал дождь.

— Кажется, я в него попала, — повторила Минди.

Гидеон не ответил, потому что обдумывал предстоящий путь к лодке. У него не было уверенности, что в Киваюющего Журавля угодила пуля.

— У тебя есть фонарь или лампа? — спросил он.

— Были, в рюкзаке. Мне удалось унести только револьвер.

— Не пойму, как ты выбралась из кучи грязи!

— Она была рыхлая, меня засыпало несильно. Ты много сгреб. Отдавай проводок!

— Ради Бога, вернемся к этому потом, — простонал он.

Минди медленно выпрямилась и сделала шаг назад, взяв его на мушку.

— Сказано: давай сюда!

Глядя в дуло, Гидеон ничего не понимал. Но так продолжалось только секунду-другую. На третью он вспомнил, как Кивающий Журавль обозвал его дураком. Тогда это показалось случайным словом. Теперь, слишком поздно, до него дошло, что Кивающий Журавль не позволяет себе случайных поступков и даже слов.

— Ты что вытворяешь? — спросил он.

— Давай сюда проводок.

— Кто ты? Ты не агент ЦРУ.

— Была агентом. Но там мало платили.

— И теперь ты вольный игрок?

— Типа того. — Она улыбнулась. — Сейчас я работаю на ОПЕК.

— ОПЕК?!

— Ага. Думаю, тебе хватит мозгов понять, с какого боку тут ОПЕК.

— Пока что не хватает, — соврал он, чтобы потянуть время.

— Представляешь, что может сделать эта завитушка с их бизнесом? Нефтяной рынок прикажет долго жить. Вместе с двигателем внутреннего сгорания. Так что давай ее мне, парень. Честно говоря, не хочется тебя убивать, Гидеон, но придется, если не послушаешься.

— Сколько тебе за это платят?

— Десять миллионов.

— Ты продешевила.

Он вспомнил Гонконг, дипломатическую печать в ее сумочке. Одно это должно было вызвать у него подозрение.

«Кивающий Журавль прав — я свалял дурака».

Минди протянула руку ладонью вверх.

«Конечно, она меня пристрелит, если пожелает. Но вдруг, чем черт не шутит... вдруг ее остановит память о нашей близости?»

Он вынул из кармана проводок и отдал ей.

— Молодец. — Держа временного подельника на мушке, Минди рассмотрела проводок, потом сжала кулак и прицелилась. — Ух ты! Мне действительно жаль тебя убивать.

Гидеон понял, что она говорит правду, но это не помешает ей спустить курок. Он зажмурился.

ГЛАВА 68

В темноте прогремел выстрел. Гидеон не почувствовал ни боли, ни удара пули. Открыл глаза. Сначала не увидел никаких изменений, потом заметил отсутствующее выражение на лице Минди и аккуратное отверстие у нее между глаз. Постояв секунду-другую, она упала навзничь в пыль.

Гидеон вырвал проводок из ее еще подрагивавшей руки и бросился наутек.

Новые выстрелы пробили сиденья, осыпав его щепками и ветками. Он выбежал из-под трибун и устремился к лодке кратчайшим путем.

«Это мой единственный шанс выжить...»

Впереди простирался пригородный пейзаж после Армагеддона. Гидеон бежал по заросшим травой улицам, потом стал закладывать петли. Он слышал за спиной Кивающего Журавля, медленно сокращающего расстояние между ними.

Заскочить в дом значило самому загнать себя в ловушку. Убежать от врага он не мог, а значит, добраться до лодки нечего было и мечтать.

Он помчался в противоположную сторону по следующей улице, то и дело сворачивая, чтобы не позволить преследователю открыть по нему прицельный огонь. Хорошо бы захватить с собой револьвер застреленной Минди, но в ту минуту надо было решать: револьвер или проводок. Для того и другого времени не оставалось.

Кивающий Журавль неуклонно приближался. Гидеон все сильнее задыхался, словно сломанные ребра проткнули ему легкие.

Что дальше?

Вот и конец последней улицы. Впереди лежало открытое поле по соседству с динамо-машиной. Охранник тщательно его обогнул, сказав, что на острове много мест, куда они ни ногой, и что это поле относится к таким местам.

«Чем оно опасно? И не это ли мой последний шанс на спасение?»

Он помчался по полю, виляя, как заяц. Кивающий Журавль настигал его и не собирался останавливаться для стрельбы, а сокращал разрыв, чтобы потом открыть огонь в уверенности, что промаха не будет. Гидеон оглянулся и увидел бегущую фигуру в ста пятидесяти метрах от себя.

Оказавшись на середине поля, Гидеон сообразил, что допустил серьезную ошибку. Преодолеть это открытое пространство он уже не сумеет, а здесь, в центре, спасения не было: никаких неожиданных опасностей для преследователя, никаких ям или старых построек — просто открытое поле. Почва здесь была твердая и ровная. Это была гонка, а Кивающий Журавль бегал быстрее.

Гидеон оглянулся, не сбавляя скорости, и прикинул, что Кивающего Журавля отделяет от него не больше ста метров.

Глядя на недосягаемый дальний край поля, он вдруг все понял. Опасность заключалась не в самом поле, а в огромной трубе над динамо-машиной, старой и нестойкой. Потому охранник и сделал круг: чертова труба могла в любой момент обрушиться.

Вокруг нее вилась старая железная лестница.

Гидеон резко поменял направление и устремился к трубе. Достигнув ее, он на мгновение заколебался, стоя с задранной головой в высокой траве: его ждал путь в никуда без шансов вернуться.

«Ну и пусть!»

Он подтянулся и стал карабкаться вверх по ржавым ступенькам. Снизу бабахнули три выстрела, пули отскочили от кирпичей у него под самым носом. Спираль лестницы обещала временное укрытие за трубой.

Старая ржавая лестница жалобно скрипела и раскачивалась, при каждом шаге с нее падали куски ржавчины. Одна ступенька провалилась, и Гидеон повис на перилах, болтая в пустоте ногами, потом собрался с силами, подтянулся и оказался на следующей ступеньке.

Опрометчиво забираясь все выше, он почувствовал дрожь металла внизу: Кивающий Журавль начал восхождение за ним следом.

«Естественно! Я совершил смертельную глупость: Кивающий Журавль загонит меня на самый верх и пристрелит…»

Чем выше взбирался Гидеон, тем сильнее чувствовал дрожь трубы на ветру, тем громче был хруст — это вываливался из швов превратившийся в камень раствор.

Он прозревал и все больше сознавал, до какой степени сглупил. Ветер так раскачивал трубу, что она могла рухнуть в любую секунду.

Невозможно представить, как он выживет после того, как достигнет верхушки.

Выстрел! Пуля ударила в перила рядом с его рукой. Он побежал по лестнице еще быстрее, прячась за трубой. Вспышка молнии озарила всю безнадежную картинку: остров, развалины, грозящая рухнуть труба, гнилая винтовая лестница и штормящее море далеко внизу.

— Кру! — донеслось снизу. — Кру! — Ни на что не похожий бесстрастный голос Журавля относило в сторону ветром.

Гидеон остановился и прислушался. Труба, качаясь на ветру, грозно гудела и жалобно стонала.

— Ты попался, дурак! Спустись, отдай мне провод, и я оставлю тебя в живых!

Гидеон полез дальше. Снова раздался выстрел, но пуля даже не попала в трубу. Из-за раскачивания трубы, ветра и дождя Кивающему Журавлю приходилось подолгу целиться. К тому же Гидеону показалось, что в его голосе слышен страх. Это уже достижение. Как ни странно, сам Гидеон совершенно не боялся. Он уже был мертв. Знал, что это конец, ему ни за что не спуститься с трубы живым. От этой мысли почему-то становилось легче. У него имелось свое секретное оружие, о котором противник не догадывался: смерть предоставила ему время взаймы.

Чем выше он забирался, тем сильнее становился ветер, то и дело норовивший сбросить его с лестницы. В небе сверкнула молния, почти сразу за ней ударил гром. Гидеон услышал металлический скрежет: это оторвалась от трубы целая секция лестницы. Прогремела оглушительная очередь — это срезало несколько болтов. Оторвавшаяся секция повисла в пустоте, и на ней — вцепившийся в перила Гидеон. Он держался изо всех сил. Ветер раскачивал его и швырял на трубу. Но постепенно качка утихла, Гидеон снова нащупал ногами опору и возобновил восхождение.

Вспышка молнии показала, что половина пути наверх осталась позади.

Не карабкаться дальше было невозможно: нельзя слишком долго задерживаться на гнилой ступеньке, к тому же необходимо прятаться за трубой от Кивающего Журавля.

— Кру! — крикнул тот снизу. — Это самоубийство!

— Для обоих! — отозвался Гидеон.

«Да, самоубийство, — подумал Кру. — Упадет труба или выстоит, спуститься по ступенькам я уже не смогу, так как сам слишком их повредил, да и Кивающий Журавль не выпустит меня из этой западни. А

еще я безоружен. Когда доберусь до верхушки трубы, Кивающий Журавль без труда со мной расправится».

— Кру! Ты псих!

— Это точно!

От сильного порыва ветра труба затряслась от основания до верхушки, вниз обрушился новый камнепад. Гидеон прижался к трубе, чтобы его не ударило падающим кирпичом. Когда снова посмотрел вниз, Кивающего Журавля не было видно — наверное, он оказался на противоположной спирали лестницы. Молнии теперь сверкали почти без перерыва, обеспечивая постоянное освещение.

Гидеон посмотрел вверх. До верхушки совсем близко. Жерло трубы окружал узкий железный желоб, потерявший половину своих скоб и опасно перекошенный на одну сторону. Гидеон все поднимался, осторожно ставя ноги на ступеньки и крепко держась за перила.

Неожиданно для себя он очутился наверху, на обжигающем ветру, и пролез на железную платформу, которой заканчивалась лестница. Край трубы был обломан и походил на рот с недостающими черными зубами. Тяжелая решетка внутри трубы, когда-то не выпускавшая наружу пепел, имела две медные заслонки, которые были теперь распахнуты, как крылья огромной летучей мыши. Изнутри трубы доносился странный стон, словно издаваемый допотопным чудищем.

Деваться отсюда было некуда.

«Один из нас умрет на Харт-Айленд. Так ты спланировал, так тому и быть...»

ГЛАВА 69

— Долазился?..

Раньше Гидеон не считал Кивающего Журавля способным на сарказм. Снизу донесся смех.

«Что теперь?»

Гидеон залез на трубу без всякого плана в голове — просто спасался от Журавля. От порыва ветра труба закачалась, с края свалилось вниз несколько кирпичей. Если так пойдет дальше, она не выстоит и часа.

Внезапно Гидеона осенило. Он раскачал кирпич и стал ждать молнии. Она сверкнула под удар грома и осветила Журавля, цепляющегося за лестницу метров на пятнадцать ниже. Гидеон сбросил на него кирпич.

Противник ответил серией выстрелов, несколько раз продырявив платформу, где скорчился Гидеон, так что тот чуть не свалился вниз. Пальбу Кивающий Журавль сопровождал сатанинским хохотом.

Кидать в него кирпичи было бессмысленным занятием: в очках ночного видения Журавль легко от них уклонялся, тогда как Гидеону приходилось ждать для камнеметания молнии, да еще подвергаться опасности нарваться на пулю.

Ветер выл в распахнутых заслонках. Гидеон заглянул внутрь трубы, но, конечно, ничего не разглядел. Оттуда доносились непрерывные стоны. Ветер раскачивал трубу и платформу над лестницей. Падения оставалось ждать все меньше.

Падение...

Почему-то перед его мысленным взором появилась Орхидея: «Ты попал в беду? Почему не разрешаешь тебе помочь? Почему все время отталкиваешь?»

Он присмотрелся к системе заслонок. Сделанные из меди, они до сих пор находились в приличном состоянии. Длинный рычаг управлял приводами, поднимающими и опускающими полукруглые заслонки. Гидеон взялся за рычаг и потянул. Тяжелые заслонки загремели, задрожали, но не сдвинулись с места. Он дернул — снова ничего. Тогда, схватившись обеими руками за платформу, он лягнул рычаг ногой.

Рычаг приподнялся, заслонки упали с тяжелым ударом, от которого по всей трубе побежала волна дрожи. С верхушки упала сразу дюжина кирпичей.

— Что ты делаешь? — крикнул снизу Кивающий Журавль полным ужаса голосом.

Гидеон мрачно усмехнулся. Снова схватив рычаг, он, удерживаясь на платформе, налег на него всем телом и заставил заслонки опять открыться, как половинки разводного моста. Тяжелые колеса пришли в движение, вниз посыпались чешуйки меди.

Он потянул рычаг и уронил заслонки.

От их падения по телу трубы пробежала еще более сильная дрожь. Вся она отозвалась стоном, потрескиваниями сразу в десятках мест.

— Ты псих! — проорал Кивающий Журавль.

Вспышка молнии показала, что он подлез уже под самую платформу. До Гидеона доносилось его хриплое дыхание, железная лестница гудела от его шагов. Гидеон надеялся, что у Журавля не хватит храбрости

подняться так высоко, тем не менее он это сделал. На пальцах правой руки Журавля сверкнули заостренные наперстки.

Гидеон опять распахнул заслонки.

— Прощайся! — крикнул он и снова уронил их с громовым гулом.

— Нет!

Он еще раз открыл заслонки, еще раз их уронил — и в этот раз труба покачнулась целиком, до самого основания. Где-то внизу раздался зловещий скрежет.

— Дурак!

При новой вспышке молнии Гидеон увидел Кивающего Журавля, цепляющегося за перила в двадцати футах от платформы. На его лице читался ужас, и он торопливо... спускался!

Гидеон разразился смехом безумца.

— Кто теперь дурак? — заорал он. — Я не боюсь умереть! Тебе надо было сторожить меня внизу!

И он еще раз громыхнул заслонками. Платформа заходила ходуном и резко накренилась, грозно скрежеща. Гидеон соскользнул на самый ее край, но удержался от падения, ухватившись за рычаг. Стучась оторвавшимися опорами о трубу, платформа моталась как живая, подхватывала ветер, как парус. Скрежет, окончательный разрыв, и платформа, вращаясь, понеслась вниз. Гидеон, болтая ногами над бездной, остался висеть на медном рычаге, торчащем из щербатой пасти трубы.

При новой вспышке молнии он увидел поспешно спускающегося вниз Журавля. Если он достигнет земли, Гидеон расстанется с надеждой на месть. Хотя какая месть, раз ему все равно не выжить?

Сам удивляясь, откуда берутся силы, он сделал мах ногами и уцепился ими за рычаг. По нему сумел доползти до жерла трубы и схватиться за решетку внутри. Она тоже качалась, ходила волнами, из трубы несся усиливающийся рокот. Там что-то происходило, и процесс, судя по грозному звуку, нарастал с каждой секундой. Гидеон еще раз громыхнул заслонками, пустив новую волну предсмертной дрожи по всей трубе.

Труба со странным, почти живым стоном накренилась в одну сторону, потом в другую, постояла прямо, словно в раздумье, а потом стала невыносимо медленно опускаться туда, куда ее гнул ветер.

На сей раз она не вернулась в вертикальное положение, а ускорила падение. Верхушка тряслась, грозя отвалиться.

— Не-е-ет! — раздался крик внизу.

Кирпичи посыпались вниз один за другим, камнепад превратился в лавину. Трубе настал конец, в этом не было сомнения. Вместе с ней погибнут они оба. Лишь бы смерть оказалась мгновенной!

Вспышка в небе — и Кивающего Журавля осветило, как прожектором. Он не преодолел еще и половины пути вниз.

— Это тебе за Орхидею, сволочь! — крикнул Гидеон в сомкнувшуюся тьму.

Падение трубы ускорялось. Следующая молния вполнеба озарила беснующуюся водную стихию. В этот момент Гидеон понял, что для него еще не все потеряно: труба кренилась в сторону моря.

В ушах у него все страшнее свистел ветер, а он, сидя верхом на рычаге, падал вместе с трубой. Став с трубой одним целым, он стонал предсмертным стоном вместе с ней. Свист ветра становился нестерпимым, прямо в лицо ревело приближающееся всеохватное море. При вспышках молнии он видел, как разбиваются при падении на землю нижние секторы трубы, как их окутывают клубы пыли, как рыхлая полоса каменной трухи ползет к морю. Перед самым падением в волны Гидеон собрался с духом и, прежде чем верхушка ухнула в воду, совершил далекий прыжок и в нем сгруппировался, подтянул живот, напряг мышцы рук и постарался врезаться в воду вертикально, «солдатиком».

Удар о воду был чудовищным, он сразу ушел на глубину. Раскинул ноги и руки, чтобы замедлить и остановить погружение, а потом устремился вверх, отчаянно гребя в холодной воде. Но как ни старался, до поверхности было слишком далеко.

В тот самый момент, когда должны были лопнуть легкие, Гидеон вынырнул и забарахтался. Он никак не мог отдышаться, а ведь надо еще сражаться с волнами. Вокруг была кромешная тьма. Взлетев на гребне очередного вала, он увидел огоньки Сити-Айленда и кое-как сориентировался.

Теперь он греб еле-еле, экономя дыхание и силы. Казалось, до пляжа и до лодки рукой подать, но его то и дело накрывало с головой волнами и оттаскивало назад. Сломанные ребра жгли огнем, но он еще держался на плаву, снова ничего не различая во тьме, оглохший от штормового рева. Силы покидали его с каждой секундой. Гидеон успел подумать, что было бы смешно утонуть после всего того, что ему пришлось пережить.

Казалось, смерть все-таки его подстерегла — если не под обломками обрушенной им самим трубы, то в морской пучине. Руки и ноги уже отказывались двигаться, высовывать голову из воды становилось все

труднее. Гораздо легче было бы прекратить борьбу. Его накрыло очередной волной, и он понял, что уже не вынырнет…

И тут Гидеон ударился ногами о камни и даже сумел встать.

Он потерял счет времени и не знал, как долго пролежал на берегу после того, как нашел чудесным образом силы, чтобы покинуть полосу прибоя. Очнувшись, обнаружил, что лежит довольно высоко, в недосягаемости от волн. Рядом громоздилось, не дотянувшись до воды, то, что недавно подпирало небо в качестве трубы. Вокруг был разбросан толченый кирпич и скрученные в бараний рог куски арматуры.

Гидеон в ужасе похлопал себя по карману и облегченно перевел дух: проводок на месте.

Он встал на четвереньки и стал исследовать остатки трубы, используя как источник света частые вспышки молнии. Труп Кивающего Журавля не пришлось долго искать: он лежал в груде толченого кирпича всего в двух шагах от полосы прибоя. Страх заставлял его спускаться вниз, он и послужил причиной гибели, падения на землю, а не в воду.

От убийцы остался омерзительный кровавый студень.

Гидеон отполз прочь, потом напрягся и с грехом пополам встал. Опустошенный, чувствуя полный упадок физических и моральных сил, он заковылял от остатков трубы к соленой впадине, где качалась его лодка.

Его ждало еще одно важное дело.

ЭПИЛОГ

Гидеон Кру вошел следом за Гарсой в здание «ЭИС» на Двенадцатой улице. Пока что Гарса молчал, но Гидеон чувствовал: тот кипит гневом.

Внутри ничего не изменилось: те же экзотические модели и научные приборы, те же деловито снующие специалисты и лаборанты. Гидеон снова задумался, на кого он, в конце концов, работает. Его звонок в Департамент внутренней безопасности снял все подозрения в законности деятельности Глинна и его сотрудников. Но от этого все они не перестали выглядеть очень странно.

Они вошли в совещательную комнату на четвертом этаже. Глин восседал во главе стола, и его единственный глаз был угрюм, как лондонское небо.

Все молчали. Гидеон, не спрашивая разрешения, уселся, Гарса тоже.

— Итак… — произнес Глин. Опущенное веко его зрячего глаза послужило, видимо, Гарсе разрешением говорить.

— Эли, — начал Гарса тихо, но внушительно, — прежде чем начать, я хочу высказать крайнюю степень несогласия с тем, как вел себя при выполнении задания Кру. Почти с самого начала он пренебрегал нашими инструкциями. На всех встречах лгал мне, а под конец стал действовать совершенно наобум. Отправил меня совсем не туда, где должно было произойти решающее столкновение, пошел на колоссальный риск и создал нам огромную потенциальную проблему на Харт-Айленд.

Веко снова медленно опустилось.

— Расскажите мне об этой проблеме на острове.

— На счастье, нам удалось избежать худшего. — Гарса похлопал по экземпляру «Пост» на столе. В газете бросался в глаза огромный заголовок: «Вандалы на „поле горшечника“. Два трупа».

— Давайте в общих чертах.

— В статье говорится, что прошлой ночью на Харт-Айленд орудовали вандалы. Они угнали с Сити-Айленд лодку, раскопали несколько могил, осквернили останки и сломали технику. Затем один из вандалов вскарабкался на дымовую трубу, которая рухнула в бурю и раздавила его. Пока что он не опознан. Неизвестные застрелили на острове женщину. Остальные сбежали, их разыскивает полиция.

— Превосходно, — произнес Глинн. — Мистер Гарса, вы в очередной раз доказали свою полезность для нашей организации.

— Свою, но не Кру. То, что он спасся, — настоящее чудо.

— Чудо, мистер Гарса?

— Как еще это назвать? С моей точки зрения, он рисковал провалиться с начала и до конца.

Гидеон увидел, как бледные губы Глинна растянулись в улыбке.

— Я бы хотел возразить, — произнес директор. — Как вам известно, у нас в «ЭИС» разработаны программные алгоритмы количественной оценки человеческого поведения и анализа сложных игровых моделей.

— Мне излишне об этом напоминать.

— Ошибаетесь. Вы не задавались вопросом, почему мы сами не послали за Ву команду убийц? Почему не отправили следом за мистером Кру обычную группу наблюдения? Почему не снабдили его дополнительной информацией или оружием? Почему не позаботились о поддержке в лице сотрудников полиции или ФБР? Ведь у нас есть все возможности сделать это и даже больше. — Глинн медленно наклонился вперед. —

Или такой простой вопрос: почему мы сами не попытались убить Киваюшего Журавля?

Гарса помалкивал.

— Мистер Гарса, вам известно о нашей компьютерной оснащенности. Я «проиграл» и эти сценарии, и многие другие. Мы не использовали их по элементарной причине: все они завершались неудачей. Смерть Киваюшего Журавля вызвала бы реакцию колоссального масштаба со стороны китайцев. Именно этой предсказуемости нужно было избежать. Самую высокую вероятность успеха обещал агент-одиночка. Мистеру Кру надлежало действовать самостоятельно, без всякой поддержки, чтобы Киваюший Журавль до самого конца оставался в живых и слал своим хозяевам ободряющие донесения.

— Вам известно мое отношение к вашим программам. По-моему, все это бред, — выпалил Гарса.

Вместо того чтобы оскорбиться, Глин улыбнулся:

— Мне все известно. Вы — сторонник прямых действий и в этом качестве превосходите всех, кто на меня работает. Я бы насторожился, если бы моя психоинженерия не вызвала у вас подозрений. — Он повернулся к Гидеону. — Наш мистер Кру наделен уникальными способностями. И действует в самой раскрепощающей психологической обстановке, какую только можно создать: он знает, когда и как умрет. Понимание, какое это дарует могущество, было у американских индейцев. Величайшее прозрение для их воина — увидеть собственную смерть.

Гидеон заерзал в кресле. Он не был уверен, что Глинн останется таким же самодовольным, когда узнает, чем в действительности закончилась операция.

Серый глаз уставился на него не мигая. Искривленная рука ладонью кверху потянулась из инвалидного кресла над столом.

— Проводок, доктор Кру.

«Вот оно», — подумал Гидеон.

— У меня его нет.

В комнате повисла густая, осязаемая тишина. Никто не спешил ее нарушить.

— Почему? — спросил наконец Глинн.

— Я отдал его последователям Фалуньгун. Вместе с цифрами. Я завершил миссию, порученную Ву. Скоро эта технология станет доступной всему миру — бесплатно.

С лица Глинна сползла самодовольная маска, ее сменило нечто нечитаемое, какая-то сильная эмоция.

— Боюсь, наш клиент будет крайне недоволен.

— Я сделал это потому, что...

Но Глинн не дал Гидеону договорить. Загадочное выражение исчезло, опять сменившись легкой улыбкой.

— Лучше не продолжайте. Я прекрасно знаю, почему вы так поступили.

Гарса не смог долго молчать.

— Самая высокая вероятность успеха! — взорвался он. — Это тоже было в вашей компьютерной программе? Я с самого начала твердил, что этому типу нельзя доверять. Что мы теперь скажем клиенту?

Глинн молча переводил взгляд с одного на другого. Выражение его лица нельзя было назвать очень уж огорченным.

Не выдержав затянувшегося молчания, Гидеон поднялся.

— Если мы закончили, я вернусь в Нью-Мексико и неделю буду отсыпаться. А после — на рыбалку.

Глинн немного поворочался в своем инвалидном кресле, вздохнул. Из-под одеяла, накрывающего его колени, снова высунулась скрюченная рука. Пальцы сжимали коричневый бумажный конверт.

— Это ваш гонорар.

— После того, что натворил, я не ждал оплаты, — неуверенно произнес Гидеон.

— Исходя из сказанного вами наша структура оплаты меняется. — Глинн открыл конверт и отсчитал несколько перехваченных лентой пачек сотенных бумажек. — Это половина от ста тысяч долларов.

Гидеон взял деньги с мыслью, что это все же лучше, чем ничего.

Но Глинн опять его удивил.

— А это остальное, — произнес он и отдал Гидеону другую половину. — Правда, не как плата за оказанные услуги, а скорее как аванс.

Гидеон рассовал пачки денег по карманам, после чего признался:

— Не понимаю.

— Я подумал, что перед отъездом вам захочется заглянуть к одному вашему старому другу, он сейчас как раз в городе.

— Спасибо, но в горной речке Чихуахуэнос меня заждалась форель-головорез.

— А я так надеялся, что вы выкроите время для встречи с другом!

— У меня нет друзей, — сухо отчеканил Гидеон. — А если бы и были, то вряд ли мне захотелось бы к ним заглядывать прямо сейчас. Как вы верно заметили, я живу на заемное время.

— Его зовут Рид Чолкер. Кажется, вы с ним работали?

— В одной технической зоне — это не то же самое, что работать вместе. Я не видел его в Лос-Аламосе уже несколько месяцев.

— Вот теперь и увидитесь. Власти надеются, что вы сможете с ним поболтать.

— Власти? Поболтать? Что за чертовщина?

— В данный момент Чолкер захватил заложника. То есть заложников, четырех человек. Целую семью в Квинсе. Держит их на мушке.

У Гидеона упало сердце.

— Боже! Вы уверены, что это Чолкер? Тот, кого я знал по Лос-Аламосу, — типичный тамошний трудоголик, простой и прямой, как стрела, такой мухи не обидит!

— А теперь разбушевался. Настоящий параноик! Вы здесь единственный, с кем он знаком. Полиция надеется, что вы сумеете его успокоить и уговорите отпустить заложников.

Гидеон угрюмо молчал.

— Мне очень жаль, доктор Кру, но, похоже, ваша форель-головорез на сей раз выживет. А нам надо торопиться. Захваченная семья не может ждать.

1

Глуповатый шпион из сериала «Напряги извилины».